

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Алексей Сыромятников

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Повесть. Рассказы. Притча

Русское эхо
2012

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
С 95

Сыромятников А.А.

С 95   Счастливый билет: Повесть. Рассказы. Притча.—
Русское эхо: Самара, 2012. — 128 с.

ISBN 978-5-904319-68-7

Эта книга о тех, кто блуждает по самому краю пропасти и терпения. О тех, кто потерялся, кому страшно и одиноко, кто упорно цепляется за жизнь только потому, что бескорыстно любит её... так сильно, что готов к самопожертвованию — из благодарности за великий дар. Эта книга о тех, кому выпал воистину «счастливый билет» — жить и сражаться за свою душу.

ISBN 978-5-904319-68-7

© Сыромятников А.А., 2012.
© Русское эхо, 2012.

Ты помнишь обо мне

Повесть

1. Одержимость

Согласно неписаному закону, то, чего ты ждёшь с таким нетерпением, то, чему подчинены все твои мысли, от чего зависит вся твоя жизнь, всё твоё шаткое мироздание, всегда случается ошеломляюще неожиданно. Неожиданно! И ты бросаешься вслепую, сметая всё на своём пути, ширя и подталкивая энтропию своей маленькой вселенной, и ноги твои, словно деревянные палки, словно ходули, не могут найти правильного шага, заплетаются, теряют все точки опоры, увлекая беспомощное тело вниз под воздействиемвнеземного притяжения, и опрокидываются стулья, разбиваются чашки, рассыпается всё и вся в пух и прах, к чертям и ангелам...

— Не может быть, — произнесла Ира, глядя на экран широко открытыми глазами.

Ножка падающего стула легонько чиркнула Иру по ноге, тёмно-синяя чашка с выведенными позолотой цветками гулко перекатилась в полтора оборота за край столика, встав один раз со звяканьем на ручку. Сзади грохнулся опрокинутый стул. Сидящие за соседним столом обернулись.

Чашка упала на пол со странным глухим дребезжанием, не разбившись. Часть кофе разлилась по столу, часть вылилась на пол.

— Что за чертовщина?! — воскликнул, с недоумением уставившись на экран и тоже вскочив из-за стола, Виктор.

Но Ира на него даже не взглянула.

В маленьком кафе «Rendezvous», где они сидели, был включен телевизор, который негромко, но вполне отчётливо транслировал спортивные состязания. Несколько секунд назад началась реклама, и резко увеличившаяся громкость звука привлекла внимание Иры.

На экране кадр, в котором крупным планом было взято лицо Николая, сменился кадром красивой восточной девушки с микрофоном в руке.

— Тише! Мы идём прямо к нему! — девушка приложила палец к губам и озорно подмигнула. — Напоминаю, что мы находимся в самом центре столицы, в главном кафе сети вкусного питания «Grand Burger», и наша передача, как всегда, идёт в прямом эфире, так что всё честно, никаких рекламных трюков!

Девушка двигалась между столиками, манерно вихляя бёдрами, и продолжала заговорщицким тоном:

— По традиции мы выбрали человека для интервью наугад, и он ещё не подозревает, что через несколько секунд миллионы телезрителей увидят и услышат его! Миллионы телезрителей, среди которых и ВЫ!

На последнем слове девушка взвизгнула, ткнув указательным пальцем в объектив, и камера резко повернулась в другую сторону, успев снять, как вздрогнул Николай, прежде чем медленно и даже как-то заторможено поднял взгляд.

— Добрый день! Как вас зовут?! — радостно закричала девушка и сунула микрофон Николаю в лицо.

Николай смотрел пустыми глазами куда-то вовне и молчал. Голова его немного покачивалась взад-вперёд, по подбородку стекал мясной сок и кетчуп, в руке красовался надкушенный гамбургер.

— Он так взволнован, что не может вспомнить своего имени! — доверительно шепнула в микрофон девушка и снова закричала на Николая. — Вы в прямом эфире! Скажите, как вас зовут?!

Николай выдавил глухим голосом:

— Ко-ля.

— Отлично, Коля! — ещё громче завопила девушка. — Скажи, Коля, скажи нам скорее, Николай, за что же ты так любишь гамбургеры «Grand Burger»?!

— Я... — сдавленным голосом только и произнёс Николай.

Снова повисла пауза.

— Смелее, Николай! Это твои пятнадцать секунд славы, о которых говорил... ммм... ааа... а вот ведь забыла кто! — девушка скорчила для камеры смешную гримасу, засмеялась, а затем кокетливо прикрыла рот ладошкой.

Николай несколько раз нервно моргнул и зашевелил губами, не произнося ни звука.

— Ну же, Коленька! — ласково попросила девушка. — Тебе нравится в «Grand Burger»?

Николай заметно напрягся и сказал голосом испуганного ребёнка:

— Я люблю их... потому что они... большие и сочные... такие вкусные...

— Bravo, Николай! — объектив повернулся к бесновавшейся от восторга девушке, и её лицо заполнило всё пространство экрана. — Ну разве можно ему не поверить?! Где ещё вы увидите столько счастливых лиц, как не в «Grand Burger»? Признайтесь, и вам уже хочется скорее попасть сюда, к нам, на праздник жизни! Так чего же вы ждёте? «Grand Burger» объявляет культ еды!!!

Интерьер кафе исчез с экрана, уступив место сверкающей эмблеме «Grand Burger», и детские голоса запищали:

— «Grand Burger»! Мы любим тебя!

— Это же недалеко отсюда... — растеряно прошептала Ира и, коротко взглянув на Виктора, кинулась к выходу. Виктору показалось, что она посмотрела сквозь него, словно его и не было.

— Ира, подожди! — он попытался схватить её, сделал шаг вперёд и поскользнулся в кофейной луже. Лёжа на полу, спустя полсекунды, Виктор внимательно и с ненавистью рассмотрел чашку, упавшую чуть раньше. Позолотой были нарисованы не только цветки, но и ободок, окольцовывающий края верхней части. На ручке, в тех местах, где держали пальцы, тёмно-синий поистерся, превратившись в призрачный бело-голубой.

Громко хлопнула дверь кафе.

— Вот как, — задумчиво произнёс Виктор, рывком вскочил с пола, отряхнулся, поднял чашку и, взглянув на неё ещё раз, но уже холодно и равнодушно, поставил обратно на стол.

* * *

Бездна — вот слово, которое мучило Иру с тех пор, как Николай исчез.

— Бездна без дна, — отрешённо бормотала подчас, забывшись, строчку из старой песни Ира, — бездна без дна...

Коля пропал четыре дня назад. Просто не вернулся вечером домой. Сотовый отключен. Ира звонила друзьям и знакомым. Никто ничего не знал. В следующие дни к поискам присоединились родственники. Сообща звонили в больницы, морги. Ира сходила в милицию и подала заявление о пропаже. По второму кругу обзвонила всех, так ни разу не вспомнив про Виктора. Виктор позвонил сам.

Его звонок застал Иру, когда она, сидя прямо на полу, обхватив голову руками, раскачиваясь и всхлипывая, безуспешно пыталась остановить нарастающие изнутри рыдания. Судорожно схватив сотовый телефон, Ира взглянула на дисплей и почувствовала укол разочарования:

— Здравствуй, Витя, — дрожащим голосом сказала она. — У меня сейчас, к сожалению, нет ни времени, ни сил, чтобы пообщаться с тобой.

— Привет, Ира, — ровная спокойная интонация. — Я хочу помочь тебе. Мне кое-что известно о... Николае.

— Как? Откуда?

Виктор замялся:

— Ну... Ты, видимо, забыла, где я работаю, — в голосе проскользнула чуть заметная усмешка.

— Что? Что с Колей? Его нашли? — тут она испуганно осеклась и после небольшой паузы, сама не веря в то, что может произнести это вслух, спросила: — Или нашли его... труп?

Виктор вздохнул. И ничего не ответил.

— Да что же ты молчишь? — спросила Ира шёпотом. Слёзы текли по её щёкам, но она не чувствовала этого.

— Ира... Только не по телефону. В пять в «Rendezvous», помнишь такое кафе?

— Да, я помню. Хорошо, — тут же без колебаний согласилась Ира.

* * *

Даже в этом красивом, странном и жестоком мире нет, наверно, ничего сложнее и запутаннее человеческих отношений. Сколько невыразимой радости, сколько невыносимого горя! Сколько любви и заботы, сколько нелепого недопонимания! Трогательно-трагичные, непонятные смертные, сам Господь Бог не вмешивается в наши отношения друг с другом. И сам Господь Бог не поможет тебе, если твоя любовь безответна. Сколько не проси.

Ира и Витя дружили с детства. Они учились в одном классе и, так как жили неподалёку, часто бывали в гостях друг у друга или гуляли вместе во дворе. Да и семьи их были давно и хорошо знакомы между собой: обе семьи не раз собирались за праздничным столом в уютной и дружеской обстановке. Летом выезжали на природу. Ах, беззаботное детство: светлая простота милых и просторных дней. Как же всё скоротечно!

Когда Ира перешла в десятый класс, её родители развелись. Мать Иры тут же вышла замуж за немца и уехала жить в Германию, слёзно пообещав со временем забрать туда и дочь. Отец, недолго погоревав в запое, утешился тем, что ушёл жить к новой подруге, оставив Иру на попечение своей матери, Антонины Григорьевны.

Первым делом Антонина Григорьевна спрятала от Иры электрический чайник, поставив на плиту металлический со словами:

— Ты электричества жжёшь столько, словно сама за него пла-

тишь! А отец надрывается на двух работах, чтобы дать нам денег на коммунальные услуги.

Заметив, сколько Ира расходует шампуня, Антонина Григорьевна чуть было не упала в обморок.

— Да того, что ты за один раз на себя выливаешь, мне бы хватило на неделю! — орала красная от ярости Антонина Григорьевна.

В последующие дни гулко грянули скандалы с мылом, зубной пастой и туалетной бумагой.

Покупать продукты Антонина Григорьевна предпочитала самые дешёвые, пусть иногда и безнадёжно несъедобные.

— Если мясо, то соевое, если белок, то растительный, если сырок, то плавленый, — жаловалась Ира Вите, пытаясь спастись чувством юмора от раздражения и безнадёги.

Какую-то часть продуктов Антонина Григорьевна бережно прятала и доставала только тогда, когда они уже начинали портиться. Если Ира отказывалась есть что-то подобное, Антонина Григорьевна свирепела и, отвызжавшись про то, «какая дрянь мать Иры», «какая дрянь сама Ира», про то, что «в блокадном Ленинграде люди умирали с голоду», «а нынешняя дрянная молодёжь не знает цену ни деньгам, ни еде» и т.д. и т.п., она неизменно заканчивала одной и той же фразой:

— Ну что ж, губы толще — брюхо тоньше.

Помимо редкой скаредности, Антонина Григорьевна отличалась злым и неуживчивым характером. Иру она ненавидела всем сердцем, и очень скоро внучка стала отвечать ей взаимностью. В квартире начали громко хлопать двери, летать сковородки, разбиваться зеркала. Прибыл вызванный Антониной Григорьевной отец Иры и провёл длительные беседы отдельно с каждой стороной конфликта. После этого в квартире воцарились ледяная вежливость и редко нарушаемое молчание.

С Ирой отец говорил довольно жёстко, требуя уважения к бабке. Для Иры это был настоящий удар. Это было предательство. Она перестала уважать отца. Привычный мир вдруг развалился на части, явив неприглядный хаос реальности. Бездна без дна... Ира чувствовала себя брошенной. Мать звонила редко, и, скорее по её тону, чем по словам, Ира понимала, что у матери не всё складывается благополучно. Обещания матери забрать Иру к себе продолжали звучать, но уже не так убедительно: в них проскальзывала инерция. После разговоров с матерью Ира плакала и старалась не выходить из своей комнаты, чтобы не доставлять удовольствия Антонине Григорьевне видом своего горя. Наверно, в один из таких сломанных, перекалеченных дней Ира и поняла на каком-то глубоко бессознательном уровне, что для неё детство закончилось.

Плохо, когда дома тебя ожидают, затаив злобу и ревность. Когда зимой на улице тебе теплей, чем дома. Когда ты стоишь перед дверью, ведущей домой, и ищешь хоть какую-то зацепку, чтобы развернуться и уйти, так и не открыв эту дверь. Когда не хочется возвращаться домой, ты как осенний листок, подхваченный ветром!

Ира, ощутив себя совсем взрослой, с презрением отмахнулась от бывших доселе незыблемыми табу и окунулась в мир взрослых «удовольствий». Домой стала возвращаться поздно и с неизменной жевательной резинкой во рту, призванной приглушить запах алкоголя и сигарет. Перекрасила волосы в чёрный цвет. Антонина Григорьевна по уже отработанной схеме тут же вызвала отца Иры, но теперь его приезд не принёс никакого результата. Разговора вообще не получилось, потому что Ира на все вопросы и угрозы отвечала с безразличием и холодом, словно говорила с чужим человеком. Отец потом только развёл руками перед разъярённым лицом Антонины Григорьевны:

— Возраст такой! Ну, не бить же мне её, в конце концов.

Антонина Григорьевна считала иначе, но, подсознательно побаиваясь агрессивного настроения внучки, просто перестала с ней общаться и, лишь проходя мимо, со злостью шептала, глядя в сторону:

— Ах ты, дрянь. Дрянь.

Казалось бы, такая напряжённая и «дрянная» ситуация дома должна была бы загнать Иру глубоко в себя, вылепить из неё робкого и необщительного интроверта с партизанскими отрядами затаившихся внутри комплексов. «Только вышло всё иначе, вышло вовсе и не так». Скорее, наоборот. Ира легко и непринуждённо заводила новые знакомства, список её друзей и приятелей стремительно рос. Иру переклинило в другую сторону: она стала «сверхобщительной». Сверстники тянулись к ней из-за её красоты и обаяния. Ира умело пользовалась этим и привязывала людей к себе. Но также умело, с прирождённой грацией и осторожностью, она держала людей на расстоянии от своего сердца. Единственным, по-настоящему близким другом для Иры был Витя. Витя, друг детства. Как родной брат. Так относилась к нему Ира. Ох, уж эта женская наивность! Старательно не замечать очевидного, никогда не рассчитывать сил своих чар...

К старшим классам Витя любил Иру без памяти и был твёрдо уверен в её ответных чувствах. Он всё время старался быть рядом с Ирой, оберегать и защищать её. Он был настолько убеждён в верности Иры, что никогда не обсуждал с ней своих чувств и не знал ревности. До поры до времени.

В классе Витя считался самым умным. В этом единодушно сошлись и учителя, и ученики. У него были прекрасные способности к точным наукам (к гуманитарным он относился с некоторым равнодушием, но, благодаря старанию, и в них был одним из первых). Одноклассники постоянно списывали у Вити домашнее задание, всегда безупречно и аккуратно выполненное к сроку. На контрольных у Вити тоже списывали. И даже если вариантов заданий было много, Витя, как правило, в течение первых десяти минут урока решал свой, а в оставшееся время решал чужие. И никому не отказывал в помощи. Но помогал не из любви, а, скорее, из-за безразличия и чувства собственного умственного превосходства. Так он самоутверждался.

Единственным предметом в школе, с которым у Вити отношения никак не складывались, была физкультура. Коренастый низенький физрук, хронический алкоголик и прожжённый сигаретами (иногда и не с табаком) циник, говорил Вите с нескрываемым презрением:

— Ты, парень, просто не понимаешь, что твоя умная всезнающая голова должна держаться на сильных и широких плечах. А ты посмотри на себя: хилый, сутулый да ещё в очках. Растение из ботанического сада. Да тебя девчонка побьёт.

С девчонками, к слову сказать, физрук часто бывал столь же суров и прямодушен: одну осудил за обилие косметики и сравнил с «придорожной шлюхой», другую довёл до истерики лекцией о разных степенях ожирения, уверяя, что у неё-то уж точно самая последняя и губительная. Жил физрук, как бы это странно и прискорбно не прозвучало, в самой школе. По ночам в ней же подрабатывал сторожем. Несколько раз его избивали старшеклассники.

Витю физрук ненавидел вполне искренне и третировал на уроках со всей силой своей неудавшейся, потерянной жизни. В девятом классе Витя принёс в школу справку об освобождении от занятий физкультурой, купленную родителями через знакомых, и больше на уроках физкультуры не появлялся. Такой исход конфликта устроил почти всех: и школу, и родителей, и самого Витю. Только физрук с тех пор как-то недобро шурился на ученика и презрительно усмехался, когда они случайно сталкивались в коридоре.

В одиннадцатом классе Витя стал больше внимания уделять своей внешности: сменил очки на линзы, начал вяло и с неохотой отжиматься по утрам, но, в общем и целом, так и остался очень умным и сутулым «ботаном». У него не было близких друзей — лишь несколько приятелей, с которыми он иногда играл в шахматы и карты. Центром его жизни была Ира.

А Ира и не подозревала, какие глубокие чувства испытывает к ней её самый лучший друг. Люди и события крутились и вертелись вокруг неё подобно водовороту, дни вспышками-выстрелами мелькали-гремели и стремительно исчезали в мертвенно-бледных объятиях прошлого, оставляя пороховой запах неосмысленных впечатлений и конфетти смутных воспоминаний.

Однажды знакомый парень, вскоре затерявшийся в массе бесчисленных друзей и воздыхателей, подарил Ире диск, куда, как он выразился, «записал всё самое лучшее, что есть в музыке». Среди папок, присутствующих на диске, Ира не обнаружила ни одного знакомого названия, а потому ткнула наугад одну из папок в Winamp. Это оказался дебютный альбом «Ramones» 1976 года.

С первыми же звуками, ревушим локомотивом вылетевшими из колонок, Ира поняла, что её жизнь изменилась навсегда. Именно так — ни больше, ни меньше. К середине первой песни Ира скакала по комнате, размахивая руками, смеясь и крича от восторга (благо, Антонина Григорьевна ушла на рынок за продуктами). Когда звучала «Now I Wanna Sniff Some Glue», по батарее уже вовсю лупили возмущённые соседи, но Ира только вывернула регулятор звука на колонках до предела. Неукротимая энергия сумасшедших смертных мощными фонтанами радости била из далёкого 76-го, сметая на своём пути годы и языковые барьеры, попирая саму смерть. Музыка молодых!

Когда альбом закончился, Ира в изнеможении рухнула на кровать и прошептала в потолок:

— Вот это да!

На том же диске оказались и «Clash», и «Damned», и «Sex Pistols», и «Buzzcocks», и многие другие. Всё это было настолько ново и неожиданно, что серый обыденный мир вдруг заиграл, заискрил яркими незнакомыми красками, и Ира почувствовала, как откуда-то изнутри взмывает, наполняя всё её существо трепетом пробуждения, необычная сила, вызывающая к немедленному и безотлагательному действию. Так Ира начала писать стихи и заинтересовалась рок-музыкой.

Вите новые увлечения подруги пришлись не по вкусу. Стихи Иры показались ему наивными, глупыми и корявыми (о чём он, конечно, целомудренно умолчал). К музыке он был и вовсе равнодушен: слушал только радио, да и то редко. Некоторое время Витя с вымученной улыбкой ходил вместе с Ирой на концерты, не получая от них никакого удовольствия и с удивлённым недоумением глядя на прыгающих возле сцены людей. Потом махнул на всё это рукой и стал встречать Иру после концертов, чтобы проводить домой.

На одном из концертов Ира познакомилась с барабанщиком начинающей панк-рок группы «Напролом». Барабанщик, словно не замечая растущего в глазах девушки восторга, спокойным, будничным голосом, глядя немного в сторону, поведал о том, что у «Напролома» скоро выйдет первый альбом, и пригласил Иру на концерт, пообещав провести бесплатно, «по плюсу».

В тот же вечер Ира с возбуждением пересказала всё это Вите, когда он провожал её домой. Витя насторожился.

— Думаешь, будет интересный концерт? Пожалуй, в этот раз я схожу с тобой, — как бы невзначай бросил Витя и пытливо взглянул на подругу.

— Конечно, пошли! — искренне обрадовалась Ира. На том и порешили.

К зданию, где располагался клуб, они подошли за час до начала концерта. Зайдя внутрь, они разделись в гардеробе и поднялись на второй этаж. Перед входом в зал уже собралась небольшая очередь. Деньги за билет взимал охранник, дежуривший с металлодетектором перед массивной деревянной дверью.

Ира позвонила на сотовый своему новому знакомому. Через несколько минут дверь в зал распахнулась, и оттуда вышел низкорослый, но довольно крепкий на вид парень с некрасивым, но выразительным лицом. Его длинные чёрные волосы чуть раскачивались в разные стороны, когда он двигался. Это и был барабанщик группы «Напролом». Он, усмехаясь, поманил Иру пальцем.

— Привеет! — закричала Ира, радостно подпрыгнула и, схватив Витю за руку, побежала ко входу. Витя уныло поплёлся следом, тормозя её движение.

— Привет, привет, — вальяжно произнёс барабанщик и приобнял Иру. На Витю он не обратил никакого внимания.

— Девушка со мной по плюсу, — сказал барабанщик охраннику и указал на Иру.

— Хорошо, проходи, — буркнул охранник и посторонился.

— А как же я? — растерянно воскликнул Витя.

Барабанщик удивлённо посмотрел на него и пожал плечами:

— А ты не со мной.

— Почему так? — невольно вырвалось у Вити, и он тут же почувствовал себя полным идиотом, краска залила его лицо.

— Потому что у неё есть сиськи, а у тебя нет, — отрезал барабанщик и открыл дверь в клуб.

Ира повернулась к Вите и, легко тронув его по плечу пальцами, сказала:

— Купи билет и заходи. Я буду ждать тебя внутри.

— Хорошо, — с трудом выдавил из себя Витя. Таким униженным он ещё никогда в жизни себя не чувствовал.

Ира и барабанщик скрылись внутри.

Витя вздохнул и спросил у охранника:

— Сколько стоит билет?

— Встань в очередь, — ответил тот.

Концерт превратился для Вити в настоящий кошмар. Ира затасила его настолько близко к сцене, что он несколько раз, совсем того не желая, заглядывал прямо в остекленевшие, неподвижно-безумные глаза вокалиста, жутким голосом скрежещавшего в микрофон что-то, типа:

— Буржуй сожрал твою свободу, ты слишком слаб! Буржуй купил твою свободу, теперь ты раб!!

Впрочем, в оглушительном, кашеобразном, ревуще-визжащем звуке несостроенных инструментов большую часть слов разобрать было невозможно. Ира кричала и прыгала с поднятыми вверх руками. Витя, вжав голову в плечи и ошарашено озираясь, стоял рядом. Вокруг них отплясывала, толкалась, дёргалась, тряслась и качалась потная бесноватая толпа.

После концерта, провожая Иру домой и рассеяно слушая её лепет о том, какие классные эти ребята — «Напролом», Витя вдруг с горечью ощутил, как в его размеренной, продуманной, прочерченной мысленно далеко вперёд жизни что-то надломилось. «Проломилось», если угодно. Плохие предчувствия сковали его существо, ненасытными червями заползли глубоко внутрь вместе с холодом позднего февральского вечера. Плохие предчувствия угнездились рядом с сердцем.

С того вечера Витя стал видаться с Ирой гораздо реже: в основном, только в школе. Она отговаривалась плохим самочувствием, нехваткой времени и проблемами дома. Витя видел, что она ложёт. Ира перестала появляться в знакомых Вите компаниях, словно потеряла интерес к общению с людьми. На уроках она сидела задумчивая.

Только тогда Витя впервые понял, что такое ревность. В его голове рождались — одна хуже другой — мучительнейшие картины. Витя, зажмурив глаза, судорожно мотал головой, чтобы отогнать морок, но воображение тут же создавало ещё более отвратительный. В замкнутом пространстве своей комнаты Витя метался, натываясь на предметы и стоная, и если бы мог залезть на стену, то сделал бы это. Еда потеряла вкус, ночи — сон, голову оставил разум. Ревность и безумие всегда идут рука об руку. Не в силах терпеть потери контроля над собственной действительностью и этого высасывающего душу наваждения, Витя решил объясниться

с Ирой. Признаться ей во всех своих чувствах. Выяснить всё раз и навсегда. Вернуть заблудившуюся реальность на место. «Love is control, I'll die if I let go»¹.

Тот день был морозным и солнечным. Они шли из школы молча. Ира улыбалась и довольно жмурилась, подставляя лицо солнечным лучам. У неё было хорошее настроение. Витя шёл в каком-то полусне, спотыкаясь и прикрывая глаза от солнца рукой с мелко трясущимися пальцами. Он задыхался от волнения. Приготовленное заранее, продуманное до мельчайших деталей и даже отрепетированное дома перед фотографией Иры признание вдруг рассыпалось, обдав брызгами теперь уже бессмысленных фраз. Слова перемешались в голове, вызывая дурноту. Когда они остановились около двери в подъезд, Ира повернулась к Вите и широко улыбнулась:

— Спасибо, что проводил. Ты просто чудо!

Витя смотрел Ире прямо в глаза. Её глаза лучились нежностью. Витя потянулся к Ире и сказал:

— Обними меня.

Она с готовностью обняла. Они стояли так несколько секунд, положив головы друг другу на плечи. Потом чуть отодвинулись, не разрывая объятий, и снова встретились взглядами. Витя потянулся губами к губам Иры, но она испуганно отшатнулась и замотала головой. Радость в глазах Иры сменилась непониманием и болью. Ира выскользнула из объятий Вити. Он не пытался её удержать, но руки его так и замерли в воздухе, словно он всё ещё обнимал её.

Достав из кармана ключ, Ира открыла дверь в подъезд и, не оборачиваясь, скрылась внутри. Дверь плавно закрылась, щёлкнул замок.

Всё это происходило, как в замедленной съёмке, так, словно Витя смотрел фильм с собственным участием. Он не помнил, как добрёл до своего подъезда. По дороге он неестественно громко смеялся и хватался руками за голову.

На сотовый ему пришло сообщение от Иры: «Витя, ты же мой единственный настоящий друг, зачем ты так со мной? Я думаю, что лучше нам какое-то время не общаться».

Какой загробный ад с кипящей смолой и чертями сравнится с адом в душе человеческой? Каково это — неожиданно очнуться от грёз в жестокую реальность, где всем твоим жалким чаяниям, планам, да и вообще тебе, каким ты был, больше нет места? «Don't go dreaming, don't go scheming, a man must test his mettle in a crooked old world»².

¹ Любовь — это контроль (власть), я умру, если отпущу (позволю уйти).

² Не мечтай, не планируй, человек проверяет своё рвение в старом лукавом мире.

Непреодолимая боль — вот что такое безответная любовь. Витя не чувствовал ничего, кроме этой боли. Из последующих неудачных попыток объяснить с Ирой он услышал, что ей тоже очень больно и она намерена положить предел этим обоюдным мучениям.

— Я хочу, чтобы ты понял: мы можем быть только друзьями. Разве этого мало?! — в отчаянии воскликнула Ира.

Она оказалась верна своему слову и стала избегать общения с Витей. Но чем длинней отмеряла дистанцию Ира, тем настойчивей Витя искал встречи, не понимая, что пропасть от этого только растёт и ширится. Витя стал навязчив. Он постоянно звонил, даже несмотря на то, что Ира, в конце концов, перестала отвечать. Писал смс-сообщения. Писал в социальных сетях. Ждал после уроков. Дежурил возле подъезда.

На выпускном вечере Витя, до того почти не употреблявший алкогольных напитков, быстро «нарезался». Шатаясь по школьной столовой, где проходило празднество, он спрашивал у всех:

— Где Ира?

Но никто не знал, где она. Никому не было до Вити дела. Никто не собирался помогать ему в поисках. И тогда Витя внезапно догадался, что это заговор. Они спрятали Иру от него. Все, все они были заодно. Витя грозно покачал вытянутым вверх указательным пальцем и прошептал, раскачиваясь из стороны в сторону:

— Вам меня не обмануть, свиньи!

Перед его мутным взором мелькали перекошенные от хохота рожи, оскаленные вопящие рты сливались с фужерами и рюмками в ненасытных глотках, жадные жирные руки тащили еду пригоршнями из тарелок, роняя сочащиеся маслом и майонезом куски на пол, где их давила, давила, давила, превращая в мерзкую грязную жижу трясущаяся от возбуждения, слипшаяся в неистовой бесконтрольной пляске плоть. Потная бездушная биомасса наваливалась со всех сторон, мешая двигаться, загораживая дорогу. Заговор! Витя, отчаянно маша руками влево-вправо, растолкал стоящих перед ним и, наступив одной ногой на свободный стул, вскочил на стол. Звякнула подскочившая посуда. Покатилась к краю, заливая всё на своём пути шипучей пеной, недопитая бутылка шампанского.

— Ира!! Где же ты?! Ира!!! — успел пронзительно крикнуть Витя и тут же кубарем свалился со стола, увлекая за собой в падение чьи-то тарелки и рюмки.

— Ой-ёй-ёй, выведите его скорее на свежий воздух: ему совсем плохо, — заверещал рядом лицемерно-заботливый голос директрисы, и чьи-то сильные руки схватили и поволокли Витю прочь из столовой.

— Ира, я люблю тебя! Я люблю тебя! — хрипел и стонал Витя, пока кто-то тащил его через холл к выходу из школы.

Снаружи, на свежем воздухе, Вите и правда сделалось «совсем плохо». Захлёбываясь рвотой, он, поддерживаемый под руки, доковылял до кустов, где долго и мучительно блевал. Некто так и остался рядом, придерживая Витю за плечи, чтобы он не упал.

Когда потоки рвоты иссякли и лишь длинная полоса слюны тянулась из Витиного рта до самой земли, заботливый помощник довёл Витю до крыльца. Витя присел на ступени. Рядом сел его ангел-хранитель. Это был физрук.

— Почему она не любит меня? — дрожащим голосом прошептал Витя, глядя в никуда. — В ней же вся моя жизнь! Почему она не любит меня?

— Слышь, ты давай держись! Что, на ней свет клином сошёлся что ли? Будут и другие, — как-то устало и неуверенно пробормотал физрук и похлопал Витю по плечу.

— Почему она не любит меня?! — простонал Витя и заплакал.

После школы Ира поступила на факультет журналистики, а Витя ушёл в армию. И если первое событие никого не удивило, то второе всех повергло в крайнее изумление. Витя с его блестящими способностями к наукам и умом мог без труда поступить в вуз. И сам он, конечно, знал об этом. Более того, он не был годен к службе из-за слабого зрения, но, заучив наизусть расположение букв в таблице для определения остроты зрения, перешагнул через это препятствие.

В следующие два года Ира ничего толком о нём не знала. Сам он не писал, а его родители больше не желали с ней общаться, считая её виновницей всего случившегося. И лишь через знакомых до Иры доходили слухи, что Витя попал в какие-то специальные войска, и даже город, в котором располагалась часть, не обозначен на картах.

Ира полагала, что, вернувшись из армии, Витя как-нибудь даст о себе знать. Но два года прошло, а никаких вестей от него не было. Он вообще исчез: теперь ни у кого не было о нём информации.

Так прошло ещё несколько лет. А потом Витя неожиданно позвонил и предложил встретиться. Ира с трудом узнала его голос.

— А надо ли, Витя? Столько лет уже прошло. Я, конечно, рада была бы увидеть тебя... — неуверенно начала Ира, но Витя её перебил:

— Вот и отлично. Обещаю, что это будет просто дружеская встреча и ничего более. Просто встреча старых друзей, друзей детства.

Ира согласилась.

Они встретились в небольшом кафе под названием «Rendez-vous». Когда-то это кафе называлось «Rendezvous 6:02» и было сво-

еобразным островком эпохи прогрессивной музыки 60-70 годов в суровой российской действительности: на стенах висели большие фотографии групп и плакаты с изображениями оригинальных обложек известнейших в истории рок-музыки альбомов, в зале с утра до вечера витали волшебные звуки «Pink Floyd», ELP, «King Crimson», «Camel», «Soft Machine», «Jethro Tull», «Pavlov's Dog» and so on, а по вечерам выступали отечественные арт-роковые и джаз-роковые коллективы. К сожалению, со временем кафе поменяло владельца. Новый хозяин сразу же выбросил из названия непонятные ему цифры, снял плакаты и фотографии, повесил вместо них изображение Эйфелевой башни и поставил в кафе огромный телевизор, заменивший своим бесполезным бормотанием музыку.

Ира и Витя расположились за столиком возле окна. Во время разговора Витя несколько раз отрешённо и задумчиво поглядывал на улицу, словно решал в голове сложное уравнение. Он сильно изменился внешне: вместо робкого и сутулого «ботаника» — уверенный в себе и элегантный молодой человек. Хорошо одетый, с широко расправленными плечами и распрямлённой спиной. Под одеждой угадывалось мускулистое, натренированное в спортзале тело. Волосы зачёсаны назад. Внимательный взгляд оценивающе изучал Иру, когда она говорила. Иру это смущало. Как и нечто другое, что она разгадала и осмыслила далеко не сразу. Что-то в этом новом, практически незнакомом ей человеке настораживало, внушало подсознательный страх. Что-то неумовимо неприятное, неестественное.

Но, несмотря на эти ощущения, Ира была рада Вите, и встреча получилась действительно дружеской. Они вспомнили школьные годы, поделились новостями об одноклассниках и учителях. Опасения Иры, что Витя снова начнёт говорить о своих чувствах, оказались напрасными. И, лишь когда она упомянула, что живёт в съёмной квартире вместе с молодым человеком по имени Николай, Витя пристально посмотрел на неё и спросил спокойно:

— Ты его любишь?

— Да, — ответила Ира.

— А он тебя?

Ира улыбнулась и кивнула:

— Да.

— Надеюсь, он тебя достоин, — только и сказал Витя, и больше они к этой теме не возвращались.

Когда Ира спросила у Вити, где он работает, Витя ответил, что занимается «научными проектами».

— А что за проекты? Расскажи, — попросила Ира.

— К сожалению, не могу: все эти проекты засекречены и раз-

глашение сведений о них приравняется к измене родине, — усмехнулся Витя.

— Погоди-ка, погоди, — заинтригованная, промолвила Ира, и в ней тут же проснулся журналист, — ты же, говорят, служил в каких-то секретных войсках? А сейчас что, значит — ФСБ?

— Ну, можно сказать и так.

— А как ещё можно сказать? — продолжала выпытывать Ира.

— Смежная организация, — уклончиво ответил Витя и, улыбаясь, поднял над столом перед Ирой раскрытую ладонь в предостерегающем жесте: — Ира, больше никаких вопросов о моей работе, а то меня расстреляют.

— Если всё настолько секретно, зачем ты вообще упомянул, что занимаешься этим? — спросила Ира и добавила: — Ты же мог соврать что-нибудь.

Витя грустно усмехнулся:

— Зачем? Ты же мой единственный настоящий друг.

— Подруга, — машинально поправила Ира, внимательно глядя на Витю.

— Да, точно, подруга, — рассмеялся Витя. Но рассмеялся как-то невесело. Словно смеялось только его лицо, а не сам он.

И вот именно тогда Ира поняла, что же так пугало и коробило её в этом новом, непонятном и странном человеке, друге детства. Всю встречу Витя оставался уравновешенно-спокойным, чуть ли не хладнокровным (чуть ли не равнодушным?!) и, даже когда смеялся, делал это, скорее, потому, что этого требовала ситуация, чем потому, что ему действительно было смешно. Его лицо напоминало маску: иногда подвижную, живую, а иногда и холодную, застывшую, лишённую движений и чувств, забывшую выразить надлежащие эмоции. Несколько раз Ира ловила себя на том, что, рассказывая о чём-то, она вынуждена делать паузу и заглядывать Вите прямо в глаза в поисках реакции. Но он только молча смотрел на неё, без улыбки, внимательно и спокойно. Словно врач на душевнобольную. Уже потом, мысленно возвращаясь к встрече, Ира подумала: «Настоящий чекист. Дома, наверно, тренировался перед зеркалом. А, может быть, у них есть какие-нибудь специальные курсы? «Курс каменного лица», например?»

Только в одной фразе, произнесённой Витей — «Зачем? Ты же мой единственный настоящий друг» — проступило что-то беззащитное, уязвимо-человеческое, скорбное и жалостливое, словно это был крик о помощи.

После той встречи Витя ещё несколько раз звонил Ире и предлагал увидеться снова, но она всегда находила вежливый, но твёрдый повод для отказа.

Так уж устроен человек, что, утопая в беде, он готов ухватиться за любую соломинку, поверить в самую невероятную и фантастическую помощь, в *deus ex machina*, во что угодно. Садясь за столик в кафе и с нетерпением глядя на расположившегося напротив Виктора, Ира уже успела убедить себя в самом скором и удачном разрешении ситуации, в том, что Витя обязательно поможет найти Николая и Николай сегодня будет дома, в том, что ей не придётся вглядываться в бездну и сражаться с чудовищами. Бездна без дна...

Виктор сидел, поставив локти на стол. Руки его были сложены замком. Он задумчиво изучал их глазами.

— Витя! — с тревогой окликнула его Ира. Она села за столик как пришла: прямо в верхней одежде.

Виктор медленно перевёл взгляд на Иру. От внутреннего напряжения у него вздулась вена на лбу.

— Я заказал тебе кофе, — тихо, почти шёпотом произнёс он. — Чёрный, без молока. Как ты любишь.

— Что с Колей? Где он? — подалась вперёд Ира, облокотившись на стол. Её била дрожь.

Виктор, громко выдохнув, опустил голову, уткнувшись лбом в сцепленные над столом руки. Виктор молчал. Кончики его переплетённых между собой пальцев стали бордово-красными от прилившей крови. Виктор спрятался за замком из рук. Ира не могла видеть, как на его лице проступает горькая искривлённая усмешка.

Из-за спины Иры появилась официантка. Она принесла кофе в тёмно-синих чашках с жёлтыми узорами. Переставив чашки с подноса на стол, официантка бросила испуганный взгляд сначала на Виктора, потом на Иру, но, так и не решившись ничего сказать, ушла. По кафе разносился невнятный бубнёж телевизора: шла трансляция спортивных соревнований.

Виктор вдруг резко убрал руки со стола, глубоко вздохнул, так, словно он задышался — одним судорожным, рваным глотком — и безумно посмотрел на Иру. Ей показалось, что на неё глянула сама бездна.

— Ира, я люблю тебя! — отчаянно воскликнул Виктор и продолжил дрожащим, полным страдания голосом: — Уверен: ты знаешь об этом. Ты всегда знала об этом... Как я должен поступить, чтобы ты стала моей?!

— Что?.. — в недоумении отпрянула Ира.

— Все эти годы, все эти жалкие, несчастные годы я пытался забыть тебя, да что там, я пытался забыть себя, лишь бы забыть тебя, выкинуть тебя из своей жизни раз и навсегда, выкинуть твой

образ из своих снов, выкинуть неотвязную память о тебе из этого кошмара, что зовётся реальностью, — истушённо заговорил Виктор, сбиваясь, повторяясь и путаясь в словах, торопясь высказаться, чтобы не дать Ире возможности перебить себя. — Ты разбила моё сердце, моё глупое злосчастное сердце! Но даже теперь, даже теперь... глупое, глупое сердце! каждый осколок его, кровотока, кричит о любви к тебе. Любовь к тебе — это боль! Любовь — боль! О, эта бесконечная, неисчерпаемая, неотступная боль, хуже любого проклятья, любого ада... бескрайний ад любви! Я не могу забыть тебя, не могу жить без тебя... Я тогда ушёл в армию, ушёл, надеясь, что там из меня выбьют твой образ: выбьют кулаками, сапогами, уставом, отжиманиями, временем, расстоянием. Дурак! Чем неосуществимей, недоступней делалась даже сама встреча с тобой, тем крепче становилась моя любовь, тем невозможней казалась мне жизнь без тебя! И образ твой воссиял ещё ярче, и от его света совсем помутился мой разум. Я сошёл с ума, слышишь? Я безумен! Я готов на всё, лишь бы ты была моей! И никто, кроме тебя, не может мне помочь... и никто, кроме тебя, мне не нужен... и всё, всё, что происходит, я вижу только через свет твой, ты — центр моего мироздания, ты — смысл моей жизни, ты — та, которая всегда рядом и которой никогда рядом нет. Ты, Ира...

Последние слова Виктор произнёс шёпотом и обессилено замолчал. Он тяжело дышал.

Ира смотрела на него с ужасом. «Одержимый! Он просто одержимый! Надо быть осторожной», — забился в запоздалой тревоге её разум, но Ира уже снова перегнулась через стол и, стараясь придать голосу ровную спокойную интонацию, спросила:

— Тебе что-то известно о Коле? Мы ведь поэтому договорились здесь сегодня встретиться, не так ли? Так что тебе известно?

— Что мне известно? — задумчиво переспросил Виктор, вздохнул и вдруг расслабленно откинулся на спинку стула, положив на неё одну руку и закинув ногу на ногу. Было видно, что к нему вернулось утраченное самообладание, словно в предыдущие несколько минут он выплеснул всё безумие, накопившееся внутри. — Да всего лишь... всё. Приехал из маленького провинциального городка. Получил в столице высшее образование — филологическое. Работал журналистом, копирайтером, корректором, грузчиком, маляром... кем там ещё? Расклейщиком объявлений? По-моему, даже дворником? Ни на одной серьёзной работе не продержался дольше испытательного срока. Ныне безработный. Несколько напечатанных рассказов и статей. Двадцать восемь лет. А вот, собственно говоря, и всё. Больше про него нечего сказать. Настоящий неудачник. Ничтожество...

— Хватит! — крикнула Ира. — Что ты с ним сделал?!

Виктор зло рассмеялся и покачал головой:

— Да забудь ты о нём. Он мёртв.

В этот момент телевизор издал резкий звук начавшейся рекламы, и Ира инстинктивно дёрнула головой в сторону экрана. Глаза её округлились. Она рывком вскочила из-за стола, задев рукой чашку, и выдохнула:

— Не может быть.

2. Break On Through To The Other Side¹

Через густую человеческую массу вечернего мегаполиса, увязая в липкой каше из встревоженно-бледных расплывающихся лиц, Ира бежала, сопровождаемая возмущёнными возгласами и бранью, бежала, беззастенчиво расталкивая встречающих, врезаясь в них, наступая на ноги, сбивая зажатые в руках сумки с продуктами, уворачиваясь от цепких пальцев и пружинящих плечей. Бег с препятствиями.

— Только движение отделяет нас от бездны, даже если это движение в бездну, — прикололся как-то Николай.

Удушливые толпы огромного людского муравейника... Коля не любил столицу. Он переехал в неё вместе с родителями из небольшого провинциального города, когда ему было четырнадцать лет. Переезжать ему не хотелось. Он рассказал Ире, что первым его впечатлением стала самостоятельная поездка на метро.

Спустившись вниз, он остановился прочитать табличку с названиями станций. Не обладая хорошим зрением, Коля некоторое время всматривался в таблицу, когда подошли поезда к обеим платформам сразу.

— Я никогда до этого не видел столько людей, надвигающихся на меня с огромной скоростью! — со смехом признался Коля. — Они все стремились успеть к эскалатору в числе первых, словно от этого зависела их дальнейшая жизнь и благополучие. Я всерьёз испугался, что меня затопчут. Или что это убегающее из кадки подземки тесто вынесет меня наружу.

Бешеный ритм столичной жизни, вечная спешка и напряжение всего вокруг вызывали у Коли смешанные чувства растерянности и отвращения. Родители не поняли сына. Им казалось, что он должен быть рад не только повышению отца по работе, но и самому переезду: какой же молодой человек не мечтает восторженно о столице?!! Ну, таким человеком как раз и был Коля...

— Здесь совершенно нет пространства, только время, которого тоже, впрочем, всем не хватает, — говорил Коля. — Пространство

---

¹ Прорывайся на другую сторону.

же раздавлено налепленными друг на друга домами, магазинами, рынками, изрезано лентами дорог, затоптано, загажено, вытеснено. Нет просторных дворов, пустынных улочек, уединённых мест. Не хватает воздуха. Клаустрофобия вперемешку с агорафобией.

Пойманный в капкан сильнейшего контраста между новой столичной и прежней, размеренно протекавшей в маленьком провинциальном городке, жизнью, Коля почувствовал отчуждение от окружающей его действительности. Все его друзья остались в родном захолустье, новые знакомства давались с трудом и к близости не вели. В школе Коля так и не подружился ни с кем. Он чувствовал себя чужим. Одноклассники предпочитали не замечать его. Дистанция была нарушена только раз.

— Слушай, а у вас там медведи по улицам ходят? — спросил как-то у Коли одноклассник и засмеялся, а другой тут же подхватил:

— В новостях рассказывали, что местные жители промышляют охотой. Знаешь, прямо с балкона пикой хлоп наугад, а там уже заяц или лиса на пике корчатся!

Коля промолчал. Он глядел в сторону. Шутки были оформлены интонацией беззлобного веселья, невинного дружеского подкола, но больно задел Колю. Ему казалось, что одноклассники относятся к нему со снисхождением и свысока, как к человеку второго сорта, только потому, что он приехал из провинции. Вместе с болью уязвлённого самолюбия в Коле стала прорастать гордость за своё провинциальное происхождение, за свою обособленность, исключительность.

Изоляция, одиночество.

Коле хотелось заполнить пустоту и доказать, что он не хуже остальных. Не обнаружив в себе ни тяги, ни особых способностей к точным наукам, он обратился к гуманитарным. Литература сразу же пришлась впору: читать Коля любил с детства. Параллельно он увлёкся музыкой и кино. Он старательно черпал информацию отовсюду, ничего не отвергая, ничем не брезгуя, терпеливо постигая даже самые сложные и тяжёлые для восприятия дары Мировой Души. Пропасть между ним и сверстниками, ржущими над шутками из камеди клуба, от этого только росла. Окончив школу, Коля почувствовал облегчение.

Он поступил на филфак. В университете у него появились друзья, с которыми он мог поговорить о Достоевском или Вудстоке, или фильмах Вуди Аллена. Эта перемена в жизни была как глоток свежего воздуха! словно где-то внутри стали открываться двери...

Коля всерьёз занялся прозой и достиг в этом некоторых успехов: рассказы его печатались в литературных журналах и сборниках. Станные рассказы, неплохо написанные, но чересчур

мрачные и безысходные. Друзья удивлялись и называли Колю пессимистом, на что он неизменно отвечал:

— Я оптимист! Если б я был пессимистом, я б давно повесился!

Одиночество пустило в Коле глубокие корни, и, даже общаясь с друзьями, он ощущал некую незавершённость происходящего, словно всё было лишь репетицией перед настоящей жизнью.

Непонятно и грустно.

Ведомый постоянно ощущаемой безысходностью, Коля начал сочинять роман, в котором решил отомстить миру, а, может быть, даже и Богу за своё одиночество и отчаяние. «...бьют жену и детей, а метят в судьбу, в обстоятельства, в Господа Бога», — писал Уайлдер в «Дне восьмом». Коля метил в невидимого читателя, хотел создать из слов нечто разрушительное, но красивое, чтобы оно не отпускало от себя, но делало плохо и больно. Чтобы читатель понял, как себя чувствует автор в этом мире. А может быть, чтобы Автор мира понял, как себя чувствует Николай, находясь в его произведении. Роман писался легко, большими кусками выплёскиваясь из Коли.

Однажды Коля обсуждал процесс написания романа с другом, который вдруг глубокомысленно и хитро изрёк:

— Это у тебя сублимация!

С тех пор неприятное слово «сублимация» приклеилось где-то внутри сознания и мучило Колю, словно нечистая совесть. Роман стал продвигаться медленнее: Коле было противно «сублимировать». Он продолжал писать через силу, цинично отгоняя от себя мысли об ответственности. Но настоящий кризис в написании романа наступил, когда в жизни Коли появилась Ира. Ира, изменившая всё.

Они познакомились на сольном концерте Сергея Калугина. Вернее, уже после концерта, когда Калугин раздавал автографы. Ира и её подруга, дождавшись своей очереди, обняли маэстро с двух сторон и попросили первого попавшегося запечатлеть их на память, а попался-то как раз Николай. Калугин сделал козу, вызвав у публики восторженные восклицания. Коля сфотографировал.

— Как вышло? — спросила Ира, подойдя к Коле, разглядывавшему получившееся цифровое фото.

— Красота! — сказал Коля и улыбнулся.

Увидев ответную улыбку, открытую и лучистую, Коля почувствовал беспричинную радость, а вместе с ней томительную боль, и тут же забыл о так и не взятом автографе. И о друзьях, ждущих его на выходе и уже успевших открыть пиво. Впрочем, и обо всём остальном тоже.

Возможно, кому-то, может быть, даже тебе, покажется справедливым утверждение, что в этом большом и странном мире, в который мы родились жить, очень тяжело отыскать нужного человека? Нужного именно тебе человека! Подходящего человека. Единственного, предназначенного судьбой человека! Ведь такого можно искать всю жизнь, да так и не найти. Или думать, что нашёл, но ошибаться. Или, разочаровавшись, изверившись и устав, оставить всякую надежду и бросить поиски, чтобы затем цинично обманывать самого себя, что можно жить и так. Но разве это жизнь?!

Ира и Коля нашли друг друга. С самой первой встречи им было легко и интересно вдвоём. Они не были похожи характерами, но у них было нечто глубоко общее в самом отношении к жизни и людям. Оба любили жизнь, несмотря на все её тяжести, нелепости и ужасы, любили не за что-то и даже не вопреки, а просто как дар, самый ценный и редкий из всех возможных и невозможных. Через это видение представало перед ними всё происходящее. В отношении к людям (наперекор внешней разнице в характерах: Ира — открытая и общительная, Коля — задумчивый и замкнутый) у них имелось одно общее правило: не подпускать к себе людей слишком близко, держаться на расстоянии. Ни Ира, Ни Коля не доверяли людям. Но именно из-за этой недоверчивости оба, как ни парадоксально, остро нуждались в том единственном, подходящем человеке, которому можно было бы не просто доверять, но довериться: доверить всё, включая самого себя. В человеке, которому можно было бы верить! Верить даже не как самому себе, а больше, чем самому себе. Такая вера не вспыхивает подобно сухим листьям, брошенным в костёр, или всежигающей страсти, лишаящей рассудка и воли. Такая вера требует времени и терпения. Когда эта вера к ним пришла, к ним пришло и осознание, что ни один из них более не одинок. Да, вполне может статься, что они ошибались, и всякий человек одинок от рождения и до смерти, и никакая сила в мире, кроме божественной, не может восполнить в душе человеческой той страшной зияющей пустоты, что отделяет человека от окружающего его мира и от других людей. Да, возможно, они ошибались, уповав на то, что любовью и верой они выгнали одиночество из своих душ, но... ошибаясь так, они были счастливы.

Любовь к искусству и творчеству также сближала Иру и Колю. Оба неплохо разбирались в литературе, музыке и кино и обладали хорошим вкусом, выпестованным любопытством и всеядностью. Оба были наделены талантом к созданию собственных произведений и подходили к этому процессу с любовью и тщанием, предпочитая качество количеству. Оба считали, что искусство никому

ничего «не должно» и в нём не может быть абсолютно ничего запретного, но при этом сходились во мнении, что пустой эпатаж, эпатаж ради эпатажа, выверты и ужимки, сочащиеся матюками, смакование образов телесно-полового низа, игрища с формой без содержания — лишь пустозвонство и позёрство бездарности, жалкие потуги творческих импотентов трахнуть Мировую Душу. Посещая различные литературные и окололитературные мероприятия, Ира и Коля видели много подобных, обозлённых собственным творческим бессилием «подземных маргиналов», недоинтеллектуалов, псевдопоэтов. Ира их жалела, как жалеют неполноценных и неизлечимых душевнобольных. Коля ненавидел за назойливость, бездарность и высокомерие, притом ненавидел не как отдельных личностей, а как однородную массу наглой посредственности, пеной пузырящейся на теле времени.

Вкусы Иры и Коли не всегда и не во всём сходились, но понимание и искусства, и самой жизни в целом у них было общим.

— Наша встреча не случайна: мы родственные души, — сказала как-то Ира.

— Кайрос, — задумчиво прошептал Николай в ответ. — Мы схватили его за чуб! Но, если серьёзно, я благодарю Бога за то, что встретил тебя. Даже и не знаю, как жил без тебя все эти годы!

— А я не знаю, как бы жила без тебя последующие, — серьёзно сказала Ира, нежно поцеловав Колю в губы, а затем прибавила, смеясь: — «Процентщицу» я бы точно тюкнула рано или поздно топором по башке.

«Процентщицей» Ира называла свою бабу, Антонину Григорьевну. Ещё Ира её называла «старой ведьмой» и «злом из ада», а иногда и «злом из зада». Съезд от Антонины Григорьевны стал для Иры настоящим облегчением, даже несмотря на моментально возникшие финансовые затруднения, неотступно сопровождающие любую небогатую молодую пару в наши дни.

Снимать квартиру было дорого, и, если бы не помощь родителей Коли, неизвестно, как бы выкручивались молодые влюблённые. Ира училась и подрабатывала журналистом внештатно в нескольких изданиях.

У Коли дела обстояли гораздо сложнее: корректура, написание рекламных текстов и текстов для сайтов не давали хорошего дохода и носили непостоянный характер. Всё это было лишь подработкой. Коля переживал и мучился оттого, что оказался не в состоянии обеспечить себя и Иру. Вынужденная необходимость брать деньги у родителей унижала его, но, вместо того, чтобы заставить его искать работу активнее и «крутиться» (ключевое слово нашего времени), повергала в растерянность. Он столько раз ждал,

когда ему «перезвонят на этой неделе» и «обязательно свяжутся, как только директор вернётся из командировки», что каждое новое собеседование с очередным тупым и вымуштрованным корпоративными шаблонами «менеджером по персоналу» вызывало у него рвотный рефлекс. Найти хорошую работу без связей представлялось практически невозможным.

Однажды Ира через знакомых журналистов устроила Колю в штат более-менее приличного издания. Первое время дела у Коли на новой работе складывались вполне благополучно: его статьи регулярно печатались, редактор был им доволен. Платили хорошо. Два месяца Коля чувствовал себя на своём месте: ему казалось, что он наконец-то устроился на подходящую работу. А на третий месяц всё полетело к чертям! Издание, в котором Коля работал, стало выходить чаще, и теперь приходилось задерживаться на работе допоздна, а иногда работать и в выходные. От журналистов начали требовать большей отдачи. Редактор каждый день орал на Колю, обвиняя его в том, что он «лентяй и не хочет искать новости». Коля возвращался домой издёрганный и измученный.

— Ты представляешь, киса, меня сегодня один мужик три раза посылал на три буквы по телефону, — устало рассказывал Коля Ире. — И его можно понять: я названивал ему на сотовый с разных номеров целый день по требованию редактора. Сначала надо было уточнить одно, потом другое. Под конец нашей последней беседы, когда он понял, что ругательства и угрозы на меня не действуют, а наглость моя неисчерпаема, он уже буквально умолял забыть номер его сотового. И когда редактор снова потребовал звонить, я наотрез отказался. Был скандал. Я так больше не могу: эта работа убивает меня!

— Коля, милый, потерпи, — увещевала в ответ Ира, — со следующего месяца ты уже будешь в штате, тебе повысят зарплату, и ты увидишь, как это, чёрт возьми, приятно! Ты обязательно привыкнешь, надо только пересилить себя и стать немного общительнее. Поначалу всем нелегко.

И Коля терпел. Но работа получалась у него всё хуже и хуже. Чем громче кричал на него редактор, тем меньше новостей он находил. Чем больше его заставляли надоедать «нюсмейкерам» и чем общительнее или, прошу прощения, «коммуникабельнее» он должен был становиться, тем тяжелее ему было заставить себя вообще звонить кому-либо, да даже и просто общаться с людьми.

Постепенно Колей овладела хроническая усталость. Пропал аппетит и сон, под глазами появились чёрные круги.

— Сегодня редактор потребовал, чтобы я «сел» на телефон и начал обзванивать всех знакомых и незнакомых респондентов: у

нас совсем нет новостей, — пожаловался как-то вечером Коля Ире и с тоской посмотрел на неё. — Я должен звонить незнакомым или плохо знакомым людям и спрашивать, как у них идут дела. Вот так просто: набираешь номер, говоришь, мол, здравствуйте, такой-то-такой-то, меня зовут так-то, я корреспондент такой-то газеты, скажите, а как у вас идут дела? как здоровье, как семья? а нет ли у вас новостей? может, у вас что-нибудь случилось? может, вы собираетесь заключить крупную сделку? нет? ну, тогда, может быть, вы знаете, кто собирается? может, вы знаете что-нибудь интересное о ваших конкурентах? и так далее в том же духе. Это верх лицемерия: мне наплевать на всех этих людей! абсолютно наплевать на всех этих коммерческих, исполнительных, генеральных и всех прочих директоров в этом дурацком мире! Я совершенно не хочу знать, как у них дела! Но я должен получать от них информацию... Это какая-то проституция общения!

— Ты забываешь, что я тоже работаю журналистом, да ещё и учусь на журфаке, — усмехнулась Ира.

— Я не хочу тебя обидеть, Ира, ты же знаешь, как я люблю тебя! — воскликнул в сердцах Коля. — Наверно, мне лучше замолчать.

— Да нет, продолжай, всё нормально, — махнула рукой Ира. — В конечном итоге это лишь твоё личное мнение. Я же не обязана разделять его?

— Нет, не обязана. Это лишь моё мнение, что правда, то правда, — задумчиво пробормотал Коля и тут его вдруг «прорвало»: — Но можешь ли ты взглянуть на эту профессию со стороны?! Сколько раз, находясь в редакции, я наблюдал, как наши коллеги извлекают информацию из строптивного и неразговорчивого «нюса» по телефону! Сначала, пока разговор не клеится, лицо журналиста горит в лихорадке азарта, он пытается найти словами и интонацией дорогу к человеку, влезть к нему в душу. Ради информации журналист готов общаться с человеком ласково и нежно, притворяться, что его действительно интересует, как у того обстоят дела и что происходит в жизни. Журналист готов говорить часами, постепенно подводя к нужной теме, и, даже если человек не хочет эту тему обсуждать, журналист постарается вынудить. Когда сопротивление сломлено, журналист, словно вампир, пьёт информацию, захлёбываясь от удовлетворения, задавая всё новые и новые вопросы, ломая последние барьеры между собой и носителем информации. Получив всю необходимую информацию, журналист уже пытается закончить поскорее ставшее обременительным, обесцененное, высосанное до капли общение и избавиться от разговорившегося человека, чтобы сесть писать статью

или звонить другому «ньюсу». Вы ему больше не нужны! У него теперь для вас ДЕДЛАЙН! Он позвонит вам, когда для этого будет новый информационный повод! Это проституция, проституция общения!

— Это работа, Коля, — напряжённо сказала Ира. — И, как любая работа, она требует профессионализма. Ты просто не умеешь общаться с людьми. У тебя серьёзные коммуникативные проблемы.

— Да, я знаю, — спокойно сказал Коля. — Но эти проблемы у меня давно — я к ним привык. Они стали частью моего характера. Частью моей личности. Ради этой проклятой работы я искренне попытался изменить самому себе и измениться, но у меня ничего не вышло. Я просто эмоционально перегорел, и всё. Наверно, уже слишком поздно меняться. Я решил уволиться.

— Ну, раз ты решил... — вздохнула Ира и замолчала. Наверно, только женщины умеют так выражать своё разочарование через недосказанное.

Коля уволился из газеты и снова попал под «колеса смятения» безработицы. Но теперь уже сама судьба отвернулась от него. Кайрос! Нельзя упускать благоприятный момент, иначе удача покинет тебя. Через друзей и знакомых работу больше найти не удавалось. Коля начал штудировать сайты в Интернете и газеты с вакансиями, но не то чтобы приличных, а даже мало-мальски сносных мест там и в помине не было. Везде требовались, в основном, страховые агенты и менеджеры по продажам.

Ох, уж это набухшее от значений и масок словосочетание — «менеджер по продажам»! Оно могло означать что угодно, начиная от «втюхивания» товаров по телефону из офиса до «впаривания» по магазинам и квартирам. Далеко не все соискатели с энтузиазмом воспринимали подобного рода деятельность, и лукавые работодатели маскировали вакансию, давая ей имя другой. Это делалось, чтобы выманить несчастного безработного в офис на встречу, с тем расчётом, что, раз уж ты приехал, то тебя гипотетически можно уговорить заниматься «продажами».

Так на рынке рабочих мест появлялись фальшивые вакансии директора, заместителя директора, помощника директора/руководителя, делового партнёра, партнёра по бизнесу, сотрудника в офис, менеджера среднего звена, диспетчера, кладовщика, курьера, грузчика, работника склада и так далее, у кого на что фантазии и наглости хватало. По телефону тебе никогда не объясняли, в чём суть работы: ты должен был обязательно приехать в офис.

Однажды Коля звонил по поводу вакансии экспедитора. Номер он взял из объявления в газете. Девушка, ответившая на звонок,

сказала, что вакансии открыта, но надо приехать и заполнить анкету. Наученный горьким опытом, Коля решил осторожно уточнить:

— Скажите, пожалуйста, а это никак не связано с продажей или продвижением товаров?

В ответ девушка сердито и раздражённо цокнула в трубку, а затем нетерпеливо выпалила:

— Послушайте, не отнимайте у меня время! Приезжайте, заполняйте анкету и говорите с директором!

И повесила трубку.

Коля поехал, предчувствуя обман, поехал, захваченный врасплох какой-то чудовищной инерцией. Добравшись до старенького здания, где располагался офис (а здание находилось, говоря народным языком, в жуткой «перди»), Коля обнаружил там очередь из таких же, как он сам, безработных.

Тщедушная белокурая секретарша выдала Коле анкету. Коля встал в очередь и приступил к заполнению граф анкеты. Очередь двигалась на удивление быстро: Коля едва успел накарябать ответы, когда пришло его время разговора с директором.

— Заходите, — вяло и равнодушно ткнула пальцем в сторону двери в кабинет директора тощая секретарша и отвернулась, почему-то болезненно скривившись, словно ей было стыдно и противно одновременно.

Коля зашёл в кабинет, прикрыв за собой дверь, и осторожно осмотрелся.

Комната была маленькая и неопрятная: везде валялись куски недоеденного хлеба, кипы листов, многие из которых, кстати, являлись заполненными соискателями анкетами, огрызки карандашей, обёртки от шоколадок и прочих хлам. Вдоль стен стояли перевязанные верёвками мешки. Мусорное ведро было забито под завязку, и кое-что уже пересыпалось на пол. За рабочим столом сидела огромная жирная свинья в женском облики и холодно рассматривала вошедшего маленькими пытливыми глазками.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Коля.

Свинья многозначительно промолчала.

— Я по поводу вакансии экспедитора, — кашлянув, неловко пробормотал Коля.

— Вакансия экспедитора у нас уже закрыта, — невозмутимо хрюкнула свинья.

Коля растерянно повёл рукой, в которой была зажата анкета, в сторону двери:

— Но ваша секретарша по телефону сказала...

— Молодой человек! Вы глухой что ли? Я же вам русским языком сказала: вакансии закрыта. Но для вас есть другая работа!

— Какая? — глупо и часто моргая, спросил Коля.

— Продавать! — издала громкий и торжественный хрюк свинья.

— Что продавать? — ничего не понимая, спросил сбитый с толку Коля.

— А вот что дам, то и будешь продавать! — отрезала свинья.

Коля выскочил из кабинета «директора», громко хохоча и ругаясь.

— Заходите, — сказала следующему в очереди секретарша.

«Эта нищая оборванная очередь на краю города в кабинет к мошенникам — вот символ нашего времени!» — успел подумать Коля, прежде чем покинул «офис».

Домой ехал на автобусе. Глядя в мутное, заляпанное окно, Коля чувствовал отчаяние и злобу. В руке он всё ещё сжимал заполненную анкету. Вокруг стояли, плотно прижавшись друг к другу, плечом к плечу, такие же серые, забытые и обездоленные, источающие запах несчастья и безнадёги: не люди — человеческий материал, спрессованное беспросветным бытием горе.

Добравшись домой, Коля перевернул анкету и написал на чистой стороне, яростно скребя по бумаге ручкой:

*Социальное грязное дно,
Дом без крыши и стен, вид с колен,
Я растерян и втоптан в говно,
Я не знаю, как жить и зачем.
Переполнена яма людьми:
И в обиде, и в тесноте...
Запах старости, сна и мочи,
Сжат билет несчастливый в руке...*

Коля спрятал листок в ящик стола, чтобы Ира не наткнулась на эти жалкие вирши. Утром следующего дня, когда Ира ушла на пары, Коля достал листок из ящика, брезгливо перечитал и выбросил в форточку, предварительно скомкав.

— Это страна продавцов! — зло прошептал он зеркалу, и отражение согласно кивнуло в ответ:

— Точно. Страна продавцов.

Но Коля не хотел продавать. Что-то внутри него стойко сопротивлялось даже самой идее идти работать продавцом. Идиосинкразия! Подрабатывая время от времени то тут, то там (классический набор молодого джентльмена: стройка, отделка, погрузка-разгрузка-сортировка-набор по накладным, охрана, благоустройство территорий, клининг, трубочистинг, газонокосилинг и т.д. и т.п.), Коля продолжал поиски постоянной работы. Вот только вопреки расхожему мнению сытых директорообразных «мудрецов» жиз-

ни, что «работы полно!», нормальной или хотя бы приемлемой работы не было.

Ира и Коля жили на самой черте, за которой начиналась бедность. Денег у них всегда водилось мало, исключая, конечно, те периоды, когда их не было вовсе и приходилось занимать. Но Ира и Коля любили друг друга, были молоды и полны надежд: жизнь казалась бесконечной, будущее — светлым. Кто мог предположить, что...

* * *

...Ире придётся бежать по вечернему мегаполису, из последних сил продираясь через удушливые толпы огромного людского муравейника, растеряв все планы и надежды на будущее, кроме одной, самой главной надежды: найти Колю.

Когда Ира добежала до дороги, широкой, словно река, светфор горел красным. Эта дорога преграждала Ире путь к сверкающему огромными неоновыми буквами кафе «Grand Burger». Путь, дорога. Синонимы, антонимы.

От головокружения у Иры помутилось в глазах, и она покачнулась. Ей показалось, что окружающий мир качнулся вместе с ней, стал крениться вбок: полетела вверх и дорога, залитая холодным светом фар и уличных фонарей, и машины, и перемазанный неон «Grand Burger», и улицы, и люди. Мир переворачивался, словно тонущий корабль. Небо вдруг стало невыносимо ближе, мутное, тёмно-багровое, безжизненное, зимнее небо.

Стоящий рядом мужчина успел подхватить Иру под руки. С её головы сорвалась шапка, и густые чёрные волосы рассыпались на плечи. Ира сделала судорожный вздох, и тут увидела...

— Осторожнее, кисуля, — незнакомый мужчина насмешливым голосом прямо в ухо.

...на другой стороне Колю. Коля шагнул на дорогу. Краем глаз: по-прежнему красный!

— Коля!.. — вместо крика шёпот: не хватает воздуха в лёгких. Не слышит. Он на другой стороне. Прорывается на её сторону. А ты?

Ира вырвалась из державших её рук и бросилась вперёд. Чужие руки попытались снова ухватить её...

— Стой, дура! Задавят! — голос из насмешливого в испуганный.

...но в ответ она оттолкнула с силой, какой никогда и не подозревала за собой. Оков не стало.

Ира бежала. Где-то далеко ревели навзрыд тормозящие машины, гудки надсадно вопили, кричали люди. Ира бежала, хотя ей и казалось, что падала.

Воспоминание из детства, словно вспышка молнии: из окна автобуса неестественно изогнутое женское тело на дороге в луже крови тело отгороженное с двух сторон полосатыми (красно-белые полосы, красно-белые) конусами словно там лежит не женщина а разбитая в аварии машина почему же её не накроют ей же холодно лежать на асфальте! накройте её скорее, вы, бессердечные жалкие ублюдки! на асфальте изогнутая чья-то мать чья-то дочь а в нескольких метрах очень далеко безумно далеко одинокая туфля сорванная с ноги о БОЖЕ! неистовой силой удара подхваченная ураганной силой бедная глупая туфля бедная глупая туфля бедная глупая.

Двое сумасшедших двигались навстречу друг другу поперёк дороги. Двое сумасшедших встретились в середине дороги.

— Коля!! — закричала она и обняла его, прижавшись так крепко, как только могла.

Но его руки висели, неподвижные, безжизненные, чужие. Её объятья так и остались без ответа.

Она немного отодвинулась, не разжимая рук, и посмотрела ему в глаза.

Бездна. Боль. Безумие.

Лицо Коли исхудало и осунулось. Волосы были всклокочены. Из глаз, не останавливаясь, текли слёзы. Губы были перепачканы кетчупом с влипшими местами хлебными крошками. Рот приоткрыт.

— О, милый, — с жалостью прошептала Ира и провела по его лицу дрожащей рукой.

Он посмотрел на неё.

Ужас. Отчаяние.

— Кто ты?! Помоги!

3. Поводырь

За несколько часов до встречи на дороге с красивой черноволосой незнакомкой Николай очнулся в салоне такси. Он полусидел-полулежал на заднем сиденье. На коленях у него примостилась мокрая от пота кепка. Она свалилась с головы водителя, трясшего Колю за плечо. Водителю было около пятидесяти. Его круглое угрюмое лицо покраснело, выпученные глаза под взметнувшимися бровями выражали крайнюю степень раздражения, пухлые щёки гневно раздувались. В салоне было жарко и скверно пахло рвотой. Из магнитолы под скудный аккомпанемент синтезатора и электронных хлопков, пародирующих барабаны, доносился хрипатый мужской голос:

*Всю жизнь за баранкой водила-братан:
Уж столько успел повидать.
Лей водочку с горкой в гранёный стакан,
Ведь должен и ты отдохнуть!*

*Ты выпей за ту деревушку до дна,
Где ждёт посевившая мать.
Ты сам весь седой, ведь и жизнь нелегка,
Но рано тебе помирать.*

*Дорога-злодейка, дорога-змея,
Сгубила ты скольких зазря!
Водила вздохнёт и прильнёт к образкам,
Попутного ветра, братан!*

Коля медленно сел, оторвавшись спиной от сиденья, и схватился за голову.

— Больно! — простонал он.

Водитель забрал свою кепку и пробормотал с презрением:

— Очнулся наконец-то, козёл.

— Как больно!.. — раскачивался из стороны в сторону Коля.

— Выходи давай, приехали, — раздражённо бросил водитель и вдруг истошно заорал, посмотрев вниз, Коле под ноги: — Да ты же мне всё тут заблевал, гад!

Он выскочил из машины, открыл заднюю дверь и выволок Колю на снег. Коля даже не пытался защищаться, пока «водила-братан» бил его ногами: только закрыл руками голову, а ноги подтянул к животу. Быстро утомившись, водитель задышал тяжело и надсадно, закашлялся, захрипел, схватился рукой за сердце, постоял, согнувшись пополам, потом сплюнул, матерно выругался и сел в машину. Такси почти тут же тронулось с места.

Коля ещё долго лежал на снегу в позе эмбриона. Когда он, шатаясь, с трудом поднялся на ноги и огляделся вокруг, то увидел маленький пустынный дворик, зажатый в кольцо многоэтажек, вросшую в снег и остановившуюся до весны карусель, ряд голых деревьев, чуть припорошенных снегом. Всё было чужим.

— Где я? — прошептал Коля и неожиданно с ужасом понял, что этот вопрос не главный. — Меня зовут Николай... Меня зовут Николай! — произнёс он вслух, издал жалобный смешок, больше похожий на стон, и развёл руками: — И это всё! Всё, что я помню...

В его голове пульсировала багровая пелена боли, сквозь которую сполохами прорезались какие-то неясные, неразличимые очертания, затенённые, расплывающиеся, как только сознание пыталось ухватиться за них, лица, гулкие, словно эхо, голоса. Хаос. Бессмыслица.

Коля стоял, не зная, что делать дальше, как вдруг в бушующей внутри неразберихе явственно выделилась и стала нарастать смутно знакомая глумливая мелодия: что-то с гармошками и балалайками. Чужой старческий голос ехидно хохотнул и сказал громко и отчётливо:

— Активация программы, УИИИИИ! Идёт загрузка навигационных систем! Опа! Кое-что уже загрузилось: тебе вон в тот подъезд, сынок!

Прямо перед глазами Коли возникла и замигала чёрная стрелка, протянувшаяся в воздухе над снегом к подъезду дома, что высился справа.

Коля добрёл до железной двери подъезда и подёргал её. Естественно, она была закрыта. Он с сомнением посмотрел на домофон.

— Ну, и что дальше?! — крикнул Коля и нервно засмеялся. — Я не знаю, в какую квартиру мне звонить и ещё, кажется, я сошёл с ума, потому что говорю с голосом в моей голове!

— Не кричи, паренёк! У тебя в кармане ключ, — спокойно ответил голос.

Коля сунул руку в карман куртки и нащупал брелок с ключами. Вытащив его на свет, он увидел маленький чёрный ключ для домофона и длинный металлический. Он приложил домофонный ключ к отверстию, и электронный замок, издав трель, открылся. Распахнув дверь, Коля зашёл в подъезд.

Подъезд был чистым и ухоженным. Поднявшись на первый этаж, Коля разглядел стоящие в горшках цветы на лестничном пролёте. Стены были выкрашены в голубой цвет.

Он повертел в руках связку ключей и спросил:

— А другой ключ, как я понимаю, от квартиры? Какой номер?

— 66. На 15 этаже, — не замедлил ответить голос.

Коля вызвал лифт. Когда тот приехал, Коля зашёл внутрь и надавил на кнопку с цифрой 15. Прислонившись к стене, он покачал головой, словно не веря в происходящее, и спросил шёпотом:

— Эй, ты, там, в моей голове, кто ты?

Повисла пауза, и Коля уже подумал, что голос не ответит, но услышал:

— Я Автор. Зови меня так.

— Хорошо, Автор. Но скажи мне, кто я?!

Лифт замер, створки дверей раздвинулись. Коля постоял несколько секунд в ожидании ответа, но в этот раз голос промолчал.

Выйдя на площадку, Коля подошёл к металлической двери под номером 66. Номер был нарисован мелом, звонок отсутствовал. Коля открыл дверь ключом и шагнул в квартиру.

Знакома ли тебе та маленькая игра, что называется «go insane»¹? Нет? Тогда послушай совет поэта: просто закрой свои глаза, забудь своё имя, забудь людей, ползи обратно в свой мозг! Получилось? Так. А теперь открой глаза. Что ты видишь? Что чувствуешь? Вещи, что окружают тебя, стали восприниматься по-другому? Ты понимаешь их предназначение, но они чужие. В них больше не осталось твоего присутствия. У вас больше нет общего прошлого. Ты видишь своё тело со стороны, можешь управлять им, посылая приказы, можешь доставлять ему удовольствие или причинять боль, но оно — лишь биологическая оболочка, а кто же, позволь тогда поинтересоваться, ты?! Этот мир столь не-реален. Просто почувствуй. Эта жизнь столь нереальна. Чувствуй! Чувствуй!

Коля в полной растерянности бродил по квартире: заглядывал в шкафы и тумбочки, выдвигал ящики письменного стола, брал различные вещи в руки. Всё было чужим. Никаких зацепок! Память хранила гордое молчание, словно всезнающий мудрый мертвец. Обыскав самого себя, Коля нашёл бумажник с несколькими тысячными и сотенными купюрами. Кроме денег, в бумажнике ничего больше не было: ни фотографий, ни визиток, ничего.

Умывшись в ванной, Коля долго всматривался в зеркало, но отражённое лицо не было ни чужим, ни родным. И от этого жуткого ощущения реальность совсем ускользала из-под ног. «Вот так и сходят с ума. Так себя чувствуют умалишённые», — мрачно подумал Коля.

Он подошёл к большой двуспальной кровати и потрогал её рукой.

— Какая мягкая, — усмехнувшись, сказал Коля и лёг на кровать прямо в одежде и обуви. Закрыл глаза.

Головная боль была уже не такой сильной. «Надо попробовать заснуть. А когда я проснусь, может быть, я приду в себя. Приду в себя! В прямом и переносном смысле», — с надеждой подумал Коля и повернулся на бок, но тут же вскочил, как ужаленный: в голове внезапно оглушительно завизжали трубы, сопровождаемые громоподобной барабанной дробью. Боль стала просто нестерпимой. Он прижал руки к ушам, но звук шёл изнутри головы. Коля упал на колени, даже не слыша своего собственного крика.

Уже знакомый старческий голос торжественно заревел:

— Активация программы завершена! Давай, ребятки, жги!

И тут же невидимые музыканты принялись наяривать на балалайках, а дурной женский голос завыл:

¹ Сойти с ума.

*Ээээх, ты, Колька, Колька-Никола-ай!
Сиди дома, не гуляй!
Ээээх, ва-а-а-ленки, да валенки-и!
Неподшиты, стареньки!*

Песня зазвучала немного глуше, словно кто-то убавил громкость, и Автор сказал, давясь от смеха:

— Ненавижу эту песню! Но вот ведь тянет иногда на всякую мерзость, сам не знаю почему. А как тебе?

— Очаровательно, только немного больно, — прохрипел Коля, поднимаясь с колен.

— Чувство юмора у тебя сохранилось! — искренне обрадовался Автор, не переставая посмеиваться. — Это хорошо.

— Что тебе от меня надо?! — закричал Коля.

— Ты будешь исполнять мою волю. Делай всё, что я тебе приказываю, и боль уйдёт.

— Да неужели? — спросил Коля и вдруг с удивлением понял, что головная боль действительно прошла. — Да ты просто волшебник.

— Напрашиваешься на банальность?! — последовал старческий смешок. — Ну, изволь: я не волшебник, я только учусь. Мы теперь оба будем учиться: я — управлять тобой, ты — подчиняться мне!

— А если я не захочу учиться?

— Тогда тебе будет очень больно, — грустно ответил Автор. — К тому же, я могу управлять твоим телом и без тебя. Но я должен понять, должен понять...

— Понять что?

Автор немного помолчал, а потом спросил насмешливо:

— Скажи, сынок, ты любишь музыку?

— Откуда мне знать! Я даже не знаю, кто я!

— Брось! Все любят музыку. А так как сегодня у нас вводное занятие, так сказать, знакомство, будем импровизировать на ходу! — Автор взял паузу и продолжил: — Недалеко отсюда находится музыкальный магазин «Орфей». Вот тебе карта.

Перед глазами у Николая появилась мерцающая чёрно-белая схема с изображёнными на ней улицами, домами, дорогами. От жирного чёрного кружка, над которым пульсировала надпись «Это ты!», стрелка змеилась к крестику с надписью «Орфей». Расстояние действительно было небольшим.

— Беги ж скорее в «Орфей» и купи там какую-нибудь пластиночку! — с нетерпением воскликнул Автор.

Коля не сдвинулся с места — только пожал плечами и сказал спокойно:

— Нет.

Автор глубоко вздохнул:

— Ну, это ты зря. Зря.

В голове у Коли тотчас вспыхнуло обжигающее адское огнище, а безумная песня грянула с новой силой:

*Чем с друзьями водку пи-ить,
Лучше валенки купить!
Ээээ, ва-а-а-ленки, да валенки-и!
Неподшиты, стареньки!*

— Магазин «Орфей», немедленно, бегом! — закричал разгневанный Автор и зашёлся от старческого кашля.

Коля с изумлением обнаружил, что его тело вдруг зажило самостоятельной жизнью: ноги вывели его в коридор, руки распахнули дверь.

Лифт был занят.

Тело понеслось вниз по лестнице, хватая руками поручни, чтобы удержаться на поворотах. Перед глазами только и мелькали сменяющие друг друга лестничные пролёты.

«Стой!» — мысленно закричал Коля, но рот его не издал ни звука, а ноги продолжали перескакивать через ступеньки. «Моё тело перестало меня слушаться!» — понял с ужасом Коля.

Высочив из подъезда на улицу, тело побежало. Ноги парили над ледяной коркой дороги, чуть касаясь ступнями поверхности, холодный зимний ветер высасывал из груди остатки дыхания — всё это Коля чувствовал, но как-то опосредованно, словно между ним и его телом вырос некий фильтр.

Когда появилось здание с куцей выцветшей вывеской, озаглавленной «Орфей» и нарисованной на ней красной стрелкой, указывающей на лестницу к цокольному этажу, власть над телом вернулась к Коле. Он тут же рухнул в снег, задыхаясь и кашля. Голова кружилась и раскалывалась от боли. Тошнота накатывала вместе с ударами сердца огромными волнами. Коля чуть приподнялся на руках, и его вырвало. Только в эти мгновения он по-настоящему понял, насколько более точно слово «вырвало» отображает соответствующий процесс, нежели слово «стошнило». Что такое «стошнило»? Всего лишь жалкий эвфемизм, эрзац, суррогат, слово, напрочь лишённое сока натуральности. А вот «вырвало» — совсем другое дело! Это неприятное слово в полной мере выражало мучительные судороги брутальной действительности.

— Поднимайся, сынок, поднимайся, — потребовал старческий голос. — Ты сам заставил меня преподавать тебе этот урок! Но это было уроком также и для меня: нельзя управлять человеком, не проявляя к нему жестокости. Помнишь, как у классика: чело-

век по сути своей мелочен, порочен, ничтожен и бунтовщик! Ох, прости, прости, как ты можешь помнить: ты же с памятью не в ладах! — Коля по интонации понял, что Автор улыбается. — Надеюсь, теперь ты будешь более покладистым? Спускайся вниз и купи пластинку!

Коля молча встал на ноги, вытер губы рукой и, пошатываясь, спустился по лестнице в магазин.

Внутри «Орфей» оказался маленькой комнатой, плохо освещённой тусклой лампочкой без абажура. Слабый, но назойливый запах канализации навевал несимпатичные ассоциации с общественной уборной. Коричневые стены с пузырящейся трещинами, кое-где облупившейся краской, только усиливали досадную аналогию.

По периметру комнаты, пыхтя и злобно бормоча что-то самому себе, усиленно работал шваброй молодой парень небольшого роста. Он то и дело останавливался, чтобы всплеснуть руками, потрясти кудлатой головой и выдать порцию нечленораздельных звуков. На вошедшего посетителя он не обратил ни малейшего внимания.

За прилавком стоял щуплый лысоватый человек возраста потерянных иллюзий и вяло ковырял в носу. Без интереса посмотрев на Колю, он зевнул и неожиданно противным голосом, тонким, но напрочь лишённым каких-либо интонаций, спросил:

— Чем могу помочь?

Коля обречённо вздохнул:

— Мне нужна пластинка.

Продавец зевнул ещё раз и обессилено изрёк:

— У нас нет пластинок. Есть только диски.

— Да я и имел в виду диск. Просто образно выразился, — Коля взглянул на продавца.

— А, понятно, — равнодушно выдавил продавец и снова зевнул.

— Давай, сынок, попроси его показать какую-нибудь новинку отечественной поп-музыки, — вмешался старческий голос Автора. — Сборничек какой-нибудь! Что-нибудь похитовей, чтоб там вся эстрада была!

— Да иди ты к чёрту! Я не буду покупать диск с поп-музыкой, да ещё к тому же и отечественной! — неожиданно даже для самого себя выпалил Коля.

Продавец перестал зевать и с опаской посмотрел на него.

— У нас есть классика, есть рок, есть электронная музыка, — осторожно произнёс продавец, не отрывая внимательного взгляда от посетителя. — Никто вам и не предлагал покупать диск с отечественной поп-музыкой. Вы можете выбрать то, что вам нравится.

Коля не расслышал этих слов: у него вдруг сильно закололо в висках.

— Сынок, а откуда ты знаешь, что тебе не нравится поп-музыка, тем более отечественная? — удивился Автор. — У тебя же нет памяти!

— Ну, не настолько же нет памяти! — возмутился Коля.

— Делай, что тебе говорят! — холодно отрезал Автор. — Поп-музыка благотворно влияет на таких, как ты, разжижая мозги и волю, уничтожая на корню ненужную рефлекссию, снижая порог сопротивляемости внешним воздействиям, не давая опасному эго твоей личности навредить самому себе и окружающим, — Автор звонко расхохотался. — За тебя есть кому думать!

Покалывание в висках стало усиливаться, и Коля услышал собственный голос, глухо выговаривающий:

— Покажите какой-нибудь новый сборник отечественной поп-музыки. Похитовой.

Продавец долго глядел на Колю, а затем спросил вкрадчиво:

— Вы уверены?

Коля закрыл глаза и молча кивнул. Боль в голове постепенно спадала, превращаясь из резких глубоких уколов в мерный зуд. Подчинение принесло облегчение. Подчиняться было выгодно. Подчиняться было удобно.

Продавец пожал плечами, пошарил под прилавком рукой и вытащил на свет Божий диск с цветастой обложкой, в середине которой большими буквами было выведено: «ТАНЦУЛЬКИ У РИТУЛЬКИ — 5! 200% САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ ХИТОВ! КРЫШЕСНОСНЫЙ ДРАЙВ!»

— Вот, пожалуйста, — продавец положил диск на прилавок. — 200% хитов. Новые яркие звёзды и уже зарекомендовавшие себя заслуженные исполнители. Юные звёздочки с телепроекта «Приговорённые к славе». И, конечно, сенсация сезона — Джембо Кукарамбо с хитом «Дождь-разлучник».

Коля смотрел на продавца широко открытыми глазами, полными ужаса и отвращения.

— Попроси поставить эту песню, о которой он только что говорил! Хочу послушать, — с издёвкой отчеканил Автор.

Коля почувствовал, как по спине течёт холодный пот.

— Нет, пожалуйста, только не это, — чуть слышно пробормотал он.

— Выполняй! — крикнул Автор.

Огромная игла впилась Коле в мозг, и он ощутил, как из левого уха на шею потекла тёплая густая жидкость. «Наверно, кровь», — равнодушно подумал Коля и медленно выдавил из себя:

— Поставьте... песню... «Дождь-разлучник»... Джамбо-как его там-Карамбо.

— Джамбо Кукарамбо, — поправил продавец. — Как скажете.

Он вынул диск из коробки и принялся шуршать под прилавком. Спустя несколько мгновений в магазине раздался изнеженный мужской голос, лепечущий с придыханием и лёгким акцентом:

*Малыш, прошу, прости меня!
Ты знаешь, как люблю тебя!
Но за окном гремит гроза,
И выйти мне никак нельзя.*

*На свиданье не иду,
Потому что дождь!
Ну, а где-то под дождём
Ты стоишь и ждёшь...*

В припеве исполнителя поддержал хор, громогласно ревущий рефрен «Дождь-разлучник»:

*ДОЖДЬ-РАЗЛУЧНИК!
Капли на твоих щеках! Уа-и-ееее!
ДОЖДЬ-РАЗЛУЧНИК!
Боль стучит в моих висках! Мм-мм-мм-е!
ДОЖДЬ-РАЗЛУЧНИК!
Это всё его вина! Ага-малыш-е!
ДОЖДЬ-РАЗЛУЧНИК!
Ты домой бредёшь одна-а...*

— Беру! — пронзительно закричал Коля и, вытащив из бумажника деньги, бросил, даже не считая, на прилавок несколько купюр. — Только выключи скорее эту ДРЯНЬ! Эй, Автор! Давай лучше «Валенки»! Всё! Больше не могу!

Он закрыл уши руками и зажмурился. И только когда песня смолкла, оборванная рукой продавца, Коля снова открыл глаза.

Продавец, настороженно глядя на него, положил диск обратно в коробку и взял одну из купюр, не тронув остальные.

— Подождите, я дам вам сдачу, — сказал он и начал деловито шарить под прилавком.

— Не надо! — нетерпеливо отмахнулся Коля, забрал диск с оставшимися банкнотами, сунул всё в карман куртки и стремительно бросился прочь.

Около двери на лестницу он столкнулся с уборщиком. Парень посмотрел сквозь него стеклянным взглядом и экзальтированно пробурчал:

— Плачет Достоевский! Плачет, плачет бедный Достоевский!

— Да, да, да, — быстро кивнул Коля, словно отлично понимал, о чём идёт речь, и показал жестом поосторониться, — позволь только я пройду!

Уборщик отодвинулся, продолжая бормотать несурезицу, а Коля уже бегом кинулся наверх.

Свежий воздух ещё никогда не казался ему таким вкусным. Он прислонился к стене дома. Мимо, стрельнув в него подозрительным взглядом, проковыляла бабка с авоськой. Коля подождал, пока она отойдёт на приличное расстояние, а потом сказал:

— Так не пойдёт. Антракт. Объясни мне, в конце концов, что происходит!

— Хм. Да? — с сомнением протянул Автор. — Ну, хорошо. Иди по тротуару прямо: минут через пять увидишь бар «Клякса». Как зайдёшь, закажи граммов сто водки, кружку пива и сядь куда-нибудь в сторонку. Там на тебя никто не обратит внимания: в этот бар ходит только синева да голь перекатная. Сплошь сумасшедшие и деграданты. Лузеры. Если б ты только знал, сколько человеческого материала мы там набрали! Человеческого пластилина. Послушных, исполнительных, безвольных тел, готовых ради бутылки на любые эксперименты, да на что угодно! Простые и безотказные в употреблении, но, к сожалению, как оказалось, для наших опытов практически негодные: слишком быстро мрут. Не то, что ты!

* * *

«Клякса» — затерянная вне времени и пространства червоточина, погибель и последнее убежище для тех, кто убежал от самого себя и невыносимой реальности. Тёмное помещение, в каждом уголке которого на тебя падает тень. Столы, бурые от пива и крови, взрезанные лезвиями перочинных ножей ради таинственных посланий, оставленных призраками, как, например, автограф безымянного поэта:

*Наша жизнь — путь во мгле,
Путь к земле напрасный.
Всё быстрее с каждым днём
Страшно блекнут краски.*

Над столиком, за которым расположился Коля, висел задорный плакат с радугой и красующейся разноцветными буквами надписью «Жизнь хороша!»

«У того, кто это сюда повесил, довольно мрачное чувство юмора», — отстранённо подумал Коля. Перед ним стоял гранёный стакан с прозрачным ядом и кружка вяло пенящегося пива.

Кроме него, в зале находилось ещё три человека. В отдалении жалким комочком съёжился человечешка с лицом нездорового грязно-багрового оттенка, небритый, без определённого возраста, а, возможно, и места жительства. Правый глаз был украшен зловонным фингалом.

Через столик от Коли сидели двое и что-то оживлённо «обсуждали». Говорили они одновременно и поэтому не слышали, да и не слушали друг друга. Тот, что с чёрными усами, тараторил, глядя на «собеседника», и отчаянными жестами пытался изобразить движения смычка:

— ...когда мы жили в Берлине, жена каждый вечер играла мне на скрипке...

— ...а я ему и говорю, слышь, а ты не забыл ли случаем, что картошка-то — общаковская... — бубнил параллельно бритый детина в изношенной кожанке и старом свитере, выглядывающем из-под неё. На обеих руках у детины было только по два пальца: большие и мизинцы.

— Вот они, настоящие русские мальчики: предвечные мировые вопросы разрешают! — с неожиданной горечью воскликнул Автор.

Коля немного отхлебнул из кружки и почувствовал во рту кислый привкус воды, разбавленной пивом. От водки пахло так, что он решил не рисковать.

— Если ад существует, мне за содеянное давно приготовлено место в самом пекле, — спокойно сказал Автор. — Мои грехи столь тяжелы, что я уже не могу находить для них оправданий. И не хочу! Знаешь, какую молитву я произношу каждую ночь перед сном? «Господи, ежели Ты есть, посмотри на меня! Я пограл все Твои святыни, преступил все Твои заветы! Мои руки в крови, я убийца и мучитель! Мне нечего терять, я закоснел в своих злодеяниях. Оставляя меня безнаказанным, Ты позволяешь мне и дальше беспрепятственно творить зло и преумножать страдания! Как же вызвать гнев Твой?! Накажи меня! Об одном прошу: сделай это так, чтоб я поверил раз и навсегда, что Ты есть!» Но ничего не происходит. Ох уж это «божественное молчание»! Даже гнев, будь он проявлением высшей силы, но таким ясным и явным, что не поверить в него было бы нельзя, принёс бы облегчение, потому что самая мучительная пытка — незнанием, неверием и одиночеством. По-настоящему не одиноким человек может себя чувствовать только с Богом. Моё одиночество безгранично! Бог в меня больше не верит. А раз мне с Ним не по пути, мораль и человечность для меня уже не значат ничего. Понимаешь, сынок?

— Да. Думаю, да. Вывать к твоей совести и гуманности нет смысла, не так ли? — грустно усмехнулся Коля.

— Верно! Ты всё понял правильно. Не проси меня о пощаде, не ищи во мне сочувствия. Ты для меня лишь рабочий материал, опытный образец. Не более.

— В чём заключается суть опытов? И кто их проводит?

Автор вздохнул:

— Чтобы рассказать тебе всё в подробностях, понадобилось бы слишком много времени. Да это и ни к чему! Но я попробую изложить кратко. Есть некая организация, занимающаяся научными разработками в области управления человеческим сознанием. Я возглавляю один из отделов этой организации. Уже несколько лет мы трудимся над проектом под кодовым именем «Поводырь». Нам удалось достигнуть успехов в работе с человеческими мозгами. Человек по своей сути — это биологическая машина, биоробот. Задав правильные программы, им можно манипулировать и направлять его действия в нужное русло. Представляешь, какие возможности это открывает? Идеальный гражданин, идеальный покупатель, идеальный солдат! Страшно помыслить... Поверь, сынок, через несколько десятков лет людям уже с рождения — тайно или явно — будут внедрять в головы разработанные нами сегодня программы. Грядёт новая эра — эра безропотных, послушных и исполнительных. Человечество навсегда освободится, уж прости старика за каламбур, от этой страшной, несносной и мучительной свободы. Грядёт эра счастливых рабов. В принципе-то, уже сейчас информационный террор достиг небывалого размаха, и тот, кто смотрит телевизор, слушает радио, читает газеты и пользуется Интернетом, живёт не своими мозгами. Но наши инновации всё значительно упростят.

— Зачем же мучить меня, теряя время на бессмысленную жестокость, если ты и так уже можешь управлять всеми моими действиями? — возмущённо воскликнул Коля.

— Я должен понять, насколько сильна человеческая личность — в данном случае твоя — и насколько велики её возможности для сопротивления, — невозмутимо ответил Автор. — Ну, и, конечно, мне необходимо выяснить порог выносливости. Человеческий мозг ещё очень мало изучен. Это тонкая и ранимая структура. Чуть не рассчитаешь силу давления, и у тебя в руках уже не умный, но покорный биоробот, а пускающий слюни debil. К сожалению, некоторые предыдущие опыты так и закончились. Но ты молодец: держишься отлично!

— Спасибо, конечно, за похвалу, но моего согласия на участие в этом эксперименте никто не спрашивал! Почему, почему, чёрт возьми, именно я?!

Автор зловеще рассмеялся и сказал:

— Ты был рекомендован нашим ведущим специалистом как интересный и стойкий экземпляр. Думаю, у него были с тобой личные счёты. Но пока это не имеет значения. Главное, что, выбрав тебя, мы не ошиблись: ты превосходный противник, умный, непредсказуемый и выносливый. Работать с тобой — одно удовольствие.

— Не могу сказать, что это взаимно, — пробормотал Коля. — Что будет потом, когда эксперимент закончится? Вы вернёте мне мою память?

— Конечно, вернём! Но только не твою. Это будет созданная нами память о том, чего никогда не было. С чего ты вообще решил, что эксперимент закончится? Я тебе скажу, когда он закончится: с твоей смертью. Без вариантов. Отныне и до гробовой доски ты будешь жить под нашим внимательным наблюдением. У тебя будет жизнь, которую придумаем тебе мы!

— Так вот почему ты так разоткровенничался со мной: завтра, если я до него доживу, я всё равно ничего не вспомню! — поражённо прошептал Коля.

— Да, именно поэтому. Но не только поэтому. Ах, если бы ты только знал, как тяжело мне и одиноко! Ведь окружают меня такие же, как я! — Автор зло расхохотался. — Доверься я кому-нибудь из них или прояви слабость, и меня тут же бы сместили, сместили... прямо в могилу! Или на твоё место. Только ты, человек без памяти, можешь быть моим другом и собеседником.

— К чертям тебя! Я никогда не буду твоим другом! — закричал Коля.

Из тех троих, что сидели за другими столами, никто даже не повернул головы в его сторону.

— Захочу — и будешь, — хмыкнул Автор. — Для этого мне достаточно просто запрограммировать тебя соответствующим образом. Ты мой раб, моя игрушка. Теперь тебе никто, кроме разве что Бога, уже не поможет! А значит, ты обречён! Потому что Бог любит наблюдать, но не любит вмешиваться. А может, Он и вовсе уже отошёл от дел! А, может, Его никогда и не было!

Коля закрыл лицо руками.

— Как ты думаешь, малыш, не пора ли тебя покормить? — хохотнул Автор.

— Я не хочу есть, — ответил Коля.

— Наплевать! Ты будешь делать не то, что хочешь, а то, что прикажу я, — в голосе Автора сквозило безумие. — Едем в центр! Кафе «Grand Burger». Седлай ноги и вперёд! Выбирайся скорее из этой вонючей чёрной дыры.

Коля послушно поднялся и двинулся к выходу, оставив на столе недопитое пиво и водку.

Неожиданно путь ему преградил тот самый жалкий человечек с подбитым глазом. Он протянул, не поднимая глаз, трясущуюся руку и проямлил:

— Брат, помоги пятаком.

— А ну-ка шли этого попрошайку нах! — гневно вскрикнул Автор.

Коля вытащил бумажник и достал из него первую попавшуюся купюру, не глядя. Это оказалась сотенная бумажка. Он дал её просящему. Всё действие уложилось в несколько секунд: Коля торопился, чтобы Автор не успел ему помешать.

— Ах ты, милосердный ублюдок! — закричал Автор. — Он же её пропьёт! Прямо сейчас и пропьёт!

Человечек вдруг схватил Колину ладонь и поцеловал. Коля ошарашено посмотрел на него, пробормотал что-то смущённо и кинулся к выходу.

— Какая глупость! Какая мерзкая глупость! — сердито прошипел в его голове Автор.

* * *

— ...миллионы телезрителей увидят и услышат его! Миллионы телезрителей, среди которых и ВЫ!

Коля вздрогнул. Он поднял взгляд и увидел перед собой красивую молодую азиатку с микрофоном в руке. Позади неё маячил оператор с камерой.

— Добрый день! Как вас зовут?! — закричала девушка и сунула Коле микрофон прямо в лицо.

— Опаньки! А вот это нам совсем ни к чему, — с досадой пробормотал Автор.

Коля сидел один за красным пластмассовым столиком. Перед ним лежала тарелка с картошкой фри и стоял стакан с колой. В руке Коля сжимал гамбургер. В той огромной кормушке, куда он попал, почти не было свободных столов: зал был забит методично жующим средним классом. Лоснящиеся лица, непрерывно двигающиеся скулы, пустые глаза, разговоры с набитым ртом — семьи с рекламных плакатов, счастливые смеющиеся обыватели, идеальные граждане, идеальные покупатели. Скромные герои эпохи потребления.

— Только не дури! — угрожающе предупредил Автор. — Просто скажи ей, как тебя зовут, и коротко ответь на её глупые вопросы!

Коля молчал. «Это мой единственный шанс! Но что мне делать?» — лихорадочно думал он. — «Просить о помощи? Но Автор сразу же вмешается, извинится за меня моим же голосом и просто

уйдёт отсюда. Опрокинуть стол и двинуть девице по носу, чтобы меня схватили и вызвали ментов?!»

— Он так взволнован, что не может вспомнить своего имени! — шепнула девушка камере и снова повернулась к Коле. — Вы в прямом эфире! Скажите, как вас зовут?!

Единственный шанс...

— Так. К чёрту самодеятельность! Ситуация и так уже вышла из-под контроля, — хладнокровно сказал Автор, и Коля почувствовал, как его губы задвигались сами собой, помогая выталкивать изо рта звуки:

— Ко-ля.

— Отлично, Коля! Скажи, Коля, скажи нам скорее, Николай, за что же ты так любишь гамбургеры «Grand Burger»?!

— Я... — сказал Автор Колиным голосом, но не смог продолжить, потому что Коля стал сопротивляться изо всех сил, пытаясь вернуть управление над телом.

«Опрокинь стол! Опрокинь стол! Опрокинь стол!» — кричал Коля своему телу, но оно не слушалось.

— Смелее, Николай! Это твои пятнадцать секунд славы, о которых говорил... мммм... ааа... а вот ведь забыла кто! — кривлялась перед камерой девушка.

— Энди Уорхол, дура! — расхохотался Автор и сказал, обращаясь к Коле: — Сынок, тебе, наверно, нравится боль, да?

Коля вдруг почувствовал, как в ухо ему впиалась огромная ледяная игла и стала с нажимом продвигаться внутрь, причиняя невыносимые страдания. Он закричал, но тело его, естественно, не издало ни звука: только губы бессмысленно дёргались и топорщились.

Кормящиеся за соседними столиками отвлеклись от сладострастного поглощения пищи и стали с интересом и нездоровым азартом наблюдать за происходящим. Они тыкали в Колю жирными сосисками пальцев и смеялись. По красным упитанным лицам медленно разливалось сытое удовлетворение. В масляных глазках проступала бессознательная мольба о чужом унижении. Хлеба и зрелищ! Народ требует хлеба и зрелищ!

— Ну же, Коленька! — не унималась девушка. — Тебе нравится в «Grand Burger»?

Коля всё ещё отчаянно сопротивлялся, но боль была настолько сильной, что он ослабил хватку, и Автор тут же уверенно взял верх.

— Я люблю их... потому что они... большие и сочные... такие вкусные... — с трудом выдавило тело.

На лице девушки мелькнуло облегчение, и она восторженно завизжала:

— Браво, Николай! Ну разве можно ему не поверить?! Где ещё вы увидите столько счастливых лиц, как не в «Grand Burger»? Признайтесь, и вам уже хочется скорее попасть сюда, к нам, на праздник жизни! Так чего же вы ждёте? «Grand Burger» объявляет культ еды!!!

— Снято! — крикнул оператор, и девушка сразу как-то обмякла, ссутулившись.

— Вот ведь дерьмо! Дерьмо! — раздражённо проворчала она, покачав головой, и прикурила длинную тонкую сигарету.

— У нас здесь не курят! — с искренним возмущением завопил тут же подскочивший служитель культа еды.

— А ну сбрызни, а то сегодня же без работы останешься! — гневно воскликнула в ответ девушка, и служитель, помявшись немного, предпочёл ретироваться.

Девушка медленно повернулась к Коле, наклонилась и, выпустив ему в лицо дым, произнесла, чётко выделяя каждый слог:

— Ну, ты и ко-зёл!

Но Коля на неё даже не посмотрел: его взгляд уткнулся в красную поверхность пластмассового столика. Боль внутри головы то спадала, то нарастала, не давая толком сосредоточиться, но всё же он смог ухватиться за одну важную мысль: «Во время нашего противостояния Автор потерял контроль над моим телом буквально на несколько секунд. Несколько жалких секунд... но ведь их вполне достаточно для одного решительного действия! Но какого?! Если бы я тогда твёрдо знал, что делать, я мог бы воспользоваться этой слабостью Автора!» И в этот миг в его мысли неожиданно прокрался красочный образ: марионетка хватается руками за нить, управляющую головой, подтягивает тело вверх, чтобы обернуть эту нить вокруг шеи, и, обернув, разжимает руки...

Коля оторвал взгляд от стола и осмотрелся. Восточная девушка исчезла, оставив после себя в воздухе чуть уловимый аромат сладкого сигаретного дыма. Посетители кафе снова сконцентрировались на содержимом своих тарелок, напрочь забыв о только что произошедшем.

— Топай на улицу! На ходу придумаем, что делать дальше, — приказал Автор, и Коля уловил в его голосе нотки усталости.

Поднявшись из-за стола, он двинулся к выходу. Несколько вялых взглядов проводили его до дверей и снова упёрлись в свои тарелки.

На улице Колю ждал подсвеченный неоном зимний вечер. Черты лиц людей, торопливо снующих мимо, расплывались и складывались заново, но уже в одно большое лицо, безумное лицо

толпы, величественное лицо человечества, невообразимое, немислимое лицо одного огромного Человека, воплотившего в себе всех.

В двух шагах, рокоча и дымя, пролежала дорога. Непредсказуемая, но и неминуемая, как сама судьба. В её рваном ритме Коля услышал хриплое дыхание фатума. Где начинается моя воля, где заканчивается?.. где начинается власть Автора, где заканчивается?.. а что есть воля Твоя, Боже?!

Красный свет.

Коля рванул вперёд, не обращая внимания на изумлённый крик Автора:

— ЭЙАНУОСТАНОВИСЬ!

Противостояние.

Сопротивляйся!

Коля почувствовал, как страшная сила тянет его назад. Воздух внезапно загустел, и каждое движение, каждый новый шаг давался ценой чудовищных усилий. Боль, ужасная, нестерпимая боль разорвала сознание в клочья...

...и было ему видение:

темнота и холод, кольцо стен без окон и дверей, на коленях дряхлый старец, он смотрит безумными очами вверх, но там только чёрная пустынная яма, его рот перекошен от вопля, из глаз текут слёзы, разрезая щёки на полосы, он рвёт волосы на голове размашистыми движениями рук глухие стоны вокруг копошатся люди разбитыми в кровь пальцами пытаюсь схватить гудящий каменный пол стылый камень не поднимая голов чтобы не видеть эту бездонную тяжесть что прижимает к трепещущему всеобщей боли к исходной слепоте червя

...и слышал он монотонный голос, без пауз твердящий:

конвульсии бесконечны безгранично умирание агония каждый миг труп рождается и умирает снова и снова не приходит долгожданный конец делу венец на покойничке лежащем в гробу в праздничных одеждах суется гости проедая пропивая свою жизнь я устало жду когда же верховное солнцекомандование соизволит изгнать мои глаза закрываются сами собой под пудовыми гириями беспросветного бытия хватит на всех похороненных бесплатно между небом и землёй до сих пор висит туман скрывающий петлю и под ногами стул вдруг закачался и упал стукнув удивлённого обывателя по ноге облачённой в смешные одежды благоразумия и долга же дорога если идёшь в противоположную ветру сторону ведь конвульсии бесконечны

На крохотную долю секунды сознание вспыхнуло отчаянно и ярко, и Коля понял, что умирает.

...и почувствовал он, как на плечи обрушилось само небо, безбрежная чёрная яма, ледяная пустота, как слёзы нескончаемыми потоками режут щёки на полосы, как холоден под пальцами камень, как холоден камень

— Коля!! — женский крик откуда-то издалека.

Жалкими клочьями своего существа, всеми истекающими болью и страданием остатками Себя Коля ухватился за этот крик, потянулся в его направлении и... неожиданно очнулся в своём собственном теле, остро прочувствовав каждую его клетку: от заполненной болью головы до замерзающих пальцев ног.

— О, милый, — услышал Коля голос женщины, обнимавшей его.

Женщина нежно провела по его лицу пальцами, охваченными дрожью, и он посмотрел на неё. Красивая. Чёрные волосы, разметавшиеся по плечам, ласковый добрый взгляд.

— Кто ты?! Помоги! — отчаянно прохрипел он.

Рядом раздался оглушительный визг шин. Кофейного цвета снег, перемешанный с дорожной грязью, брызнул им на ноги. Женщина повернула голову в направлении шума, и её глаза широко раскрылись от ужаса.

— Нет! — пронзительно закричала она, а Коля почувствовал, как в его шею вонзилась игла.

Женщину схватили под руки и оторвали от Коли двое. Один из них сделал ей в шею укол.

— Коля! — жалобно воскликнула она, падая в чужие руки.

«Я помню тебя!» — внезапно подумал Коля. — «Я не помню себя, но я помню ТЕБЯ!»

— Ира... — прошептал он и успел заметить, как она грустно улыбнулась, прежде чем провалился во тьму.

4. Самые мрачные глубины освети светом Твоим, Господи!

Монмартр. Чуть припорошенные неожиданным снегом узкие улочки в лучах выглянувшего солнца казались сказочными и неповторимо реальными. Очаровательные невысокие дома, повороты широких лестниц, многочисленные фонари, каждый камень в мостовой — всё было исполнено непостижимым и трогательным величием, поэзией и красотой.

Группа туристов из России — шесть женщин, семь мужчин — медленно брела вслед за ведущей экскурсию француженкой. На русский слова француженки переводил элегантный пожилой мужчина в пальто и чёрной шляпе с узкими полями. У него были умные насмешливые глаза, в затаённой глубине которых холодно сверкал лёд.

Группа двигалась по улицам неспешно: многие останавливались, чтобы запечатлеть на фотоплёнку то бюст Далиды, то Ходящего сквозь стены, то Мулен де ла Галет, то фасад какого-нибудь здания, благо, что почти во всех домах когда-то жили или работали отмеченные историей люди.

Ира снимков не делала и слова переводившего на русский Петра Алексеевича слушала рассеянно. Она словно попала в другой мир — волшебный, волнующий, будоражащий воображение. Ей хотелось жить каждой секундой, и она чуть слышно повторяла самой себе так, чтобы не услышал Витя:

— Я здесь. Я правда здесь.

И уплывающая из-под ног реальность возвращалась на своё место.

Париж очаровал Иру с первых же мгновений. Когда их группа ехала на микроавтобусе из международного аэропорта имени Шарля де Голля, мела настоящая метель, и мужчины — а они все были сотрудниками НИИ, в котором работал Витя, — шутили, что привезли с собой во Францию русскую зиму. В окне сквозь хлопья пушистых снежинок мелькали аккуратные ухоженные улицы. Прохожие торопились, кутаясь в воротники пальто, явно ошеломлённые разыгравшимся снегопадом. Ехавшие в автобусе русские наблюдали за ними с благодушными усмешками. Заселили гостей из России в гостиницу «Mercure». В нескольких минутах ходьбы от неё находилось знаменитое кабаре «Мулен Руж», совсем рядом располагалось кладбище Монмартр.

Гуляя по Парижу, Ира чувствовала себя почти счастливой. Если бы только не головная боль и не странная необъяснимая тревога, прячущаяся где-то глубоко внутри, шепчущая испуганно и потерянно: «Что-то не так! Что-то не так! Что-то не так!»

— Ирина, как ваше самочувствие? — спросил Пётр Алексеевич и внимательно взглянул на неё. Голос его источал заботу, но глаза смотрели холодно и пытливо.

— Голова немного побаливает. Наверно, из-за перелёта, — ответила Ира и выдавила вялую улыбку.

— Может, вернёмся в гостиницу? Ляжешь отдохнуть? — спросил Витя и, обняв, прижал Иру к себе.

— Нет, нет, зачем в гостиницу? Не хочу ничего пропустить! — возмущённо отказалась Ира. — Приехать во Францию на пять дней, чтобы валяться в гостинице? Ну уж нет!

Витя улыбнулся и поцеловал её в губы. Пётр Алексеевич тоже улыбался, но его глаза оставались холодными. Ира скорее чувствовала, чем подмечала, что его взгляд постоянно следит за ней, изучает и оценивает. Это было неприятно, и один раз

она пожаловалась Вите, но тот в ответ только пожал плечами и сказал:

— Он мой начальник. Ты хочешь, чтобы я сделал ему замечание? Просто не обращай внимания. Он одинокий пожилой человек с дрянным характером, так что придётся потерпеть. Да и уверяю тебя: он так смотрит на всех! И следит за всеми. Внимательный начальственный старый хрыч. Ещё советской закалки.

Когда француженка привела их к базилике Сакре-Кёр, у Иры перехватило дыхание. К тому моменту вечер уже стусил цвет неба в тёмно-синий и зажгись фонари. В их праздничном свете монументальное, величественное здание базилики произвело на Иру неизгладимое впечатление. Рядом открывался панорамный вид на город: базилика располагалась на вершине Монмартра, в самой высокой точке города. Оказавшись внутри католического храма, Ира изумлённо осмотрелась вокруг широко открытыми глазами и покачала головой, словно не веря, что окружающее великолепие ей не снится. «Как можно жить в Париже и не ходить сюда каждый день, чтобы просто тихо посидеть на скамейке? Если бы я жила в Париже, я бы стала католичкой только потому, что у них такие храмы», — невольно подумала Ира.

После посещения базилики Сакре-Кёр вся группа отправилась на ужин в маленький семейный ресторан. Красивый, продуманный интерьер ресторана создавал тёплую и уютную атмосферу. В центре помещения горел большой камин, выложенный красным кирпичом. Стены были увешены картинами и стильными чёрно-белыми фотографиями. На деревянных столах, покрытых лаком, тут же появились фужеры с аперитивом. Это был Kir Royal — коктейль из шампанского и чёрно-смородинового ликёра. Кир традиционно подавался во Франции в различных вариациях перед едой: вместо шампанского могло быть белое вино или водка, а вместо чёрно-смородинового ликёра — малиновый или вишнёвый, или персиковый. Все расселись на мягких диванах. Ира заказала тартар из сёмги, форель с коньячным соусом и зеленью и мороженное. Всё оказалось необыкновенно вкусным. Терпкое красное вино было просто божественным.

Ира расположилась с самого края, рядом с Витей и Петром Алексеевичем, севшим во главе стола. Мужчины делились впечатлениями от Парижа, в котором Витя был в первый раз, а Пётр Алексеевич «уже и не помнил, в который». Ира в беседе не участвовала, несмотря на неоднократные попытки Петра Алексеевича её разговорить: у неё всё сильнее болела голова. Когда Витя вышел из-за стола на несколько минут, Пётр Алексеевич обратился к Ире, доверительно улыбаясь:

— Ирочка, вы простите меня, старика, за нескромность, но скажите: а сколько вы уже живёте вместе с Виктором?

Ира пожала плечами:

— Мы учились в одном классе. После школы Витю забрали в армию, а когда он вернулся, мы стали жить вместе. С тех пор и живём.

Пётр Алексеевич покивал головой, продолжая улыбаться, и сказал:

— Странно, что все эти годы он ничего не рассказывал о вас. Вот ведь конспиратор! Мне всегда казалось, что он живёт один.

Ира растерянно улыбнулась. Она не знала, что ответить.

— Скажите, а когда он в первый раз вас поцеловал? — неожиданно спросил Пётр Алексеевич.

Ира непонимающе уставилась на него. И дело было даже не в том, что вопрос некорректен, а в том, что она вдруг поняла, что не может вспомнить, когда это случилось. Попытки нащупать в памяти первый поцелуй только усилили головную боль. Ира несколько раз моргнула. Пауза затянулась. Пётр Алексеевич внимательно наблюдал за ней, уже не улыбаясь.

— Вы не помните? — с неискренним удивлением покачал он головой.

— Помню, — соврала Ира. — Но мне почему-то кажется, что это личное. Вы так не думаете?

Пётр Алексеевич воздел обе руки вверх в примирительном жесте:

— Ирочка, простите меня. Это всё красное вино: оно делает меня развязным, болтливым и навязчивым. Непростительная роскошь в моём возрасте.

Пётр Алексеевич сладко улыбнулся. Его бокал с вином стоял почти не тронутый: старик лишь несколько раз пригубил оттуда во время тостов.

Остальные сидящие за столом набросились на вино с подростковой жадностью: официанты еле успевали подносить и открывать новые бутылки. Один из мужчин, грузный бородач в очках, из тех, кто считает своим священным долгом всё время быть в центре внимания, неся тяжёлое бремя «души компании», отчаянного весельчака и женского угодника, торжественно возопил заплетающимся голосом:

— Земляки, а может, закажем коньячины, а то от вина что-то ни в одном глазу!

— Семён! — тихо, но отчётливо сказал Пётр Алексеевич.

Несмотря на шум и гомон, царящий за столом, Семён очень хорошо расслышал и сразу сник.

— Да, что-то я лишка разошёлся, пожалуй, — невнятно пробормотал он, и больше в этот вечер раскатов его зычного голоса за столом не раздавалось.

В следующие несколько дней туристы из России ездили на микроавтобусе по Парижу, осматривая достопримечательности, посещали Собор Парижской Богоматери, Лувр, обедали в ресторане Эйфелевой башни, ужинали на представлении в кабаре «Мулен Руж». Все были довольны программой. И лишь постоянный недосып — спали по четыре-пять часов в сутки — отражался в красных глазах с полопавшимися капиллярами и несколько осунувшихся, бледных, но всё равно восторженно-возбуждённых лицах.

За день до отъезда группа с утра отправилась на вокзал Монпарнас. Скоростной поезд доставил их в провинцию. Проехав на нескольких нанятых машинах с водителями-французами по небольшим прелестным городкам и пообедав в одном из них, группа добралась уже в темноте до ворот, ведущих на охраняемую и огороженную высокими каменными заборами территорию. Несколько минут ехали по настоящему лесу, а потом появились ухоженные садовые кусты, и дорога вывела к замку. Замок был старый — то ли четырнадцатого, то ли пятнадцатого века. В призрачном свете фонарей, стоящих во дворе, и струящих свет окон, он казался огромным.

Ира бродила, прикасаясь к каменным стенам пальцами, чтобы прочувствовать происходящее острее. Её захлестнуло чувство необузданной эйфории.

— Я здесь, я здесь, здесь! — шептала она.

Ей хотелось зафиксировать действительность. И всё же в глубине её существа необъяснимая тревога продолжала скрестись, словно забытая хозяином на улице собака в закрытую дверь. «Что-то не так».

Изнутри замок, несмотря на электричество, компьютеры в номерах и другие блага современной цивилизации, также выглядел древним. Когда все спустились вниз из своих апартаментов на ужин, на столике рядом с огромным камином, в котором лежали мерно полыхавшие, наполовину обугленные поленья, уже ждали фужеры с киром. Пётр Алексеевич произнёс недлинный остроумный тост, все выпили и отправились в гостиную на ужин. Все, кроме Иры. Отговорившись плохим самочувствием, она осталась в мягком кресле рядом с камином.

Заворожённо глядя на огонь, она поняла, что больше не может держать реальность под контролем. Всё было каким-то сказочным, слишком сюрреальным. Ира чувствовала смятение. Мысли перепутались в голове. Ей казалось очень странным, что там, в го-

стиной, за закрытыми дверями сейчас сидят двенадцать человек, а она сидит здесь одна, в отблесках пламени пытаюсь уловить силуэты прошлого, настоящего и будущего. Почему-то Ире подумалось, что те двенадцать обсуждают именно её, решают её судьбу, выносят ей приговор. Эта мысль была смешна, нелепа, фантазмагорична, словно образ из ночного кошмара, но от неё было сложно отвязаться. Просидев перед камином почти час, Ира отправилась в номер спать.

Как только она скрылась на лестнице, ведущей на второй этаж, из гостиной вышли Витя и Пётр Алексеевич.

— Посмотрю, как там Ира, — сказал Витя Петру Алексеевичу и собрался уйти, но старик схватил его за плечо.

— Подожди, сынок, — твёрдо сказал Пётр Алексеевич. — Прогуляемся немного по свежему воздуху.

Витя посмотрел в глаза старика и понял, что возражать бессмысленно.

Они вышли через боковую дверь на улицу и неспешно двинулись мимо пустых скамеек к темнеющему вдаль лесу. Пока они спускались по широкой поляне, Витя успел различить во мраке очертания поленницы и кадки с маленьким деревцем. Вскоре они достигли узкого водоёма, перешли по мостику на другую сторону и остановились возле низкой железной оградки, отделяющей территорию замка от лесного массива.

— Я однажды увидел отсюда оленя, бродящего по лесу, когда приезжал в прошлый раз, — задумчиво произнёс Пётр Алексеевич и вздохнул.

Витя вежливо кивнул, но промолчал.

— Ты промыл ей мозги, — таким же задумчивым, тихим голосом сказал Пётр Алексеевич, глядя в темноту леса. — Воспользовался засекреченной государственной технологией и переделал девчухе память. А её парня подсунул мне в качестве подопытного экземпляра. И всё это ты провернул втихую, даже не посчитав необходимым посвятить меня в подробности. Ты что, правда, думал, что я не узнаю?

— Я думал, вы знаете, — невозмутимо ответил Витя. Он вглядывался в чёрную косматую стену деревьев и чуть заметно улыбался.

Пётр Алексеевич несколько раз кивнул головой. Его губы сложились в жёсткую, язвительную усмешку.

— Ты хороший ученик. И лучший специалист нашего отдела. Если ты ещё раз сделаешь что-то в обход меня, я тебя убью.

Утром группа русских туристов вернулась в Париж. Около железнодорожного вокзала их уже дожидался микроавтобус. Он

доставил их к берегу Сены. Спустившись через пристань на пассажирское экскурсионное судно, группа расселась за длинным обеденным столом. Вокруг кипел настоящий котёл народов: французские, английские, немецкие, японские, русские слова причудливо перемешались в воздухе. Все столы были заняты. Между ними, чередуя отрывки из классических произведений с народными мотивами разных стран, прохаживался черноволосый кудрявый скрипач. Очки и фрак придавали ему солидный вид.

Ира смотрела в окно, на проплывающий мимо Париж, и пыталась вспомнить, как Витя поцеловал её в первый раз. «Разве такое вообще можно забыть?!» — не понимала она саму себя. Она повернула голову и внимательно всмотрелась в лицо Вити. Он разговаривал с коллегами, держа в руке бокал с белым вином. Не замечал её пристального взгляда. Не чувствовал её кричащего молчания. Не знал о её смятении. Ира снова повернулась к окну. Они проплывали мимо Эйфелевой башни. Ах, Париж, Париж! Париж...

* * *

«...и ты горишь в аду живо, ещё при жизни. И куда бы ты ни шёл, твой ад всегда с тобой, потому он — в твоей душе».

Запись получилась неровной: ручка никак не желала источать чернил, схваченных морозом. Вдавленные в бумагу белые полосы предвещали отрывистый пунктир букв.

Коля спрятал блокнот с ручкой. На трясущиеся от холода, скрученные ломотой пальцы поспешно натянул варежки. Вынув из кармана неаккуратно торчавшую пухлую пачку листов, отделил от неё один и протянул его проходившей мимо молодой паре. Девушка, со смехом рассматривая Колю, взяла листок и показала своему парню.

— Мясная вечеринка от сети вкусного питания «GRAND BURGER»! Три королевских чикенбургера по цене одного! Дегустиация famильных колбас предприятия «МЯСКО»! Бесплатная раздача прохладительных напитков! Шоу программа с участием весёлых клоунов и звёзд эстрады! Специальный гость — Джамбо Кукарамбо с хитом «Дождь-разлучник»! — прочитал вслух парень.

Коля равнодушно глянул на него и пробубнил апатично, без интонации, лишь бы побыстрее избавиться от заученных слов:

— Не хлебом единым жив человек. Не хлебом единым... а ещё сочным аппетитным мясом, которое тает во рту. Я маг и волшебник Дональдс, и я здесь, чтобы накормить вас от пуза. Я люблю это дело.

Парень с девушкой переглянулись.

— Ладно, ладно, ты, главное... не петушись! — сказал парень и скорчился от смеха. Девушка тоже хохотала, обнимая парня и уткнувшись лицом ему в спину. Листок упал на снег.

Коля стоял молча, уставившись невидящим взглядом на дорожку, по которой нескончаемым конвейером катились машины. «Металлические бургеры с человечиной», — подумал он с отвращением.

Парень и девушка ушли, смеясь.

Коля всмотрелся в отражение, испускаемое витриной кафе «GRAND BURGER». Он увидел там создание в красных штанах, красной куртке, застрявшей промеж двух бутафорских подушек, изображавших гамбургерные булки, и красной шапке в виде петушиного гребешка. Петух-гамбургер. Поверх курки висела табличка с эмблемой «GRAND BURGER» и надписью: «Три королевских чикенбургера по цене одного!» И только бледное, осунувшееся, стянутое страданием лицо, выглядывающее из нелепого костюма, нарушало общий ансамбль, привнося в комическую несурязицу нечто серьёзное, трагическое, жалкое и трогательное, человеческое, слишком человеческое.

«Этого не может быть! Это не может происходить со мной! Это не со мной! Этого нет! Нет! Нет! Это не я! это не я...» — без остановки повторял мысленно Коля. Но он был не в силах выгнать реальность из своего сознания. У него жутко болела голова, и он замерзал. Краткие перерывы, во время которых он грелся в кафе, не давали телу достаточно тепла, чтобы безболезненно переносить холод. Ледяная стынь пронизала его насквозь, наполняя ноющей ломотой каждую частицу. Пальцы рук и ног занемели.

Но хуже головной боли и холода было чувство стыда и омерзения. Унижение. Унижение. Унижение. «Не я. Это не я здесь стою. Не я. Это слишком нелепо. Слишком ужасно. Слишком неправильно, чтобы быть правдой».

Доктор Лев Аркадьевич, приходивший трижды в неделю делать Коле уколы, всякий раз успокаивал, что эта работа — временная, и надо потерпеть. Именно доктор и нашёл эту работу для Коли. Доктор добрый. Он заботится о Коле. Он позволил Коле жить в своей пустующей квартире. Он приносит Коле продукты. Он сказал, что когда Коля вылечится, уколы уже не понадобятся, и головная боль пройдёт.

— Но пока уколы необходимы, так как без них болезнь перейдёт в острую стадию, и ты сойдёшь с ума, — со вздохом объяснял доктор. — И тогда тебя снова закроют в больницу для душевнобольных, откуда я тебя взял под свою ответственность, чтобы помочь тебе выздороветь.

Коля не помнил больницы. Коля не помнил, как он попал в больницу и почему. Коля не помнил, кто он и чем он занимался до того, как попал в больницу. Ни родителей, ни родственников, ни друзей, ни знакомых... Кроме имени, у Коли не осталось ничего своего. На всём белом свете был только один человек, которому Коля доверял — добрый доктор Лев Аркадьевич. Коля следовал советам доктора. Доктор умный: его надо слушаться. Уж это Коля знал наверняка. Наверняка.

После уколов он всегда быстро и крепко засыпал, и Лев Аркадьевич, уходя, закрывал дверь своим ключом. Проснувшись, Коля чувствовал себя разбитым и потерянным. Ощупывая своё лицо, он судорожно всхлипывал: КТО Я?!

Неоновый свет тесно переплёлся в восприятии с холодом. Неон стал цветом холода. Вечер сжимал ледяными пальцами сердце. Стоя на морозе в костюме петуха-гамбургера, Коля никак не мог понять, зачем всё это? Зачем такая работа? Зачем эти бессмысленные страдания? Ну, не ради же тех жалких грошей, что платит кафе?! Зачем? Зачем такая жизнь? Он не понимал. Это было выше понимания. «Господи, да где же Ты? За что Ты обрёк меня на эти мучения? В чём умысел Твой?! Ты же видишь, я терплю, но силы мои на исходе! Чего Ты хочешь от меня? Я схожу с ума! Я схожу с ума! Где Ты? Помоги мне! Из самых тёмных глубин взываю к тебе, Господи!»

Коля чуть раскачивался с закрытыми глазами под неоновой вывеской, струящей электрический холод. Помутнение затягивало небеса сознания тёмной тучей. Нити, скрепляющие восприятие воедино, рвались стремительно и страшно. Губы шевелились сами собой:

— Я маг и волшебник Дональдс и я промёрз до костей! Моё мясо для вас подогреют в кафе вкусного питания «GRAND BURGER»! Так аппетитно, что невозможно устоять! я схожу с ума, схожу с ума, схожу с ума! Ешьте мясо моё, три чикенбургера по цене одного, шли лесом, пели басом, несли деревянный пирог с мясом, схожу с ума, схожу с ума, схожу с ума! не мясом единым жив человек, но им живы весёлые клоуны эстрады, прохладительные звёзды, о, я люблю это дело! Господи, услышь крик мой, Господи, Господи, Господи! Самые мрачные глубины освети светом Твоим, Господи!»

На Колино плечо легла чья-то рука лёгкая рука. Коля открыл глаза и повернулся вправо. Там стоял мужчина лет пятидесяти в чёрной вязаной шапке, синей куртке, брюках и чёрных, начищенных до блеска ботинках.

— Тяжёлая работа! Понимаю, — сказал мужчина, покивал и улыбнулся. Больше половины зубов у него были золотыми. — Хо-

лодно тебе, друг. Знаю. Сам работал зимой на улице. Хочешь заку-
рить? Меня дядя Саша зовут. Держи сигарету.

Мужчина протянул сигарету, но Коля помотал головой:

— Спасибо, дядя Саша, я не курю.

Дядя Саша понимающе кивнул и сам закурил сигарету, кото-
рую предлагал Коле.

— Да, тяжёлая работа, друг. Мёрзнешь. Мёрзнешь. Долго тебе
так стоять?

— Целый день с небольшими перерывами на кофе, — вздохнул
Коля. — Плохо не то, что тяжёлая — плохо то, что унижительная...

— Нет, нет, нет, а вот это ты брось. Не бывает унижительной
работы. Я сам никогда не отказывался от работы. Какой бы она
не была, — дядя Саша говорил быстрыми отрывистыми фразами,
почти без пауз: перебить его или вставить в его речь хотя бы слово
было трудно. — Нет, нет, нет. Плохой работы нет. В жизни вся-
кое случается. Надо уметь принимать всё. Жизнь разная. Сегодня
ты здесь, а завтра там. Сегодня беден, а завтра богат. Я колюсь с
семьдесят второго года. Но время от времени перехожу на синьку.
Сам. Не рыдаю, не прошу помощи у родных. У меня есть знако-
мые, которые ложатся в клинику. Башляют больше шестидесяти
тысяч, чтобы перекумарить. Я никогда не платил. Хотя на «хму-
ром» с семьдесят второго. Сегодня с утра пырнулся. После долгого
перерыва. Ничего не почувствовал. Не берёт. К друзьям пришёл.
А они: дядя Саш, да у тебя зрачков вообще не видно.

Коля внимательно посмотрел на дядю Сашу, который про-
должал говорить, не останавливаясь. Зрачки у дяди Саши дей-
ствительно были величиной с остриё иглой. Окурок, зажатый в
его пальцах, дотлел до фильтра, но дядя Саша этого не видел и,
жестикулируя, иногда подносил его ко рту, чтобы сделать затяж-
ку. В какой-то момент остатки обугленного фильтра просто тихо
выскользнули из его пальцев, но и этого дядя Саша не заметил.
Он безудержно словоточил обо всём подряд, перескакивая с по-
вестования о своей жизни на рассказы о жизни детей и друзей,
машинах, долгах, ценах на героин и изменениях в климате.

Когда некоторое время спустя Коля взглянул на часы, то с
удивлением обнаружил, что его рабочий день уже десять минут,
как закончился. Он похлопал старого джанки по плечу и сказал:

— Дядя Саша, мне пора.

— Да, да, да, ага! Стой, погоди, вот ещё что. За то, что ты сейчас
стоишь здесь на холоде, Господь тебя вознаградит. Вот увидишь.
Не сейчас, не сразу. Но обязательно вознаградит. Я тебе скажу. Ка-
кой у нас сейчас месяц? Хм. Февраль, — дядя Саша на мгновение
замолчал, потрогал пальцами нижнюю губу, а потом многозначи-

тельно потряс вытянутым указательным в воздухе: — В июне. Вот увидишь. Всё наладится. У тебя всё будет хорошо. В июне. За то, что ты сейчас терпишь, Господь тебе воздаст.

— Спасибо за предсказание, дядя Саша, но мне надо идти, — пробормотал Коля и, открыв дверь в кафе, поспешно скрылся внутри, слыша, что дядя Саша всё ещё продолжал что-то лепетать вдогонку.

Идя домой по вечерней улице, Коля лихорадочно шептал:

— Я терплю! Но я не дотяну до июня. Не дотяну. У меня больше нет сил!

Маленький дворик, карусель.

Уютный подъезд с цветами на лестничных пролётах.

Пятнадцатый этаж.

Квартира номер 66.

* * *

Ты спрячешь боль и переживания в кажущийся бездонным колодец своей души, но рано или поздно вся эта возмущённая клокочущая бездна переливается через края, неся разрушение и хаос, причиняя страдания тем, кто ближе всего. Трудно сохранять хладнокровие и разум, чувствуя постоянное жжение в груди. Ревность — это тёмная сторона страсти и любви. Если ты позволил этой бестии убежать из клетки самоконтроля, не удивляйся тому, что обнаружишь непредсказуемые и печальные последствия, очнувшись от её тяжёлого бреда.

Шли по парку молча. Витя потирал разбитые костяшки пальцев. Манжеты белой рубашки — а Витя даже в эти жаркие и душные июньские дни носил исключительно белые рубашки с длинными рукавами — были запачканы кровью. Ира шагала вперёд, не глядя в сторону Вити, так стремительно, словно хотела убежать от него.

Навстречу им попадались неспешно прогуливающиеся и постукивающие в асфальт тросточками пенсионеры, погружённые в безмятежность мамыши с колясками и неугомонные маленькие сорванцы, бегающие, прыгающие, кричащие и смеющиеся в ласковых лучах вечернего солнца, просвечивающих между кронами деревьев.

— Так что же, я ещё и крайним оказался в итоге, да?! — нарушил молчание Витя, но Ира только ускорила шаг. — Этот козёл полез к тебе целоваться, но самый говённый человек на земле я, потому что вступился за твою честь. Или ты была не против, чтобы он тебя поцеловал? А? Что ты молчишь, Ира? Может, я только помешал вам? Зря, наверно, да?

Ира резко остановилась, так, что Витя даже проскочил по инерции на несколько шагов вперёд.

— Ты следил за мной! Опять! — крикнула она и посмотрела на Витю со злостью.

— Так ты хотела, чтобы он тебя поцеловал, да?

— Я не хочу, чтобы ты шпионил за мной!

— Ты хотела, чтобы он тебя поцеловал? — упорно гнул своё Витя.

— Да, хотела! — закричала в ярости Ира. — Я хотела, чтобы он трахнул меня прямо здесь, в парке, в кустах!

Витя пристально смотрел на неё. Он тяжело дышал. Его кулаки были сжаты так, что фаланги посинели.

— Сначала чокнутый хиппи с волосами до пояса, потом этот поляк из Варшавы, теперь вот театральный актёриска, — сквозь стиснутые зубы проговорил Витя. — Ира, ну чего тебе не хватает в жизни, а?

— Друзей! Я не могу сидеть дома целыми днями, ожидая, когда ты вернёшься из своего проклятого секретного НИИ, где учёные носят пистолеты под пиджаками! Не хочу ужинать с твоими коллегами, которые не умеют улыбаться, потому что их физиономии из мрамора! Не хочу отвечать на вопросы-допросы твоего липкоглазого начальника! Мне интересно общаться с людьми, которые занимаются творчеством — музыкой, литературой, живописью — а не разработкой новейшего секретного оружия.

— Все твои так называемые «друзья» просто хотят залезть к тебе в трусы!

— Вот. Вот! «Чего тебе не хватает?» — ты спрашиваешь. Свободы! Твоя патологическая ревность стала уже невыносимой! Ты преследуешь меня, следишь за мной, запугиваешь, избиваешь и калечишь всех, с кем я общаюсь. Вокруг меня какое-то выжженное поле, степь да степь кругом! Но я не принадлежу тебе: я свободный человек!

Витя как-то особенно взглянул на Иру, и усмешка чуть тронула уголки его губ.

Но Ира этого не заметила: она уже повернулась и шла к выходу из парка. Она чувствовала внутри себя беспомощную ярость загнанного в ловушку зверя: паника вперемешку с отчаянием. Завота, которой Витя окружил её, с каждым днём всё больше напоминала надзор за заключённым. Ира не могла сделать и движения, не чувствуя на себе пристального, внимательного взгляда.

Длинноволосого хиппи, о котором говорил Витя, звали Иисусом. Так он представился, когда Ира познакомилась с ним на концерте Умки. Иисус был весёлым беззаботным парнем, любителем

психоделии 60-х и травы. Его постоянно затуманенный взор медленно двигался в нескольких мирах сразу, не концентрируясь ни на одном. Его друзей, таких же беспечных потребителей «зелени», не уставала забавлять курьёзная двойственность, возникающая всякий раз, когда в разговоре упоминался Иисус. Они говорили:

— Сейчас придёт Иисус и принесёт ещё гп.

И долго смеялись, глядя друг на друга и на Иру. Или:

— Иисус целыми днями только и делает, что фугает!

И сладенько хихикали.

Ира несколько раз виделась с Иисусом. Блаженная умиротворённая улыбка не покидала его губ во время всех этих встреч, кроме последней, когда Ире пришлось навещать его в больнице. У Иисуса была сломана ключица, несколько рёбер и три пальца на правой руке. Лёжа на кровати, он исследовал мутным взором потолок, но, увидев Иру с букетом цветов в одной руке и пакетом с фруктами в другой, испуганно отпрянул и заорал:

— Нет! Только не ты! Уходи! Уходи! Твой парень — он...

Тут Иисус вставил нецензурное слово, которое употребляется, чтобы охарактеризовать человека как опасного сумасшедшего.

Ира положила цветы на тумбочку возле кровати, оставила на полу пакет с фруктами и, пятясь к выходу из палаты, приложила руки к сердцу:

— Мне так жаль! Мне правда так жаль. Прости меня, пожалуйста.

Общение Иры с поляком из Варшавы закончилось ещё быстрее. После второй встречи тот бесследно исчез, а Витя как бы невзначай бросил с мрачной усмешкой:

— На днях шпиона поймали. Поляк по национальности. Пытался выведать наши секретные разработки.

— Что с ним сделали? — спросила тихим голосом Ира, с ужасом глядя на Витю.

Витя пожал плечами и, кашлянув, сказал буднично:

— Выслали обратно на родину. Мелкая сошка. Кому такой нужен?

Подойдя к выходу из парка, Ира обернулась и увидела, что Витя продолжал стоять там, где она его оставила. Он, опустив голову, смотрел вниз. Руки его по-прежнему были сжаты в кулаки.

«Почему всё так неправильно?» — в который раз задалась вопросом Ира. Она покинула пределы парка и двинулась по улицам наугад, глубоко погружённая в ставший уже привычным душевный разлад. Чем больше она задумывалась о причинах того, что у неё «сердце не на месте», тем явственнее прорисовывались контуры неумолимого, но невозможного ответа.

Домой Ира вернулась уже за полночь. Разувшись, она прошла на кухню, откуда струился мягкий свет.

Витя сидел за столом, согнувшись и обхватив плечи руками. Он поднял голову и посмотрел на Иру. Выпрямился и положил ладони на стол.

— Доброй ночи, любимая. Где была? — неестественно спокойно, даже с безразличием спросил он, словно плохой актёр, повторяющий заученные, но не прочувствованные и не преломлённые через себя слова.

— Зашла в рок-бар выпить, — ответила Ира.

Она стояла, прислонившись к стене. Грустно смотрела на Витю. Печаль в её взгляде была пропитана тем сочувственным оттенком жалости, какой бывает у людей, готовящихся сообщить кому-то о смерти близкого человека.

— Познакомилась, наверно, с кем-нибудь? — Витя спрашивал деланно обыденным тоном: так он привык выражать сарказм. — Кто теперь? Какой-нибудь бородатый художник? Скульптор? Дирижёр симфонического оркестра? Архитектор из Италии? Русский философ-пьяница? Так кто он? Как зовут?

— Витя...

— О, Витя! Прямо как меня! Это даже приятно! — он всплеснул руками.

— Витя.

— Ира, зачем ты так со мной? Зачем? — саркастические нотки исчезли, и теперь его голос выражал только боль. — Я ведь ради тебя готов на всё. Я готов умереть за тебя, а ты...

Ира покачала головой, глядя Вите прямо в глаза:

— Витя, я тебя не люблю.

* * *

И снова зима, и дорога вокруг. Пронзительный вопль тормозящих машин, смешавшийся в воздухе с криком. Та женщина, падая, тянет руки к нему, шепча его имя...

Крича, Коля вскочил с кровати и тут же упал на одно колено, запутавшись другой ногой в простыне, которой накрывался. Он распластался на полу, обхватив голову руками. Нога выскользнула из импровизированного капкана сама, и тогда он, подтянув ноги к животу, свернулся калачиком, сотрясаемый рыданиями.

— Больше не хочу жить, больше не хочу, убей меня, прошу Тебя! убей, убей, убей, я же не могу сам... — стонал он в пустоту квартиры №66.

Женщина из снов. Красивая. Черноволосая. Коля знал, что любит её, но не знал, кто она. Где она... С кем она... Да есть ли

она на этом свете? Сон про женщину и дорогу повторялся теперь каждую ночь, делая одиночество яви всё более невыносимым. «Наверно, она из моего прошлого», — с отчаянием думал Коля. Он не стал рассказывать про неё Льву Аркадьевичу. Доброму доктору Льву Аркадьевичу, после уколов которого поутру всегда сильно болела голова, мысли путались, а действительность двоилась в глазах.

Коля поднялся с пола и доковылял до ванной. Умывшись, он посмотрел на своё отражение в зеркале. Привидение.

— Меня нет, — прошептал он зеркалу. И зеркало в ответ безумно усмехнулось:

— Точно. Тебя нет!

Коля подошёл к журнальному столику и, схватив ручку, принялся с остервенением корябать в открытом блокноте, лежавшем там же:

«Из того мрака, в котором я сейчас нахожусь, я вряд ли смогу подарить миру что-то светлое и обнадеживающее. Только свою злобу и боль — то, что я ощущаю каждую секунду своего бессмысленного существования. Я могу поделиться с тобой, мой гипотетический читатель, той безрадостной и безнадежной пустотой, что переполняет сердце моё. Я хочу, чтобы ты услышал её, чтобы ты почувствовал её, понял её всеистребляющую сущность, отравляющую все попытки зацепиться за этот мир. Я хочу, мой дорогой читатель, чтобы тебе стало так же плохо, как сейчас мне! Чтобы ты рвал волосы на голове и кричал: «Боже, за что?!» Это моя жалкая попытка вернуть свою боль Создателю. Но не торопись обвинить меня в жестокости и скверном характере! Выплеснуть свои страдания на бумагу — это моя последняя возможность хоть как-то разгрузить копящийся внутри ужас, выдавливающий из меня остатки жизнелюбия.

Все мои силы уходят на то, чтобы противостоять аду внутри моей души, но мои же силы и питают этот ад! Это месть самому себе за неумение жить! Чем сильнее я становлюсь, чтобы вытерпеть боль, тем сильнее становится боль, крепчающая от моих же сил. Несмотря ни на что, я люблю жизнь, даже такую никчёмную. Я никогда не задумывался о самоотводе. Но должен наступить день, когда боль и отчуждение просто вытеснят жизнь из меня. Произойдёт естественное движение к гибели. И мне кажется, что этот день наступил».

Коля положил ручку на блокнот. Он ощутил некоторое облегчение, словно бумага взяла на себя часть груза его страданий. Но одновременно он почувствовал отчаяние обречённого. «Сегодня всё закончится».

Взяв сумку со сменной одеждой, он поехал на книжный склад, где работал с апреля. Официально его должность звучала как «менеджер по складу». Ну любят в России почему-то слово «менеджер» — что уж тут подделаешь! Сами сотрудники склада шутили, что они, скорее, «менеджеры по погрузке», потому что целыми днями, в основном, таскали по дурно пахнущим коридорам коробки с книгами. Когда не было машин и не надо было загружать или разгружать, «менеджеры по складу» распаковывали коробки и сортировали книги. Тупая монотонная работа замедляла субъективное время, превращая минуты в часы, часы в дни, а дни в годы. Коля работал только третий месяц, но ему уже казалось, что он родился и вырос в бесконечном лабиринте склада, этого зловещего монстра, сошедшего в реальность со страниц Франца Кафки. За несколько первых дней работы пальцы Коли почернели от пыли, порезов и йода. После чего он стал благоразумно пользоваться прорезиненными хлопчатобумажными перчатками, в которых руки прели, но оставались более или менее сохранными.

Как ни странно, но почти у всех «менеджеров по погрузке» — за исключением нескольких студентов — было высшее образование. Двое учились в аспирантуре. Дипломированные филологи, педагоги и историки за гроши разгружали длинные фуры с книжками — во всём этом присутствовала какая-то злая ирония.

Руководила грузчиками-интеллигентами кладовщица Марьяна. У неё тоже было высшее образование — филологическое — но её маниакальная, гипертрофированная любовь к начальству и работе заставляла подчинённых сомневаться в её умственных способностях.

— Я отрабатываю каждую секундочку своего рабочего времени! — любила повторять Марьяна.

Естественно, что подобные требования она предъявляла и к своим подчинённым.

— Если ты сделал всю свою работу, не надо прятаться от меня и читать в тёмном уголке книжку или отдыхать — для этого есть полчаса обеденного перерыва. Протирай пыль, возьми веник и подмети. Да просто подойди ко мне: на складе для тебя всегда найдётся работа.

Таким образом получалось, что чем быстрее ты выполняешь свою работу, тем больше тебе дадут дополнительной, притом, без каких-либо поощрений или денежных бонусов. От подобной корпоративной этики у подчинённых выработался тот род профессионализма, когда видимость непрекращающегося рабочего процесса призвана скрыть его отсутствие. Быстро выполнять свою работу было попросту глупо.

Как-то Марьяна случайно ошиблась, составляя график на месяц для «менеджеров по складу», и выпустила в один день на работу на человека больше, чем требовалось. В горячке раскаяния она написала донос начальству на саму себя: «Прошу оштрафовать меня на 1000 рублей за то, что...» и т.д. Директор оштрафовал её на пять тысяч. Когда об этом прослышали на складе, смеялись до коликов в животе.

Двухнедельный отпуск Марьяны стал для всего склада настоящим праздником. Заменявшая её Зилия относилась к рабочему процессу так: выполнил работу быстро и качественно — отдыхай. Надо ли говорить, с какой любовью и заботой смотрели на неё сотрудники склада? Склад заработал в несколько раз быстрее и слаженнее. «Менеджеры по погрузке» пели и смеялись, везде царила чистота и порядок. Открытые улыбки, светлые от радости лица... Марьяна вернулась из отпуска на три дня раньше со словами:

— Зачем вообще нужны эти отпуска — мне было так скучно! Уж теперь я вами, мальчики, накомандуюсь вдоволь!

И склад заработал в прежнем режиме. Строгом режиме.

Грошовая зарплата, отсутствие перспектив и нудно-вязкие рабочие часы превращали трудовые будни в один мутный беспробудный кошмар. Чтобы внести в бесцельно пропадающие, размениваемые на нелюбимую работу дни смысл и пользу, Коля старался читать украдкой — пусть за это и штрафовали, если ловили. Вместо закладок, чтобы не «палиться», Коля записывал на специальном, всегда тщательно запрятанном листочке заглавия книг и номера страниц, на которых прерывал чтение.

В этот день, читая Германа Мелвилла, он наткнулся на строки: «Кто из нас не раб, скажите мне? (...) ...я могу утешаться сознанием, что это всё в порядке вещей, что каждому достается примерно одинаково — то есть, конечно, либо в физическом, либо в метафизическом смысле; и, таким образом, один вселенский подзатыльник передаётся от человека к человеку, и каждый в обществе чувствует скорее не локоть, а кулак соседа, чем нам и следует довольствоваться».

«Но нам не следует этим довольствоваться! Если бы мы помогали друг другу и поддерживали друг друга вместо того, чтобы вымещать накопившуюся злость, мир был бы лучше!» — подумал Коля и тут же вспомнил свою утреннюю запись: «Я хочу, мой дорогой читатель, чтобы тебе стало так же плохо, как сейчас мне!»

— Всё это безнадежно! — уныло прошептал он. — Безнадежно. Я хуже всех.

Когда до конца рабочего дня осталось пять минут, «менеджеры по складу», согласно давно установившейся традиции, стали

потихоньку подтягиваться поближе к выходу. Марьяна ругалась и возмущалась, потому что и это время должно было быть потрачено с пользой для склада: можно было протереть пыль, подмести и т.д. Но люди уже чувствовали пьянящий восторг свободы, приближающейся с каждым скачком секундной стрелки на часах, висевших над выходом. Все взгляды были устремлены на эту стрелку. Как только она пересекла границу нового часа, послышался коллективно-сознательный вздох облегчения — казалось, вздохнул сам склад-монстр — и люди, возбуждённо подталкивая друг друга, кинулись в дверной проём.

Переодевшись в раздевалке, Коля устало посмотрел на сумку с рабочей одеждой и решил не брать её с собой. Он затолкнул её под лавку. Ощущение надвигающейся беды нарастало.

Коля вышел на улицу. Он спустился в метро, даже не зная, куда собирается ехать. Какая-то неведомая сила сама направляла его. В измученно-отрешённых, сосредоточенных вовнутрь человеческих лицах он видел своё собственное, такое же.

— О, прикройте ваши лица: ненавижу зеркала! — прошептал он чуть слышно, но ему показалось, что все обернулись посмотреть на него.

Удушливая западня вагона метро давила, вызывая приступы клаустрофобии, и Коля, расталкивая человеческое тесто, пробрался к выходу. Он чувствовал, как силы на сопротивление разверзающейся внутри бездне покидают его. Нечто надвигалось из самых тёмных, страшных глубин. Непоправимое. Ноги сами несли его, словно он потерял управление над собственным сознанием и телом. «Летели качели да без пассажиров, без постороннего усилия, сами по себе». Шаманизм. Демонология. Одержимость. Миры переплелись между собой, проникая друг в друга.

Он и не помнил, как оказался в шумном, туманном от сигаретного дыма зале с кружкой пива в руке. За длинным деревянным столом, кроме Коли, больше никто не сидел, хотя зал был полон людей и все остальные столы были заняты. Никто не садился за стол к Коле. Словно все подсознательно понимали происходящее. Ритуал.

На небольшой сцене выступала пост-панковая группа. Музыка была мрачной и тягучей, пропитанной болезненно-отрешённой психоделией. Коля сидел к сцене спиной, время от времени поворачиваясь, чтобы взглянуть на музыкантов. Он чувствовал себя старым, грязным и бессмысленным. Жизнь потеряла значение. Коля вдруг понял ясно и чётко, что сегодня умрёт. Он не собирался накладывать на себя руки. Но и сопротивляться смерти больше не мог. К нему пришло осознание того, что между

ним и смертью в действительности всегда была только его воля к жизни. Только желание жить. Только любовь к жизни. Только ЛЮБОВЬ.

«Сегодня я умру», — с безразличием подумал Коля. Он знал откуда-то, что, как только встанет из-за стола и выйдет на улицу, ничего уже нельзя будет изменить.

Музыканты доиграли последнюю песню и попрощались с публикой. Их проводило несколько редких хлопков и пьяных возгласов.

Коля допил пиво, поставил пустую кружку на стол. «Вот и всё», — он зажмурился и беспомощно покачал головой.

— Господи, прости меня, — вздохнув, сказал он и собрался подняться из-за стола, но увидел перед собой загораживающего проход взлохмаченного и небритого блондина с двумя кружками пива в руках.

— А ну-ка подвинься, дружище! — воскликнул блондин с нетрезвой бодростью и бесцеремонно пихнул Колю плечом, вынуждая переместиться по деревянной скамейке ближе к стене. Коля не сопротивлялся. Ему было всё равно.

Блондин приземлился на скамейку и со стуком, так, что пена из них подлетела в воздух, грохнул кружками об стол, после чего пододвинул одну из них Коле:

— Это тебе, друг! Уго-щай-ся!

Лицо блондина расцвело в широкой улыбке. Он был сильно пьян.

Коля пожал плечами и взял кружку, пиво в которой всё ещё возбуждённо колыхалось, чуть-чуть переливаясь через края.

— Слушай, дружище, я сидел возле барной стойки, вон там, — блондин потыкал указательным пальцем в сторону стойки и повернулся к Коле. — И рассматривал твоё лицо. Знаешь, что я увидел? Обречённость готового к смерти человека. Ave, Caesar, morituri te salutant.¹ Печать смерти на твоём челе. Скажи, ты что, правда, собрался умереть сегодня?

Коля потрясённо посмотрел на незнакомца. Сказанное было настолько неожиданно, что Коля невольно усмехнулся, нарушая чинную мрачность ритуала.

— Теперь уж и не знаю... — ответил он незнакомцу и выдохнул несколько нервных коротких смешков. — Ты кто — ангел?

Блондин заливисто расхохотался, запрокинув голову назад:

— Я человек!

— Как ты угадал про меня и смерть? — с недоверчивой улыбкой глядя на него, спросил Коля.

¹ Славься, Цезарь, идущие на смерть салютуют тебе (приветствуют тебя).

Блондин осушил богатырским глотком половину кружки и, бросив на стол пачку сигарет, достал из неё одну и закурил.

— Понимаешь, друг, — доверительно начал он, выпустив изо рта и носа струи дыма. — Я работаю в морге, — тут блондин сделал паузу, чтобы снова глубоко затянуться. — Вот, — струи дыма. — И каждый день на работе вижу застывшие навсегда лица мёртвых. Мужчин, женщин, стариков, детей. И у всех это особенное выражение лица, какое было у тебя, пока ты здесь сидел один, — глубокий печальный вздох. — Я научился различать это выражение у живых людей, которым суждено умереть скоро. Печать смерти. Так я, к сожалению, предугадал уход из жизни нескольких моих знакомых. Это ужасное знание. Скажи, почему я увидел эту печать на твоём лице? Ты что, надумал свести счёты с жизнью?

— О нет, я люблю жизнь! — сказал Коля и улыбнулся. С растущим изумлением он почувствовал, что смерть отступает от него. Каждая клетка его существа постепенно преисполнялась невыразимым восторгом, радостью быть живым, счастьем БЫТЬ, эйфорией от осознания своей причастности к чуду жизни. Он ощутил себя заново родившимся. Новорождённым.

Внимательно взглядевшись в своего собеседника, Коля не нашёл в нём ничего сверхъестественного: обычный посетитель рок-бара — лохматый, небритый и пьяный. Общительный и словоохотливый из-за выпитого алкоголя. Но в том, что их встреча состоялась именно сейчас, именно в тот момент, когда она была так жизненно необходима, чувствовалось присутствие высшего providения. В этом у Коли не было ни малейшего сомнения.

«Получается, не только метафизические подзатыльники мы, люди, передаём друг другу! Но и помогаем друг другу, и спасаем друг друга, когда направляет нас Бог! а, значит, мы не безнадёжны», — упоённо думал Коля, и всё веселее становилось ему на душе.

Блондин похлопал его по плечу и сказал заплетающимся голосом:

— Где же эта бестия официантка?! Давай, дружище, закажем водки и хорошенько отметим твоё возвращение в мир живых! Вижу я, вижу, что печать-то исчезла с твоего лица! Светлое у тебя сейчас лицо! Хорошее. Может, это ты — ангел?

Коля рассмеялся и покачал головой:

— И я тоже человек.

— В этом есть своё очарование, — пробормотал, поднимаясь из-за стола, блондин. — Пойду поищу официантку. Ага. Надо ещё выпить. Водки! Точно. Надо выпить водки.

И он ушёл, шатаясь, в направлении барной стойки.

Коля сделал несколько глотков пива, которым угостил его расчёпанный блондин, и закрыл лицо ладонями. Впервые за те несколько месяцев, что он знал себя, ему было хорошо. Так хорошо, что хотелось плакать от счастья. «Господи, Ты помнишь обо мне! Обо мне — жалкой беспомощной пылинке, недостойной и взгляда Твоего! Ты помнишь обо мне! От одной мысли об этом всё существо моё наполняется трепетом и благодарностью, и любовью к Тебе!» Коля чувствовал, как слёзы текут по щекам.

— Можно посидеть немного за вашим столом? А то мест в зале больше нет, а я так устала... — услышал Коля приятный женский голос.

Он убрал руки от лица, чтобы взглянуть на говорившую, и дыхание у него перехватило. Перед ним стояла та самая женщина, что снилась ему каждую ночь. Женщина из его снов.

— Да, конечно, — сказал он, задышавшись от волнения, и плавно вытянул руку в приглашающем жесте.

Женщина села.

— Вы плачете? — удивлённо спросила она.

— Да, — ответил он.

Женщина внимательно взглянула на него, и вдруг её глаза открылись шире.

— Как странно! Мне кажется, что я вас знаю, но откуда?! — её голос чуть дрожал, она медленно качала головой, словно сомневалась в реальности происходящего.

— Я вижу вас в сновидениях каждую ночь, — так тихо произнёс он, что ей пришлось наклониться над столом, чтобы расслышать. — И всегда это зима. Мы стоим на середине дороги. Вас держат двое. Вы кричите моё имя, падая им на руки...

Она испуганно выдохнула, её взгляд был полон смятения:

— Вы сказали, что я кричу ваше имя? Как вас зовут?

— Коля.

— А меня Ира, — сказала она.

Тяжёлые колеса судьбы вернулись в колею Пути. Из тьмы бездорожья.

* * *

Пока ждали лифт, Витя задумчиво разглядывал дородного мужчину в очках и костюме, громко напевавшего мотив Эннио Морриконе из фильма «Профессионал». Мужчина несколько не стеснялся ни гулкого эха, разносившегося по подъезду от его низкого голоса, ни пристального насмешливого взгляда Вити.

— Скажите, Лев, а вы правда доктор? — спросил наконец Витя и язвительно усмехнулся.

Мужчина повернул к нему голову и широко улыбнулся в ответ:
— Правда. У вас что-то болит, Виктор? Вылечим!
— Нет-нет-нет. Вы уж если вылечите, то, наверно, навсегда, — зло рассмеялся Витя.

Мужчина пожал плечами:

— Навсегда — пациента из 66-й. Вы же нам нужны здоровым и полным сил, готовым и дальше трудиться на благо родины!

Подъехал лифт. Они зашли внутрь. Лев нажал на кнопку пятнадцатого этажа.

— Почему принято решение о ликвидации? — спросил Витя, прислонившись к стенке лифта.

Лев удивлённо посмотрел на него из-за стёкол очков:

— Пётр Алексеевич не комментирует свои приказы. Мне казалось, что вы знаете обо всём этом гораздо больше, чем я.

Витя промолчал.

Лифт остановился, створки разъехались в стороны. Мужчины вышли на площадку и встали возле двери с нарисованным мелом номером 66.

— Если он дома, ничего не говорите и не делайте. Мне он доверяет, — сказал Лев, доставая из кармана пиджака ключ. — Я сделаю ему укол, и, уснув, он тихо и безболезненно покинет наш мир.

Лев открыл дверь и зашёл внутрь. Пройдя по квартире и всюду заглянув, он вернулся к стоящему в дверях Вите:

— Пусто. Придётся подождать.

Витя кивнул и тоже зашёл внутрь, закрыв за собой дверь. Он пересёк небольшую комнату, подошёл к окну и выглянул на улицу. С высоты пятнадцатого этажа люди, находившиеся внизу — женщины, гуляющие по тротуарам с колясками, пенсионеры на лавках, детишки, катающиеся на карусели — казались совсем крошечными, хрупкими, трогательно беззащитными. Дворик был залит солнечным светом. «И во всём этом великолепии мне нет места», — грустно подумал Витя. За последние несколько дней вся его жизнь, всё, что он так тщательно выстраивал, продумывал и планировал, развалилось на части, словно картонный домик от неуклюжего прикосновения. Ира собиралась уйти. И Витя понял, окончательно понял, что она никогда не полюбит его, чтобы он не делал с ней или для неё. А без неё всё остальное не имело никакого значения и смысла.

Витя вынул из кобуры пистолет, чтобы ощутить его вес в руке. Погладив его поверхность пальцами и усмехнувшись, Витя вернул оружие обратно в кобуру. С кухни доносился бас доктора, напевавшего всё тот же мотив.

Когда в двери послышались повороты ключа, а из-за неё донесли два голоса — мужской и женский — Витя и Лев вскочили с дивана, на котором сидели молча уже больше часа, и посмотрели друг на друга. Они не ожидали, что жилец квартиры №66 может прийти не один.

Дверь открылась, и в квартиру зашли Коля и Ира. Замерев в коридоре, они с изумлением посмотрели на стоящих напротив мужчин.

Витя почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось.

— Здравствуй, Колюня! — с улыбкой воскликнул доктор.

— Добрый день, Лев Аркадьевич, — улыбнулся в ответ Коля, бросив на Витю мимолётный взгляд. — Знакомьтесь, это Ира, — он указал на неё рукой. — А это тот самый доктор, о котором я тебе рассказывал — Лев Аркадьевич, — и он показал на доктора, неспешно достающего из открытого на диване дипломата заранее приготовленный шприц.

— А у меня хорошие новости! — бодро пробасил доктор, сбрызнув из шприца немного жидкости. — Доставили на днях отличный препарат из Германии. Сейчас, Колюня, сделаем тебе укольчик, и курс лечения можно считать пройдённым: больше никаких уколов, никакой головной боли!

— Витя, что здесь происходит? — спросила Ира, пристально глядя Вите прямо в глаза.

— Убийство, — спокойно ответил он, обречённо вздохнул, достал пистолет и ткнул им в спину доктору. — Дай сюда шприц, Лев Аркадьевич.

Доктор дёрнулся всем своим тучным телом, словно его ударило током, и медленно вытянул руку со шприцом вверх:

— Мне кажется, Виктор, что вы не совсем отдаёте себе отчёт в своих действиях.

— Мне тоже так кажется, — прошептал Витя, забирая шприц из руки доктора. — Сейчас, Лев Аркадьевич, я сделаю тебе укол твоего немецкого препарата и ты, уснув, тихо и безболезненно покинешь наш мир.

— Я не верю, что вы можете совершить подобную глупость, — дрогнувшим голосом произнёс Лев Аркадьевич и нервно рассмеялся.

* * *

Пока Витя рассказывал мертвенно-ровным, лишённым эмоций голосом, голосом человека, уже попрощавшегося с жизнью и приготовившегося к смерти — Ave, Caesar, morituri te salutant — Ира и Коля потрясённо смотрели на него, замерев около окна и

взявшись за руки. Витя не стал ничего утаивать: с неожиданной остротой и болью он понял, как важно именно сейчас, в эти последние отсчитанные ему мгновения, не покривить душой, не солгать ни в чём, не прятаться от совершённого зла, не оправдывать себя, не изворачиваться. Он не ощущал угрызений совести, не страдал от жгучего раскаяния: внутри у него было темно и пусто, словно душа уже покинула тело. Но он просто «знал», что «должен» обнажить чудовищную неприглядную правду.

На диване, прикрытое простынёй, медленно остывало тело доктора Льва Аркадьевича.

* * *

Солнечный день окутал их ласковым безбрежным теплом, когда они вышли из подъезда и направились к стоящей неподалёку машине. В бездвижности изумрудной листвы, отбрасывающей замысловатые тени, в том, каким безмятежно голубым и чистым было небо, в воздухе, звенящем от детского смеха — во всём была разлита мягкая умиротворённость лета.

Ира и Коля шли впереди, так и не разомкнув ласкающих друг друга, переплетённых пальцев. Витя шёл следом, держа правую руку за пиджаком, там, где была кобура.

Подойдя к машине, Ира и Коля повернулись. Ира вдруг испуганно вскрикнула.

Витя остановился, не оборачиваясь. Осторожным, плавным движением руки, почти незаметным со спины, он освободил пистолет из кобуры, снял его с предохранителя, и положил указательный палец на курок.

— А ну стоять! Не двигаться! Стреляю на поражение! — раздался хриплый старческий возглас, тут же захлебнувшийся в кашле.

Витя резко повернулся, и два выстрела прозвучали одновременно.

— Простыть летом — какое адское невезение, — прошептал Пётр Алексеевич и упал замертво. На его губах застыла горькая кривая усмешка.

Витя выронил пистолет, с лязгом клацнувший об асфальт, и опустился на колени. Он жалко посмотрел на Иру и сказал:

— Прости, прости меня, пожалуйста!..

Она не успела подхватить его: он упал на бок, издал тихий стон и медленно сомкнул веки.

Во тьме

Рассказ

В этом районе города время остановилось где-то в беспросветных девяностых. У аборигенов были красные похмельные рожи, злые угрюмые взгляды исподлобья, бритые затылки, тренировочные штаны, заправленные в носки, потёртые кожаные куртки, сигареты в гнилых зубах, «Жигулёвское» в синих от наколок руках. Алкаши, наркоманы, шлюхи, бомжи, своры бродячих псов. На рынке до сих пор торговали аудиокассетами. Заводы, склады, автомойки. Грязь. Чёрная, жирная, всепроникающая грязь, разлитая по улицам, словно густой суп безнадеги по треснувшим тарелкам бытия.

На скамейке внутри автобусной остановки лежал, источая в позднюю осень едкое зловоние, доходяга-оборванец неопределённого возраста. Изношенный, словно вещь. С мутным потухшим взглядом. Ни удивления, ни интереса не мелькнуло в его пустых недвижных глазах, когда у обочины рядом с остановкой притормозил чёрный лимузин. Задняя дверь лимузина открылась, и на асфальт, хлопнув «всепогодной», приземлилась нога в чёрной блестящей туфле с острым носком. Через мгновение мужчина появился из недр лимузина целиком. Чёрное кашемировое пальто, дорогой костюм. Средней длины волосы не без помощи геля зачёсаны назад на американский манер. Гладко выбрит. Холодные внимательные глаза. Пришелец из другого мира.

— Подожди здесь, — коротко бросил пришелец в глубь лимузина и закрыл дверь.

Оглядевшись вокруг, он глубоко и обречённо вздохнул. Достал из кармана сигареты, закурил. Клубы белого рваного дыма полетели вверх, к туманному, наглухо затянутому облаками небу.

— Братан, угости сигой, — просипел с лавки доходяга, но не был удостоен даже взглядом.

Пришелец неспешно двинулся по асфальтированной дороге в сторону бесчисленных складских помещений, лабиринты которых местные жители окрестили «Город-Склад», с босяцким юморком спародировав название района дорогих частных домов — «Город-Сад». Под ногами жадно чавкала грязь. Пришелец старательно обходил лужи. В его глазах, когда он смотрел по сторонам, мелькали, стремительно сменяя друг друга, тончайшие оттенки отвращения, жалости, презрения и печали.

Дорога вела вниз. Справа тянулся нескончаемый серый забор, отгораживающий стройку, слева — череда обшарпанных пятиэтажных зданий, покрытых по бокам похожей на дерьмо коричневой массой с торчащими из неё обломками граммофонных пластинок. В маленьких двориках ютились скособоленные самодельные столики и лавки. Пришелец обратил внимание на покрытый копотью остов сгоревшего автомобиля в одном из дворов. В раму задней двери — единственной сохранившейся из четырёх дверей — кто-то вставил картонку с кроваво-красной надписью: «!АД». В другом дворе пришелец заметил три открытых канализационных люка, из чернеющих провалов которых валил, развеваясь на ветру, белёсый пар. Пришелец поёжился.

Единственным человеком, которого он увидел по дороге, была косматая старуха, принимающая стеклотару. Старуха сидела в окружении ящиков с пустыми бутылками и говорила вслух сама с собой. Её безумный взгляд, хаотично блуждающий где-то за пределами реальности, вдруг упёрся в пришельца, и она расхохоталась.

Пришелец останавливаться не стал. Он шёл не оборачиваясь. Вскоре сигарета в его руке и асфальт под ногами закончились. Пришелец стрельнул окурком при помощи указательного и большого пальцев куда-то в сторону и шагнул в густую мерзкую жижу. Утопая в грязи, он пересёк небольшой пролесок, несколько рядов гаражей и снова вышел на асфальтированную дорогу. В гаражах на него напали собаки, но он что-то чуть слышно шепнул им, и они бросились врассыпную, поджав хвосты и скуля от ужаса.

Дорога привела пришельца к складу стройматериалов. Около стены, сидя на корточках, курили три грузчика в синих телогрейках.

— ...и кореша своего забили насмерть. Вытащили у него деньги и купили ещё синего, — услышал пришелец обрывок рассказа одного из грузчиков. — На допросе они сказали, что взяли у убитого товарища пять тысяч рублей. Оказалось, что соврали. Один из них потом признался, что у корефана ихнего было только семьсот рублей. Им было стыдно, что они друга порешили из-за такой суммы...

— С такими друзьями и враги не нужны, — хрипло изрёк второй грузчик.

— По синьке и не такое с людьми случается, — возразил третий.

В этот момент они заметили пришельца и прервали неторопливо протекавшую в реальность беседу, с неодобрением уставившись на незнакомца.

Пришелец, не глядя на них, зашёл на склад. В коридоре он столкнулся со щуплым сутулым человечком, выходящим оттуда на улицу. Человечек был одет в поношенный свитер со странными чудными узорами, которые, казалось, находились в постоянном движении, складываясь в непонятные картинки и снова распадаясь. Человечек был гладко выбрит и почти полностью лыс: жалкие клочки волос остались только по бокам туго обтянутого кожей черепа. Умные, пронизательные глаза таили пугающую глубину.

На миг взгляды пришельца и человечка скрестились. Свет мигнул в коридоре, слегка потускнев: перегорела одна из лампочек.

Человечек вышел на улицу и остановился. Его глаза округлились и обратились куда-то вовнутрь.

— Смотри, братва, кладовщик-то, кажись, обосрался, вон глазница какие вылупил, — сказал один из грузчиков так, чтоб слышали только сидящие рядом. Раздался дружный хохот.

— Это он от важности... от важности обосрался, — добавил хриплым шёпотом сквозь смех другой грузчик, и хохот стал ещё громче.

Пришелец медленно шёл по длинному узкому коридору с облупившейся зелёной краской. Дойдя до маленькой комнатки, где переодевались, отдыхали и нередко выпивали грузчики, пришелец толкнул дверь и шагнул внутрь. На табурете, прислонившись спиной к стене и закрыв глаза, сидел молодой парень в наушниках и монотонно бубнил:

— My name is Vitalyi. I am twenty five years old. I live in...¹

— Deep shit², — сняв с парня наушники, закончил фразу пришелец.

Парень без удивления посмотрел на незнакомца и спросил глухим усталым голосом:

— Ты пришёл забрать меня отсюда?

Пришелец усмехнулся:

— If you wish, Виталя! If you wish³... Что это ты, кстати, не куришь с коллегами?

Виталя покачал головой, опустив глаза:

— Бросил курить.

¹ Меня зовут Виталий. Мне двадцать пять лет. Я живу в...

² Полном дерьме.

³ Если ты хочешь, Виталя! Если ты хочешь...

Пришелец засмеялся:

— И решил заняться английским, да? Не любят тебя теперь коллеги, наверно, да?

— Да пошли они! Не нужна мне их любовь. Не видать бы их мерзких рыл.

— Всё не теряешь надежды, да, Виталя? — смеялся пришелец, глядя на парня холодными изучающими глазами. — Надежды когда-нибудь выбраться отсюда?

— Любой ценой! — простонал Виталя, закрыв лицо руками. — Любой ценой!

— Любой ценой... — прохрипел пришелец.

Когда Виталя убрал руки от лица, оказалось, что перед ним стоит кладовщик и трясёт его за плечи.

— Виталик! Вылезай из шкафа! Фура пришла.

Виталя огляделся и понял, что он полулежит-полусидит в шкафу, на чьей-то обуви. Он с трудом встал на ноги. Его трясло.

Кладовщик посмотрел строго и спросил:

— Да что с тобой, парень, ты выпил что ли?

— Я не пью, Сергей Иванович. Ты же знаешь.

Сергей Иванович потрогал лоб парня и воскликнул:

— Да ты весь горишь! У тебя жар. Иди-ка ты домой!

Виталя всмотрелся в живые узоры, вышитые на свитере кладовщика, и, сняв с вешалки телогрейку, безразлично произнёс:

— Я пошёл разгружать. Клёвый у тебя свитер, Сергей Иванович.

— Виталик, я же тебя отпустил! Иди домой, немедленно...

— Я пошёл разгружать!! — заорал, задыхаясь, Виталя и, шатаясь, вышел из комнатки.

* * *

К лимузину пришелец возвращался той же дорогой. С неба крупными хлопьями сыпался снег.

Старуха, принимающая пустые бутылки, по-прежнему сидела в окружении ящиков, но теперь держала в руке раскрытый зонт. Ветер задувал охапки снега ей в лицо и за шиворот.

Мимо пришельца пробежала, громко и радостно крича, маленькая девочка в красном пуховичке.

— Анюта, а ну прекрати бегать — упадёшь и извачкаешься! — проорала вдогонку женщина лет тридцати с лицом, густо замазанным косметикой. На пришельца женщина взглянула с насмешливым недоумением.

— Ой! — Анюта неожиданно села в лужу, поскользнувшись в грязи.

Пришелец обернулся, замедлив шаг.

— Ну, конечно, куда ж без этого! — раздражённо воскликнула женщина и подскочила к ребёнку, бормоча ругательства вперемишку с утешениями. Когда женщина наклонилась, куртка её немного задралась и обнажила вытатуированную на поясище ящерицу.

Анюта из-за спины матери во все глаза смотрела на пришельца.

— Ты ангел? — спросила она.

— Только если падший! — вдруг хрипло гаркнула старуха.

Пришелец обхватил голову руками и бросился прочь почти бегом.

Добравшись до лимузина, он открыл дверцу, но так и застыл, опустив лоб на холодную поверхность крыши машины. Глаза пришельца были закрыты, веки дрожали. Из салона лимузина струился свет и тепло. Тихо играла классическая музыка.

— Это ад! — зло и устало прошептал пришелец. — Ад! Ад! Ад! Ад!

Он тяжело дышал. Лицо его дергалось. Он долго стоял так. Потом он открыл глаза и с ненавистью посмотрел вверх, но из-за падающего снега не смог разглядеть неба.

На лавке мучительным лихорадочным сном спал всё тот же доходяга-оборвыш. Пришелец подошёл, снял своё дорогое пальто и накрыл им оборванца. Пальто было густо заляпано грязью. Пришелец вернулся к лимузину и скрылся внутри. Хлопнула дверь, и лимузин тут же поехал, разбрызгивая колёсами грязь.

* * *

Домой шли уже в темноте. На перекрёстке, где их дороги расходились в разные стороны, остановились. Перекрёсток был освещён единственным на всю улицу работающим фонарём. В тусклом свете фонаря и снеговых воронках глаза Сергея Ивановича казались чёрными.

— Возьми больничный, Виталя. Ты простужен.

— Какой больничный, Иваныч? Я ж официально не устроен, ты забыл что ли? Кто мне его оплатит-то — больничный?

— Всех денег не заработать, Виталик. А здоровье дороже денег. Отдохни несколько дней.

Виталя покачал головой:

— Да дело и не в деньгах даже. Я должен двигаться. Движение — моё последнее убежище. Если я остановлюсь — мне хана. Тогда я и правда заболею всерьёз. И умру.

Сергей Иванович вздохнул и промолчал.

— Иваныч, ты лучше скажи: помнишь историю про мужика, который на вокзале нашёл чемодан с деньгами? — Виталя с ки-

слоёй улыбкой посмотрел на кладовщика. — Там какая-то немислимая сумма в еврах была и документы, помнишь?

Сергей Иванович пристально взглянул на Виталю, но ничего не ответил.

— Так вот, этот мужик вернул чемодан хозяину, — продолжил Виталья, — чемодан с деньгами, которые обеспечили бы его до конца жизни. Идиот! Я придушил бы его голыми руками! Знаешь, как его поблагодарил хозяин чемодана? Дал четыре тысячи рублей. А знаешь, какую громадную премию выписали нашему герою на работе?! Тысячу рублей. Вот так. Ну, почему не я, не я нашёл этот чёртов чемодан с деньгами?

— Может, потому что Господь тебя любит? — прошептал кладовщик и усмехнулся. Он похлопал Виталю по плечу и пошёл, прихрамывая, по уводящей влево дороге. Через несколько мгновений он растворился во тьме.

Виталья остался один на перекрёстке в свете тусклого фонаря.

Свеча

Рассказ

Итак, окно было закрыто и смотрело куда-то вовне, вовне гаражей, зимних дорог и белых пасмурных дней. И если бы кто-то с той стороны стекла зажёл свечу, она оказалась бы тоже вовне, то есть перестала бы существовать как нечто реальное и вещественное, стала бы частью символа.

С этой же стороны стекла всё казалось более простым и понятным. Маленькая кухня была озарена светом электрической лампочки, закованной в доспехи абажура. С абажура на нитке спускалась деревянная птичка, которая немного раскачивалась и отбрасывала на стены причудливые тени. Стены были одеты в не первой свежести обои, кое-где отходившие, в некоторых местах с жирными разводами от подтёков, прокопчённые над старенькой газовой плитой. К плите прислонилось грязное мусорное ведро, источавшее ядовитые ароматы. А над ведром возвышалась скособоленная раковина в стадии клинической смерти от передозировки грязной посуды.

За столом сидел мужчина средних лет и сквозь клубы табачного дыма привычно не замечал царившего на кухне безобразия. Всё его внимание было сосредоточено на странной записке, утром обнаруженной в холодильнике. Мужчина задумчиво мял пальцами ничем не пахнувший лист бумаги, снова и снова вчитываясь в нелепицу анонимного послания. Вот что в послании том было: «Дорогой Иван Дмитриевич! Жду вас сегодня вечером по адресу: улица Мира, дом №161а, квартира №8. Уверена, что вы придёте. Та, что всегда рядом».

Упомянутый в записке Иван Дмитриевич зевнул и лениво поскрёб пятернёй оккупировавшую лицо трёхдневную щетину, которая являлась прямым следствием командировки жены к родственникам в Тулу и весьма логичного в таких обстоятельст-

вах загула с любовницей и друзьями. «Съездить что ли на всякий случай?» — подумал Иван Дмитриевич, поднимаясь из-за стола и прохаживаясь туда и обратно с дымящейся сигаретой в руке по своей маленькой грязной кухне.

За прошедшее после обнаружения записки время Иван Дмитриевич успел смоделировать множество всевозможных вариантов: от дурацкого розыгрыша друзей до шантажа и намеренного выманивания из дома в целях квартирной кражи, не дай бог членовредительства, а то и смертоубийства. Но почему именно в холодильнике была найдена записка? «Значит, друзья куражатся», — веско подумал Иван Дмитриевич, но тут же добавил про себя, что возможен и другой вариант. «Да ведь я вчера нажрался, как свинья! Могли принести вечером, а я уж и не помню. Взял, небось, машинально и пошёл доставать бутылку из холодильника. Или колбасу какую-нибудь, сыр... да мало ли что! А записку так и оставил в холодильнике, не читая».

Дойдя в очередной раз до окна, Иван Дмитриевич остановился, прищурившись глядя на улицу.

За окном, в нескольких шагах от дома, то и дело поворачивая голову в разные стороны и явно что-то высматривая, стоял человек. Шапка была сдвинута на глаза, руки спрятались в карманах чёрного пальто, фалды которого ритмично развевались.

Иван Дмитриевич несколько секунд пристально смотрел на человека, затем затушил сигарету и пошёл одеваться.

На улице его встретил противный февральский морозец и отвратительный ледяной ветер, вытрясавший из груди дыхание. Иван Дмитриевич сел на автобус и благополучно доехал до остановки, где должен был пересест на троллейбус.

Троллейбуса довольно долго не было, поэтому, когда он всё-таки появился, Иван Дмитриевич облегчённо похлопал замёрзшими в перчатках руками и поспешил к спасительному транспорту.

При посадке произошла небольшая заминка, состоящая в том, что Иван Дмитриевич направился было к первой двери, но, увидев заслонившего проход бугая в грязной куртке, мгновенно изменил своё решение и забрался внутрь через двери средние (в последующие минуты он не раз тихо благодарил себя за проявленное благоразумие).

Пропустив вперёд кондуктора, Иван Дмитриевич сел на свободное место и, сняв перчатки, принялся дышать на красные шелушащиеся руки. Ехать предстояло где-то около десяти остановок, и Иван Дмитриевич собрался было заскучать, но его внимание привлекли события, которые стали разворачиваться в передней части троллейбуса.

Кондуктор, усатый мужчина с помятым лицом и усталыми собачьими глазами, подошёл к бугаю, немного помялся и нерешительно выдавил из себя:

— Парень, не отвлекай водителя во время движения, сядь.

Детина медленно повернул голову, посмотрел сквозь кондуктора красными остекленевшими глазами и коротко бросил:

— Исчезни.

После этого повернулся обратно и снова стал что-то говорить водителю (водителем была женщина).

Кондуктор заметно растерялся, потянул парня за плечо и промямлил:

— Молодой человек, уgomонитесь и оставьте водителя в покое.

Бугай повернулся всем туловищем на сто восемьдесят градусов и, оттопырив нижнюю губу, выпученными глазами уставился на кондуктора. Лицо бугая было искажено брезгливым раздражением, интонация стала протяжной и вкрадчивой. Вальяжно оттолкнув кондуктора рукой, бугай зловеще протянул:

— Ты чё, не понял? Пошёл вон! Иди работай.

Кондуктор вздрогнул, как от пощечины, и огляделся по сторонам в поисках поддержки, но все пассажиры упорно смотрели в окна, словно не замечая происходящего. На несколько секунд кондуктор застыл в недоумении, затем развернулся и, опустив голову, ретировался в заднюю часть троллейбуса.

Детина вернулся к прерванному разговору с водителем. Он увлечённо размахивал по кругу одной рукой и дёргал головой, словно у него был нервный тик. Он был сильно пьян.

Прошло несколько напряжённых минут. В троллейбусе по-прежнему царил полное молчание. Бугай внезапно развернулся и направился в сторону средних дверей, преодолевая штормовую качку своего массивного тела.

Иван Дмитриевич съезжился от страха и вжался в сиденье, лихорадочно изучая глазами свои руки. «Только не меня», — тоскливо подумал он, всем своим видом стараясь показать, что его в этом троллейбусе нет.

Бугай остановился возле средних дверей и, держась за поручень, позвал кондуктора:

— Слышь, ты! Как тебя там? Иди сюда.

Кондуктор обречённо подошёл. Его колотило от страха.

— Те чё от меня надо? Чё хотел?

— Мужчина, я вижу, вы пьяны! — фальцетом закричал кондуктор. — Покиньте троллейбус!

Бугай с презрением хмыкнул:

— Чё ты видишь? Чё ты вообще видел? Ты ни-че-го не видел! Ты видел детей мёртвых? Видел?!

«Из армии», — с ужасом подумал Иван Дмитриевич.

Кондуктор молчал и смотрел в пол.

Троллейбус остановился, открылись двери. На фоне белизны снега мрачно чернел остов остановки.

Бугай кивнул головой в сторону дверей:

— Ну чё, вместе выйдем?

Кондуктор, совсем растерявшись, сделал шаг назад и произнёс, почти плача:

— Я на работе! Оставьте меня в покое.

Детина махнул рукой и собрался выйти, но передумал и снова направился к водителю. Двери закрылись, и троллейбус поехал дальше.

«Когда же это закончится?» — с отчаянием подумал Иван Дмитриевич.

Детина наклонился к окошку в дверце водителя и, указывая рукой, громко сказал:

— Слышь, останови вон там, на перекрёстке. Вон, видишь, мой дом стоит.

Через несколько мучительных для всех пассажиров секунд троллейбус остановился и выпустил мерзавца в февральский холод. Женщина-водитель проорала ему вдогонку несколько нецензурных слов и закрыла двери. Послышался всеобщий вздох облегчения.

Две женщины преклонного возраста, до того никак не проявлявшие своего присутствия, начали громко обсуждать произошедшее. В их голосах явно слышалось осуждение и гнев. Вскоре к их разговору подключился и осмелевший кондуктор:

— Да драть таких надо! Просто драть до крови!

Иван Дмитриевич со свистом выдохнул и расслабился.

Общественный порядок был восстановлен и более уже ничем не нарушался.

Иван Дмитриевич сошёл на остановке возле пересечения двух улиц, недовольно поморщился от хлеставшего щеки ветра и внимательно прочитал табличку, висевшую на углу дома: «ул. Мира 157».

Унылый зимний вечер сумрачно расползлся вокруг, наполняя душу тоской и безысходностью. В подворотнях стонал ветер. Холодно блестели ненавистные сугробы.

Иван Дмитриевич дошёл до дома под номером 161. Затем до дома под номером 163. Естественно, дома под номером 161а между ними не оказалось.

«В дворах», — вздохнул Иван Дмитриевич и поплёлся в дворы. Обойдя ещё несколько домов, он дома под номером 161а так и не обнаружил. Но из чистого упрямства решил продолжить поиски.

Около одного из подъездов стоял человек с собакой. Собака, злобно глядя на приближающегося Ивана Дмитриевича, зловеще рычала.

— Извините, вы не знаете, где здесь дом 161а по улице Мира? — с опаской глядя на рычащего пса, спросил Иван Дмитриевич.

Человек тупо посмотрел на незнакомца и, отвернувшись, согнулся пополам и смачно сблевал, покачиваясь в разные стороны.

— П-п-понятно, — поспешно пробормотал Иван Дмитриевич и засеменил прочь.

Осмотр ещё двух домов необходимого результата тоже не принёс.

Иван Дмитриевич в недоумении остановился и развёл руками, но, увидев молодую женщину, идущую с сумками к подъезду, подбежал к ней и выпалил скороговоркой:

— Извините, пжлста, вы не знаете, где 161а?

Женщина равнодушно пожала плечами и указала на чернеющий вдали девятиэтажный дом:

— Наверно, за тем домом. Там частный сектор начинается. Здесь таких домов точно нет.

— Угу, спасибо, — кивнул головой Иван Дмитриевич, а про себя подумал: «В частном секторе — какая глупость!» Но ноги уже несли его в указанном направлении.

Частный сектор представлял собой странную несурязицу несоответствий. Рядом с неказистыми убогими лачугами располагались огромные роскошные дворцы с высокими оградами и злыми собаками. На перекрёстках, словно сказочные пни, торчали колонки, откуда можно было набрать воды. Два магазина, встреченные Иваном Дмитриевичем по дороге, не работали и вид имели самый захудалый.

Иван Дмитриевич блуждал по частному сектору уже около пятнадцати минут, несколько раз сворачивал по наитию и, кажется, заблудился.

Совсем стемнело и стало ещё холоднее. Ветер в частном секторе разгонялся до свиста в ушах. Иван Дмитриевич начал потихоньку замерзать и впадать в отчаяние. О доме номер 161а он уже и не думал: лишь бы побыстрее выбраться из этой чёртовой деревни посреди мегаполиса.

Но сделать это оказалось сложнее, чем Иван Дмитриевич себе представлял. Темнота, совершенно похожие друг на друга

перекрёстки с колонками, постоянное соседство драной нищеты и кичливого достатка — всё это стало слипаться в одну большую сплошную массу, отчего стучало в висках и подгибались колени. Ни людей, ни машин Иван Дмитриевич ни разу не видел: спросить дорогу было не у кого.

Уже потеряв счёт времени, он неожиданно вышел на железнодорожные пути, протянувшиеся в тёмные дали в два направления.

«Да где же я, черт возьми?!» — злобно подумал Иван Дмитриевич, перешагивая стальные ряды рельс.

Последний путь — за ним уже слышались человеческие голоса, по всей видимости, детские — преграждал длиннющий товарный состав, исписанный непонятными химическими формулами и названиями. Иван Дмитриевич попробовал было обойти, но вагонам конца и края не было. Оставалось одно: лезть между вагонами.

«Если состав тронется, пока буду перелезать, мне П...Ц!» — пронеслось у Ивана Дмитриевича в голове.

— Или сразу убьёт или отрежет что-нибудь, — уже вслух рассуждал он, перелезая на другую сторону.

Перебравшись, Иван Дмитриевич отряхнулся и машинально посмотрел назад.

В тот же миг одним размашистым рывком состав поехал, как ни в чём не бывало аккомпанируя завываниям ветра мерным перестуком.

«Раздавило бы. Как таракана!» — подумал Иван Дмитриевич и закурил.

Из-за обшарпанного одноэтажного здания отчётливо доносились детские голоса, заглушаемые время от времени взрывами писклявого и хамоватого смеха.

Иван Дмитриевич двинулся на звук по узкому проходу между зданием и соседним строением, похожим на сарай. Вышел он на небольшой пятачок, окружённый с трёх сторон гаражами, а с четвертой подпираемый крыльцом здания.

На крыльце стояла кучка грязных малолетних оборванцев и что-то весело обсуждала. При появлении Ивана Дмитриевича они замолчали и с повышенным вниманием уставились на него.

«Черт! Да это же беспризорники», — подумал Иван Дмитриевич. — «А время-то позднее, темно уже, да и нахожусь я не поймёшь где...»

— Эй, дядя, — прервал его размышления самый наглый обывыш. — Давай дружить, а?

Иван Дмитриевич отвернулся и зашагал по прямой к гаражам. Беспризорники смеялись.

— Да нет же, нет! Ты не туда идёшь. Там нет прохода, — кричал оборванец и указал рукой куда-то влево. — Вот сюда иди. Через гаражи выйдешь прямо к дороге.

— Спасибо, — буркнул Иван Дмитриевич и поспешил удалиться через указанный проход.

Гаражи казались бесконечными. Ряд за рядом тянулись они во всех направлениях, вызывая раздражение и тошноту. Гаражи, гаражи, гаражи...

«Попал из одного лабиринта в другой», — устало подумал Иван Дмитриевич, сдерживая приступы внезапно объявившейся икоты.

Так, икая и покачиваясь от усталости, он и вышел на пустынную, тёмную дорогу. Ни людей, ни машин... Лишь в некотором отдалении насмешливо сверкает окнами шестнадцатиэтажная «свечка», дразнящая продрогшего путешественника теплом и уютom своих внутренностей.

Иван Дмитриевич подошёл ближе и разглядел перекошенную табличку, приделанную к углу дома.

«Улица Мира 161а», — прочитал он, не веря своим глазам, и грубо, нецензурно выругался, словно выплёвывая слова липкими комками откуда-то изнутри.

Мороз крепчал, всё ярче сверкали ненавистные сугробы, и ветер со свистом гулял по улице Мира. А сам МИР, огромный, чёрный, ночной держал маленькую фигурку Ивана Дмитриевича на ладонях, дышал в его покрасневшее лицо холодом, смеялся.

Иван Дмитриевич суетливо поёжился и поплотнее стянул шарф на шею, пытаясь закрыть горло от холодного, пронизывающего ветра.

Из окна напротив, то и дело нервно затягиваясь и страхивая пепел с догоравшей сигареты, за ним напряжённо следил человек в грязной домашней майке.

На подоконнике, рождая в маленькой кухне причудливые тени, мерно горела свеча. С той стороны реальности.

Страх

Рассказ

— Я боюсь, ты боишься, мы боимся, он, она, оно боится... — говаривал Куэйд. — Ни одно живое существо не может избежать ощущения страха, от которого сердце замирает.

Клайв Баркер «Страх»

1

Япроснулся как раз в тот момент, когда кошмарный сон и кошмарное похмелье достигли кульминации, а визгливые голоса в голове и проклятые вороны запели в унисон. Природа!

Оглянись вокруг: серые гаражи, серый забор, серый дом; за гаражами — шоссе: едут по своим делам машины; за забором — стройка: машины строят что-то такое, хрен знает какое; в доме машины стирают, поют, греют воду, готовят пищу, читают газеты, курят...

Да, что-то я сегодня не в духе...

Боже! А где я? А...

Воспоминания поползли в большую голову, словно тараканы к хлебным крошкам (уж извините за сравнение): вот он я, такой весёлый и пьяный, шагаю в большой, такой весёлой и пьяной компании, непонятно куда и зачем... провал! Вот я еду в электричке (какого чёрта!) и непослушными пальцами пытаюсь изобразить, что я умею играть на гитаре... провал! Вот чей-то кулак несётся навстречу моей хмельной улыбке... провал! Вот я сворачиваю за дом, вижу гаражи, я хочу спать, хочу спрятаться... серый забор... провал! окончательный и бесповоротный! Великолепный!

Где я?

Не без мучения сложив осколки вчерашних воспоминаний, я смутно понимаю, что в этот раз пьянка забросила меня куда-то далеко. Например, в другой город. Вот те раз.

Осознав эту новую мысль, я глупо улыбнулся и...

Ну да ладно. О том, что было дальше, я целомудренно промолчу. Скажу лишь, что меня сильно тошнило.

2

Во дела! Во дела! Ключи, деньги — всё на месте! Как говорится, усы и шпага — всё при нём. И похмелье. Но с похмельем я разберусь, разделаюсь с ним, как только найду какой-нибудь магазин.

Во дела! И сумка моя в грязи валяется.

В этой сумке, помимо аккуратно заначенной пачки сигарет, лишь одна ценная вещь — истрёпанная записная книжка, куда я время от времени записываю свои великие (шучу!) мысли. Там же располагается и незаконченный рассказ, посвящённый проблеме страха. Я начал писать его ещё в школе, но, попав в стремительный водоворот студенческой жизни, как-то сугубо наплевал на него и отложил до лучших времён.

И вот теперь, перебросив сумку через плечо на манер почтальона, я медленно шагаю по улицам незнакомого города в поисках магазина. Люди смотрят на меня неодобрительно, с презрением, сторонятся, выбирают дорогу так, чтоб пройти как можно дальше от меня. Принимают за антисоциальный элемент. Может быть, даже за бомжа.

Что вы, милые! Я ещё позавчера засыпал в мягкой постели у себя дома, выкурив традиционную сигарету перед сном, сытый и довольный. Полтора дня на улице сделают любого из вас фантомом в городе. В городе каждый сам за себя. Каждый против другого каждого. Нельзя проявлять слабость.

— Извините, а как город называется?

— Идинах!

— Так и называется?

Нет ответа.

— Извините, а вы не скажете...

— Идинах!

Удивительное ИДИНАДУШИЕ!

— Извините...

— Идинах!

— Спасибо.

— Тебе чё, по репе дать?!

Стремительно ретируюсь. «Репа» ещё болит вчерашними подаяниями.

Думаю, стоит отложить пока вопрос о названии города. Спрошу об этом в магазине: вид денег обычно успокаивает и располагает.

N-й глоток пенистого напитка приводит меня в благодушное настроение. Полторашка пива, в народе именуемая «соской», уже бьётся в предсмертной агонии.

Не знаю почему, но мне не нравится слово «соска», когда оно употребляется в таком значении. Не нравится также, когда говорят «сосаться». По-моему, от подобного оборота отдаёт сырым запахом школьных туалетов. Притом, я ведь не ханжа: я ругаюсь матом с большим удовольствием! До сапожника мне, конечно, далеко, но на пьяного интеллигента вполне потяну. Ведь мат, друзья, делает вашу речь более разнообразной и красочной, если у вас большой словарный запас. И наоборот, если у вас этот запас маленький.

Между тем, я добываю пиво, закуриваю и достаю из сумки записную книжку с моими великими (да шучу, шучу!) мыслями и недописанным рассказом. Как я уже упоминал ранее, рассказ этот был задуман давно, но сюжет окончательно сформировался в моей голове, как это не парадоксально, именно сегодня. Как не вовремя! Но ведь искусство требует жертв, не так ли? Требует жертв, требует жертв... Ещё один напыщенный штамп, набивший оскомину. Тем не менее. Называется рассказ «Страх», и в нём идёт речь о больном человеке, который страдает манией преследования. Его постоянно мучают разнообразные страхи. Его пугают крики ворон, ему снятся кошмары и наяву мерещатся беспощадные враги, идущие за ним по пятам. У него есть жена, любовница, работа (он журналист), друзья, гитара, трубка и даже роман Достоевского «Братья Карамазовы». Он не любит город, но живёт в нём постоянно. Не любит кофе, но пьёт его каждое утро, пока... не убегает из дома, бросив жену, любовницу, работу, друзей, гитару, трубку и даже роман Достоевского «Братья Карамазовы». Дома ему оставаться нельзя, потому что они уже идут, чтобы схватить его. Теперь он в бегах, вне закона и вне себя от страха и злобы.

Начало рассказа я переписываю заново, адаптируя к новым сюжетным конструкциям, навеянными сегодняшним днем. И теперь рассказ начинается с описания того, как герой просыпается за чужим домом, рядом с гаражами и стройкой. Его мучает похмелье, ему снился кошмар настолько жуткий, что он, проснувшись, выхватывает нож из кармана и пытается заколоть воздух. Затем кидает нож на землю, потому что руки его трясутся и он боится порезать себя. Ему холодно, он замёрз. Бормочет сквозь зубы, что май в этом году «тёплый, как тела в городском морге». Поднимает нож, шагает в неизвестном самому направлении. Люди его боятся, обходят стороной, старательно отводят свои взгляды, но ему плевать.

Далее мой герой опохмеляется, немного приходит в себя и предаётся размышлениям об этимологии и эволюции своего страха. Наверно, воображает себя философом — кто его знает!

4

Из записной книжки. Рассказ «Страх»

«...Часто под воздействием вина я предавался рассуждениям о природе человеческого страха. Вспоминая свою жизнь, я видел, что страх был моим спутником с ранних лет.

Вот я проснулся в своей уютной колыбельке ночью и неожиданно услышал пустоту окружающей меня темноты и, ещё не зная изощрённых ужасов человеческой жизни, испугался чистым младенческим страхом. Чистым страхом, понимаете? Не страхом перед чем-то или кем-то, а страхом в своём чистом виде. Но тогда у меня хотя бы была защита: я мог изойтись в младенческом вопле, и мама прибежала бы меня утешить, и страх обязательно бы отступил.

Но с годами страх становился сильнее, а защита — слабей. Страх изменялся, мутировал, находя всё новые и новые воплощения, поощряемый книгами и фильмами, рассказами старых бабушек на лавке, мёртвой девочкой, лежащей с синими губами и неестественно восковым лицом в гробу (похороны во дворе), ночными шёпотами...

И вот я, уже значительно повзрослевший, но все ещё не вышедший из нежного возраста, выключаю свет в своей комнате и ложусь спать. Неожиданно в голову приходит неприятная мысль, что в комнате есть кто-то ещё. Может, притаился в шкафу? А может, под кроватью? Темнота сдавливает виски, и я стремительно соскакиваю с постели с единственной мыслью в голове: как можно скорее добраться до выключателя и включить свет. Свет помогает.

Но свет не помогает, когда приходит один из самых отвратительных страхов — страх смерти. Я испытал осознание своей неизбежной кончины очень рано, и это осознание привело меня к почти эпилептической истерике, когда никто не мог мне помочь, да никто не мог и понять. У меня просто не укладывалось в голове то, что я умру и моё тело засыпает землёй на съедение червям, а весь остальной мир будет жить как ни в чём не бывало: дети будут ходить в школу, подростки пить водку в подъездах, взрослые с заспанными лицами собираться на работу, а меня просто не будет. МЕНЯ НЕ БУДЕТ!

Подростковый нигилизм частично излечил меня от этого страха, принес с собой суицидальные настроения, которые сделали смерть в моем воображении не костлявой старухой с косой,

а желанной возлюбленной, но появились новые страхи. Страх непонимания окружающими, страх не понравиться девушке, страх быть безбожно избитым в ночи какими-нибудь пьяными недоносками, не обезображенными интеллектом (привычка оглядываться через плечо у меня осталась как раз с тех времён), страх потерять себя, выбрать неправильный путь: в те годы я очень боялся, что под давлением внешнего мира мне придётся уничтожить всё то, что, на мой взгляд, сильно отличало меня от других — свою самобытность, свой внутренний мир.

Во время учёбы в университете я встретил девушку, которая вскоре стала моей женой. Всё произошло очень быстро: я даже удивиться не успел. Осталось только развести руками: так, мол, друзья, теперь я человек женатый. Водоворот бытовых проблем накрыл меня с головой, и, казалось, для страха у меня просто нет времени, ведь я крутился, как белка в колесе. Но страх вовсе не покинул меня. Он всё время был рядом, как верный друг. Я с женой тогда снимал квартиру, и денег нам постоянно не хватало. На работе творилось чёрт знает что, да ещё и эти вонючие экзамены, которые приходилось сдавать по несколько раз (существовала угроза вылететь из университета и пополнить ряды доблестной российской армии). Я должен был заботиться о выживании семьи, о том, чтоб меня не выгнали из университета, не выгнали с работы, не подставили, не обманули, не ограбили... Понимаете, я всё время оглядывался через плечо. Отношения с женой становились всё хуже и хуже день ото дня. У нас иногда не хватало денег даже на еду, а эта дура ещё хотела завести ребенка. Вместо этого я завёл любовницу, и ситуация полностью вышла из-под контроля.

Краем глаза я, конечно, подмечал, что у других людей дела обстоят точно так же, что они тоже боятся, тоже крутятся, как могут, но легче от этого не становилось. Сентенция многоопытных знатоков жизни «Потерпи, и всё наладится» приводила меня в тихое бешенство. Наладится-то, может, и наладится, но человек, к сожалению, не вечен, и время уходит безвозвратно. Каждый потраченный на бытовое выживание день погружал меня всё в большее уныние. Я чувствовал, как моя (моя!) единственная и неповторимая жизнь всё прочнее и прочнее увязает в намеченной судьбой колее, как закрываются обмусоленные в юношеских мечтах возможности, как сужается беговая дорожка, победителей на которой всё равно нет, так как побеждает смерть (не дружба, нет, друзья, и не надейтесь!). Я попал в ситуацию, которую мой приятель по университету обозначал курьёзной поговоркой: «Жизнь — одиночество в тол-

пе». И одиночество это было особенно горьким из-за того, что я находился в эпицентре житейских неурядиц и обязанностей, занимавших все ниши свободного времени. Страх смерти и бесцельности жизни навалился на меня с новой силой.

И, наконец, пришли кошмары. Такие жуткие, что после них я не спал до утра: уходил на кухню под глухое ворчание жены, где читал, как правило, книжицу с анекдотами, чтобы хоть как-то успокоиться. Засыпал я лишь утомившись настолько, что глаза слипались сами собой, или с первыми лучами света.

В кошмарах темнота протягивала ко мне свои руки со всех сторон, чтобы заключить в свои холодные объятия. Я был ей нужен.

Размышления о страхе не помогали справиться с ним. Скорее, наоборот. Кто мы такие? Для чего мы здесь? Ответов на эти вопросы у меня не было, но то, что я нахожусь в постоянной опасности, было несомненно...»

5

С детства люблю железную дорогу. Возможно, в моём сознании она неразрывно связана с движением вперёд, переменой мест. Ореол романтики так и витает над ней: поезда, вокзалы, полустанки, запахи, спешка, минеральная вода, пиво и палёная водка из-под полы, люди, выглядывающие из окон вагонов с верхней полки, психоделия объявлений о прибытии и отправлении поездов и пригородных электричек. Находясь на железной дороге, волей-неволей переходишь в пограничное состояние: ты вроде бы ещё в городе, но мысленно уже покинул его душные объятия и паришь над неохватными просторами лесов и полей. Когда я был маленьким, дедушка часто брал меня на прогулку по железнодорожным путям (железнодорожное полотно пролегало недалеко от дома). Мы бродили среди буйства зелени и собирали цветы для бабушки, готовившей в это время обед. Уже и не помню, о чём мы тогда говорили, но приятное ощущение близости тайны, чудесного навсегда осталось в моём сознании. В студенческие же годы я ездил к друзьям в посёлок (сказочно красивые места!), и мы, взяв пиво и гитары, шли на пути, где садились прямо на шпалы... Да, бывали дни весёлые...

И вот теперь я шагаю по железнодорожной платформе посёлка Пригон Скота (уж и не знаю, почему я подумал, что это город) с только что купленным билетом на электричку, которая прибудет лишь через два с половиной часа. Уйма времени! Состояние моё окончательно поправилось, и я могу позволить себе отравиться ещё одной сигаретой. С этой целью я направляюсь напрямик к одинокой полуразрушенной лавочке. Присев, я закуриваю и достаю записную книжку.

В те годы, когда я начинал писать рассказ «Страх», я находился под серьёзным влиянием идей Германа Гессе. «Демиян», «Степной волк», «Нарцисс и Гольдмунд», «Игра в бисер» — эти и другие книги Гессе произвели на меня сильнейшее впечатление. И сейчас, листая пожелтевшие листы записной книжки, я натыкаюсь на цитату из Гессе, выписанную специально для рассказа «Страх». Привожу эту цитату здесь, ибо содержание её напрямую относится к моему скромному повествованию:

«...Чудесная мысль: жизнь без страха! Преодолеть страх — вот блаженство, вот избавление. Как страдал он всю жизнь от страха, а сейчас, когда смерть уже схватила его за горло, он не чувствовал ни страха, ни ужаса, только улыбку, только избавление, только согласие с происходящим. Он вдруг понял, что преодолеть его сможет только тот, кто его познал. Ты страшился тысячи вещей, страшился боли, судьей, собственного сердца, страшился сна, пробуждения, одиночества, холода, безумия, смерти — особенно смерти. Но всё это были лишь маски, лишь видимости. На самом деле страшило тебя только одно — решиться упасть, сделать шаг в неизвестное, маленький шаг через все существующие предосторожности. И кто хоть раз, хоть один-единственный раз отдавался, оказывал великое доверие, полагался на судьбу, тот обретал свободу. Он уже не подчинялся земным законам, он падал в мировое пространство и кружил в хороводе светил. Вот как обстояло дело. Это было очень просто, любой ребенок мог это понять, мог это узнать».

6

Из записной книжки. Рассказ «Страх» (окончание)

«...Тем временем, я уже пришёл в себя после ночного кошмара и понял, что голоден. Чувство голода не считается со страхом, и вы даже не представляете, как я был рад этому в тот момент! Я голоден, а значит, я жив. Я ещё жив — разве это не повод для радости?»

Допив остатки вина, я небрежно выбросил пустую бутылку, поднял с земли нож и заткнул его за пояс; нож вернулся на своё место. Если возникнет необходимость, я смогу им воспользоваться, уж поверьте мне!

С опаской оглядываясь по сторонам (враги повсюду), я выбрался из своего убежища на дорогу и, слегка качаясь, пошёл в том направлении, где вчера видел магазин.

Встречные прохожие смотрели на меня настороженно. И правильно делали: со мной сейчас лучше не связываться.

Утро медленно выцветало, и солнечные лучи набирали силу. Спросив о времени у прохожего, я узнал, что уже перевалило за полдень.

В магазине я купил себе еды, две бутылки дешёвого вина, сигарет.

Тут передо мной встал вопрос, где мне предстояло пообедать. Нужно было найти безлюдное и безопасное место. Подумав несколько минут, я вспомнил, что совсем недалеко проходят железнодорожные пути. Туда я и направился.

Свой путь я прервал лишь однажды для того, чтобы наблюдать за дорожным происшествием. Машина, водитель которой, похоже, был пьян, сбила ребёнка. Не знаю, сколько времени я провёл, наблюдая за развитием событий. Смерть заволаживала меня, и в голове мелькали какие-то смутные мысли, осознать которые я даже не пытался. Пока.

В конце концов голод напомнил о себе, и я продолжил свой путь.

Железная дорога встретила меня своим обычным очарованием. С детства любил поезда и железную дорогу. Сам не знаю почему.

Втянув ноздрями знакомый запах, присущий этим местам, я даже улыбнулся.

Расположился я поближе к шпалам в надежде, что мимо проедет поезд. Уже приготовив всё для обеда, я внезапно почувствовал необходимость помочиться. Такая милая потребность.

Справляя нужду, я подумал: «Мечу территорию». Я снова улыбнулся. Настроение моё заметно улучшалось.

Потом я пообедал, а закончив обедать, принялся за вино. Вино совсем расслабило меня, и я начал вспоминать самые яркие мгновения своей прошлой (уже прошлой, к сожалению) жизни. А вспомнить было что! Кадр за кадром передо мной проносились события, которые когда-то казались мне важными. Я учусь ездить на велосипеде: падения и ушибы, испачканные велосипедным колесом новые штаны дяди Жени, который самоотверженно согласился мне помочь (он тогда с большим трудом сдержался, чтоб не выругаться, но всё-таки сдержался — честь и хвала!); я первый раз влюбился: томление, отсутствие аппетита и робкие взгляды, призванные выразить адресату всю трагичность моего положения; первый раз выпил водки: темнеющий подъезд, пластиковые стаканчики и очаровательная осмысленность бытия (с годами она, естественно, была утрачена); я бородатый студент с длинными патлами, опускающимися на плечи, я делаю предложение девушке, которая станет моей женой... Воспоминания вихрем сменяли друг друга, и я и не заметил, как допил вторую бутылку и... заснул.

Во сне, как ни странно, я оказался на пляже. Пустынный пляж грязной реки имел какой-то больной, жёлтый вид.

Был день, но очень хмурый из-за громадных чёрных туч, затянувших небо. Кое-где небо прорезали зигзаги молний, слышалось глухое рокотание грома вдали.

Я сделал несколько неуверенных шагов по песку и тут заметил под ногами маленького, ещё слепого котенка. Всё его тело дрожало от холода. Я хотел подобрать его, но в этот миг небо расколола такая яркая молния, что я зажмурился от боли. А затем ударил гром, и мне показалось, что это не гром, а ГНЕВ БОЖИЙ; у меня заложило уши.

Я вскочил, понимая, что я уже не сплю, и с ужасом увидел, что стемнело. Молнии и гром были здесь, они были настоящими. Вот-вот должен был пойти дождь.

Оскаленная маска запрыгала перед глазами, а темнота оглушительно захохотала, видя, как я растерянно хлопаю ресницами.

Что-то приближалось ко мне из темноты. Мне даже показалось, что я слышу шаги, осторожные, чуть слышные, вкрадчивые до безумия.

Я повернулся и побежал по шпалам, запинаясь о деревянные между рельсами и всхлипывая от страха.

Я бежал очень долго, но силы всё-таки оставили меня, и я упал, запнувшись в очередной раз о чёртову деревяшку. Слепо выставив вперёд руки, я смягчил удар, но мою левую руку — а именно она приняла на себя практически весь вес моего тела — пронзила такая сильная боль, что я закричал.

Боль неожиданно растворила страх, и, поднявшись, я почувствовал, как гнев наполняет каждую частичку моего тела: ПОЧЕМУ Я ДОЛЖЕН ПОСТОЯННО ВСЕГО БОЯТЬСЯ?! КТО ПОСМЕЛ ДОВЕСТИ МЕНЯ ДО ТАКОГО СОСТОЯНИЯ?! Выхватив правой рукой нож, я, ковыляя, пошёл в обратном направлении, даже и не пытаясь отереть слюну, длинной полосой свисающую с губ.

Темнота открыла мне свои объятия, словно только и ждала этого. Кто-то шёл мне навстречу.

Кто-то...

Человек выступил из абсолютной тени так неожиданно близко ко мне, что у меня перехватило дыхание, но я был готов. О, да, я был готов!

Что было силы я ударил ножом прямо в грудь человеку. Нож вошёл в тело по рукоятку легко, как в масло.

Я засмеялся диким полоумным смехом, но тут из темноты появилось лицо человека, и я проглотил свой смех в тот же миг.

Это было моё лицо, а человеком был я!

Первые капли дождя уже падали на тёмную землю».

Шериф

Рассказ

Снежная пыль катилась с серебряным шелестом по узким улочкам захолустного города. Метла ветра гнала её прочь, поднимая с дырявых дорог, выметая из укромных углов и закручивая в небольшие воронки. Настоящий снег должен был выпасть со дня на день, но пока только эта жалкая труха прикрывала обнажённые мостовые.

Чуть склонив голову, так, чтобы широкие поля шляпы защищали глаза от ветра, Шериф брёл в направлении виднеющегося вдали перекрёстка, где останавливался дилижанс. Несколько размытых силуэтов обозначали присутствие там людей, но с такого расстояния Шериф не различал ни одежд, ни лиц. Слабое зрение, слишком слабое для такой должности, не смущало его, ибо никто другой в этом пропащем городе не решился бы нацепить на грудь звезду шерифа, на ноги — сапоги со звенящими шпорами и шляпу на голову. Помня о том, что местные жители его недолюбливают, как и всех, не похожих на них, Шериф вполголоса напевал:

*Сисэл Браун зовут меня,
Я с маленького городка,
Где всем ненавистен я...*

Людей на улицах было немного. Они с неприязнью поглядывали в сторону Шерифа и хмурились. Некоторые отворачивались и нарочито громко сплёвывали. Всею душой Шериф чувствовал, как они отвергают его, но оставался невозмутим. Поэтому, когда проходившая мимо женщина окинула его сердитым и презрительным взглядом, он учтиво коснулся пальцами шляпы и прервал песню, чтобы произнести:

— Моё почтение, мэм.

Женщина прибавила шагу, и уже за спиной он услышал подхваченный ветром злой шёпот:

— Придурок.

Шериф усмехнулся и подхватил прерванную песню:

*Никогда не понимал,
Почему для всех столь плох я стал,
Но так обстоят дела.*

Дорога, выходящая к перекрёстку, таила опасности. Вчера на ней видели команчей, а возле салуна «Старина Джо» каждый Божий день тёрлись небритые, угрюмые проходимцы, пьяницы и буяны.

Шерифу очень не нравилось ходить этой дорогой. Можно было сделать крюк и прийти к перекрёстку чуть позже, но без неприятностей. Так почему же Шериф неизменно выбирал её?

Просто знал: стоит хоть раз свернуть, поддаться слабости и трусливым уговорам благоразумного обывателя, скребущегося даже в самых смелых сердцах, и потом станет многократно тяжелее выбирать прямые пути. Главное сражение человека — всегда с самим собой.

Шериф как раз проходил мимо салуна, когда его настиг чей-то хриплый окрик, сопровождающийся пьяным гоготом в несколько лужёных глоток.

— Слышь, стой, я ж с тобой разговариваю, — раздалось уже за спиной Шерифа, и он вынужден был остановиться.

Повернувшись, он увидел злое красное лицо дюжего оборванца. Хмельная улыбка топорщила губы детины и обнажала нестройные ряды жёлтых и стальных зубов.

— Ты откуда такой нарядный? — спросил детина, озорно глянув в сторону двух своих приятелей, хохочущих возле дверей салуна. — Слышь, а это что вообще значит? — и он брезгливо пощупал пальцами звезду. — Ты это, типа ковбой что ли? Или что похуже? — тут он перевёл взгляд на шляпу и воскликнул: — Ух ты! Красота! Слышь, а дай-ка погонять! — и он сорвал шляпу с головы Шерифа, тут же водрузил себе на голову и, дико выпучив глаза, повернулся к своим друзьям; те согнулись от новых приступов хохота.

— Здесь поблизости отряд команчей, — спокойно проговорил Шериф. Ледяной ветер разметал волосы на его голове. — Я бы на вашем месте поискал более безопасное место.

Детина от изумления открыл рот и несколько мгновений молча смотрел на Шерифа. Двое возле салуна перестали смеяться.

— Какие ещё каланчи? — наконец медленно выдохнул оборванец, обдав Шерифа смрадом. — Друганы твои что ли? Ты что, совсем непуганый или больной на всю голову?

— «Я не боюсь твоего смеха и не боюсь твоих кулаков, подходи ближе, брат, с твоим поцелуем предательства», — громко продекламировал Шериф прямо в лицо оборванцу и засмеялся...

...Когда Шериф добрёл, хромая, до перекрёстка, звезды уже не было у него на груди, а на её месте торчали культы оборванных ниток и след от большого башмака. Порванную шляпу он сжимал в руках.

Вскоре с севера, оглашая округу грохотом и стуком, подкатил дилижанс. Рисунок, намалёванный на боку непомерно длинной кареты, изображал странные продолговатые коробы и чёрные прямоугольные доски на подставках с широкими ножками. Над рисунком огромными жёлтыми буквами было выведено: «КОМПЬЮТЕРЫ И НОУТБУКИ «WEST». ТЕХНИКА С ЗАПАДА. ТЕХНИКА БУДУЩЕГО».

Шериф не стал рассматривать рисунок, но, прежде чем забраться в дилижанс, бросил взгляд в ту сторону, где располагался салун.

Плохое зрение помешало Шерифу рассмотреть толком, что там происходит, но ему показалось, что он видит клубы чёрного дыма, всадников на лошадях, появляющихся и исчезающих в дыму, и ещё ему показалось, что он слышит истошные вопли своих мучителей, полные ужаса и боли.

— Я же предупреждал... — прошептал Шериф разбитыми губами. — Команчи рядом.

Счастливым билет

Рассказ

Темнота, чуть подсвеченная мутным бордовым небом. Раннее зимнее утро из моего окна всегда такого нездорового цвета несбывшихся надежд. Дешёвый растворимый кофе оставляет во рту кислый неприятный вкус.

Из колонок катятся холодные волны потусторонних звуков, и отстранённый голос поёт, что слабым здесь нет места. Когда же всё это кончится? Когда же всё это кончится? Бывает, что музыка уводит в запредельность, откуда уже нельзя вернуться прежним.

Я проснулся несколько минут назад с удушающе-чётким ощущением присутствия себя в реальности. Есть чувства, которые трудно передать словами. Как если ты сидишь в гостях и тебе вдруг безо всякой на то причины хочется сказать или сделать что-нибудь отвратительное. При этом ты понимаешь на грани сознательного, что, позволив себе подобное, ты переступишь границу в сторону безумия и уже никогда не сможешь контролировать свой разум. Вот и ужас от навалившейся плотной реальности требует напряжения всех внутренних сил, чтобы не помешаться. Я молил Бога о том, чтобы невыносимое ощущение ушло... стоя и мечась в кровати, обхватив голову руками. Одеяло упало на пол.

Больно душе...

Я медленно одеваюсь, музыка вибрирует в зубах. На панели жалюзи чуть заметно раскачивается привязанная нитка. Вчера я повесил на ней воздушный шарик, но он сдулся, и я его отрезал. Нитку снимать уже не хотелось. На столе валяется мелочь и несколько скомканных десятков. Рядом лежат два телефона, домашний и сотовый, словно символы уходящего и пришедшего на смену мира. Из пакета выглядывает зачерствевшая булка.

Не знаю, что со мной: веки тяжёлые, меня покачивает. Какое-то пограничное состояние, красивое и мрачное растворение

в бессознательном. Это гораздо лучше того отчаяния, что гложет меня последние несколько дней. Или последние несколько лет? Иногда я кажусь себе актёром, роль которого уже закончилась, а он всё стоит на сцене, не понимая, что происходит и что делать. Ужас осознания собственной посредственности. Взгляд из массовки. Удобрение для чужих судеб. Пустота разрастается внутри, сковывая желания, приводя к оцепенению. Пустая жизнь, жизнь впустую! За что ни возьмёшься, всё валится из рук или выходит не так, как задумано, вкривь да вкось. Машинальное движение по кругу. Бесценный дар опоганен и опошлен, тратится впустую, о, да, поэма пустоты. И где же ты хочешь найти любовь к жизни?

Я выливаю остатки кофейной слякоти из чашки в раковину, надеваю шапку, шарф, куртку, смахиваю мелочь с десятками в карман. Из другого кармана куртки торчат варежки, которые я надеваю на работе поверх перчаток.

На улице ещё темно. Дворник около подъездной лестницы с отрешённым лицом собирает руками мелкий мусор. Я иду очень быстро, и холодный ветер продувает меня насквозь. Приходится вытряхивать его из рукавов куртки судорожными движениями, плотнее стягивать шарф на шее. Выпавший за ночь снег чуть поскрипывает под ногами.

Вот уже несколько минут мне кажется, что сзади кто-то идёт. Наконец я резко оборачиваюсь и краем зрения подмечаю, как тень прячется за углом очередного дома.

Кто-то тёмный вечно следует за мной, кто-то безымянный притаился за спиной, кто-то чужой...

На остановке одиноко стоит маршрутка. Посмотрев на номер, я подхожу к водительской кабине со стороны её пассажирских мест и дёргаю за ручку — заперто. Водитель не обращает на меня никакого внимания. На нём медицинская маска. Реальность медленно начинает расплываться в непонятных направлениях. Я стучу по стеклу и спрашиваю жестами повернувшегося ко мне водителя, могу ли я сесть в салон. Тот лениво кивает и снова отворачивается. Я сажусь в пустой салон, уже жалея о том, что не дождался другой маршрутки. Какая-то бессмысленная инерция. Расплачиваюсь и, не дождавшись билета, устраиваюсь в задней части салона. В заляпанное грязью окно видно, как мимо проезжают маршрутки, но мы стоим. Веки мои наливаются тяжестью, я вяло пытаюсь бороться со сном и проигрываю.

И был мне сон...

Кто-то тормозит меня за плечо. Открыв глаза, вижу перед собой водителя в защитной маске.

— Приехали, конечная.

— Эге, вот это меня выключило! — сконфуженно бормочу я и выбираюсь из маршрутки на холод.

Центр города. Узкие улицы, архитектурные памятники старых зданий, бутики, кафе, пронзительный ветер с Волги. Прямо передо мной — торговый центр. Через дорогу — рынок, рядом с ним — институт: около входа галдят молодые девчонки и мальчишки.

Я захожу в торговый центр и, свернув налево, вижу в нескольких шагах красивую девушку Надю. Она стоит в нелепой фирменной одежде компании, продающей добавки для еды, за столиком с рекламной продукцией. А из-за спины Нади на меня удивлённо таращит огромные глаза ростовая кукла, прямоугольник, изображающий бульонный кубик. Кукла вся грязно-жёлтого цвета, кроме синих букв названия компании, выведенных на лбу, белых овалов глаз с чёрными кружками зрачков и кроваво-красной улыбки рта.

Я улыбаюсь Наде и поднимаю руку вверх в приветственном жесте:

— Привет!

— Привет! — повернувшись ко мне, задорно восклицает девушка, и её ответная улыбка согревает меня сильнее, чем отопление торгового центра. В ушах у Нади наушники.

— Что слушаешь?

Нади вытаскивает один наушник и протягивает его мне. Вставив наушник, слышу хриплый голос, надрывно и отчаянно поющий:

*...Jesus Christ this goddamn rain!
Will someone put me on a train?
I'll never kiss your lips again
Or break your heart...¹*

Я на мгновение закрываю глаза. Я хорошо знаю эту песню. «Ruby's Arms»: трогательная и грустная. Я и сам когда-то, глядя на поезд, готовый тронуться в любую секунду, всё никак не мог поверить, что прощаюсь навсегда. Тот, кто, утешая, говорит, что время всё лечит, — лжец. Можно похоронить боль и переживания глубоко в себе, но они никогда не растворятся и никогда не покинут тебя. Никогда. Так обстоят дела.

— Старина Том! — говорю я, протягивая наушник обратно.

— Ага! Слушай, ты опоздал! Валентина Николаевна уже спрашивала о тебе, — озорно подмигивает Надя.

¹ Иисусе Христе! Этот проклятый дождь!

Кто-нибудь посадит меня на поезд?

Я никогда не поцелую твоих губ снова

И не разобью твоего сердца...

— Она здесь, что ли? Вот ведь... — я с трудом сдерживаюсь, чтобы не выругаться вслух в адрес нашей безнадежно глупой и злой начальницы Валентины Николаевны. Мерзкая тварь!

Надя смеётся.

— Поможешь мне перевоплотиться? — спрашиваю и криво усмехаюсь.

— Пойдём, — кивает Надя и берёт куклу за край.

Я хватаюсь за другой край, и мы выносим куклу на улицу. Спускаем со ступенек крыльца на заснеженный тротуар. Там Надя продолжает держать свой край, а я приподнимаю свой и забираюсь внутрь. Прелезаю головой в хомут из ремней, расположенный в центре внутреннего пространства, соединяю другие ремни вокруг пояса, затем присоединяю ремни, ведущие от пояса, к металлической конструкции каркаса — и теперь я мистер Бульонный Кубик, уже более не человек для собак и маленьких детей.

— Всё, спасибо! Отпускай.

Надя отпускает край и, я, немного повернувшись, вижу сквозь сетку, что она задумчиво смотрит на меня. Вернее, уже не на меня: моего лица через сетку не видно. Надя смотрит на куклу. Ха-ха...

— И как ты стоишь на таком холоде? — поёжившись, спрашивает Надя.

— Сам не знаю, — я пожимаю плечами в кукле и понимаю, что Надя этого жеста всё равно не видит.

— Я пойду, а то замерзаю.

— Ага, конечно.

Надя уходит обратно в торговый центр. Я смотрю на улицу через сетку. Вот так. Глазами клоуна, ага. Открыв рот, дышу паром прямо в глаз куклы. Интересно, с той стороны видно пар? Кто-нибудь обратит внимание на пар, идущий из глаза куклы? Мучительная проблема границ: где я, Господи? Кто я, Господи? Существует ли что-нибудь, кроме меня, и, если да, то где оно начинается? Или меня в действительности не существует, а есть одна сплошная масса всего происходящего — реальности иллюзии иллюзии реальности. Мучительная проблема границ...

— Эй ты! Ну, ты и урод!! Отморозоооок!

Из окна едущей по дороге машины с водительского сиденья вылез чуть ли не вполтину туловища кругломордый быдлан. Глаза вытаращены, левая рука потрясает кулаком, чёрная вязаная шапка, свёрнутая до минимума, едва держится на краешке затылка бритой пустой головы.

— На такого, как ты, и внимания-то обращать не стоит, — хрипло бормочу я сквозь смех. — Вот реальность и напомнила о себе своим излюбленным способом!

Люди по реакции на живую куклу, мистера Бульонного Кубика, делятся на четыре категории. Типичный представитель первой только что проехал мимо, изрыгая ругательства. Быдланы вообще ко всему, что не уместается в максимально упрощённый, разложенный по понятиям быт «настаааающего пацааана», относятся как к оскорблению собственного, хм, не уверен, что это слово к ним применимо, достоинства. Помимо быдла, в этой же категории злые и озлобленные и воображающие себя злыми и озлобленными. Эти вымещают накопившееся внутри раздражение, разочарование и гнев на всём, что попадает на глаза.

Противоположность первой категории — люди радующиеся и сочувствующие. Их всё-таки больше. Они в искреннем восторге со смехом машут из проезжающих машин, иногда останавливаются, чтобы сфотографироваться. Спрашивают, как я переношу холод, шутят, что надо принять сто граммов для согрева. Помню, один добряк хотел купить мне поесть, чтобы было не так холодно стоять на улице. Женщина призналась, улыбаясь: «В вас можно влюбиться!» И это было приятно, даже несмотря на то, что комплимент предназначался Кубику, а не мне.

Третья категория — любопытные прохожие. Они все задают один и тот же вопрос, от которого меня уже мутит. Делают они это так: чуть покачивают наклонённой вбок головой и, сильно растягивая вкрадчивой интонацией последнее слово фразы, спрашивают: «И сколько тебе плааааааатят?» Почему-то они считают, что я должен отчитаться. Один такой, строго посмотрев на меня, спросил с презрением: «И сколько тебе плааааааатят за этот идиотизм?» А я возьми да соври: «Двадцать пять тысяч в месяц». Он растерянно моргнул: «Да ладно? Шутишь, наверно?» А я: «Нет, не шучу. Ещё и премию выписывают каждый месяц — две тысячи рублей за работу зимой на улице». Гамма чувств! От внутренней борьбы лицо его дёргается, брови нахмурены в непонимании. Наконец он снова смотрит на меня, но уже заискивающими глазами. Осторожно спрашивает, запинаясь на каждом слове: «А... как вообще... ну... устроиться к вам?» Тут я его и добиваю: «Только через близкое знакомство, я, например, лучший друг сына генерального директора этой компании, поэтому взяли!»

Четвёртая категория — равнодушные. Они проходят мимо, старательно не замечая меня. Видно, как они поджимают губы и ускоряют шаг. Моё присутствие может случайно вытащить их за рамки обыденности будней, где они спрятались от настоящей реальности, хитрой, коварной, непредсказуемой, непонятной, неповторимой, фантастической, сюрреальной. Только не дать себя вырвать, вытолкнуть из круга повседневности! Уютной, полной

мелких и крупных дел, своих и чужих проблем, проблем мирового масштаба, всеобъемлющей повседневности, тёпленькой водички самообмана. Не замечать ничего необычного: слишком много дел! Слишком занят! Опаздываю на деловую встречу! Не забыть купить курицу! Позвонить Петру Семёновичу насчёт вторника! Поздравить Ирину Валерьевну! Вежливо напомнить Максиму о долге! Узнать, сколько будет стоить отдать Антошу в детский садик! Когда же зарплата? А всё-таки Гуляева — шлюха! А Козлов — козёл! Выгнать реальность любым способом из сознания! Заслонить её чем-нибудь, заслониться от неё. Многие так прячутся всю жизнь!

Мои размышления прерывает сиплый хохот, доносящийся слева. Я поворачиваюсь. По тротуару в мою сторону, поддерживая друг друга и покачиваясь, идут мужик лет сорока и старая бабка. Оба пьяны. Мужик показывает на меня пальцем и хохочет. Бабка машет рукой и кричит:

— Ну-ка дай ему в глаз! Дай!

«Вот только этого не хватало!» — изумлённо успеваю подумать я, и в этот момент они равняются со мной. Мужик вдруг протягивает руку под каркас и пытается ухватить меня чуть ниже пояса. Я в ужасе отскакиваю.

Они, не оборачиваясь, идут дальше и теперь оба просто рыдают от смеха.

Придётся всё-таки выделить фриков в отдельную, пятую категорию. Городские сумасшедшие, бомжи, опустившиеся пьяницы. Помню, в один из дней на другой стороне улицы остановился парень и, уставившись на меня, закричал: «Кубиииииик!» Видимо, ему понравилось, потому что следующие полчаса я слушал, как он истошно орал без остановки: «Кубиииииик! Кубиииииик! Кубиииииик!»

Я смотрю на часы. Время пролетело незаметно. А в моей работе главное — чтобы время летело незаметно. И быстро. Пора на перерыв.

Я подхожу к крыльцу и, приседая, плавно опускаю правую сторону каркаса на ступеньку. Отстёгиваю ремни. Осторожно вытаскиваю голову из хомута, поддерживая каркас руками. Вздохнув, волочу куклу в торговый центр.

Надя увлечённо общается с высоким брюнетом, смеясь и оживлённо жестикулируя. Скривившись от болезненного укола ревности, с отвращением смотрю на Надиного собеседника. Он гладко выбрит, хорошо одет, с широкой белозубой улыбкой, отработанной перед зеркалом, короткими волосами, аккуратно расчёсанными на косой пробор, волосинка к волосинке, звучным

валяжным голосом и самоуверенным смехом — идеальная заготовка для депутата или директора компании.

Я застываю на полпути, в нелепой позе.

— Так во мне родился Николай Кавалеров, — чуть слышно шепчу я и, скрепя сердце, дотаскиваю куклу до отведённого ей места.

Надя и будущий депутат поворачиваются в мою сторону. Я уже знаю, что будет дальше.

— Так это ты ходишь по улице в бульонном кубике? — зычным голосом сквозь покровительственный смех осведомляется депутат.

— Ага, — нехотя киваю головой. Мне противно.

— Студент, наверно?

Нет, лощёная харя, я не студент! Я просто неудачник, который не смог найти работу получше! Неудачник. Но не штамп, как ты! Я — брак конвейера!

— Я закончил филфак несколько лет назад.

Депутат непонимающе приподнимает брови:

— А что, по профессии — никак?

— Никак, — бормочу я и бросаю взгляд на Надю. На её лице всё ещё сохранилась улыбка от прерванного моим появлением разговора. Надя смущённо смотрит куда-то в сторону.

— Ладно, я вас оставляю — пойду выпью кофе, — говорю я и быстрым шагомдвигаюсь прочь.

— Конечно, конечно! Тебе согреться надо! — понимающе и даже заботливо кричит мне в спину депутат.

— А не пойти ли тебе на хер? — шепчу я сквозь стиснутые зубы. Тот, кто ездит на папином джипе, никогда не поймёт того, у кого не хватает денег на автобус.

Вендинговый автомат выдаёт мне порцию дешёвого растворимого кофе в пластиковом стаканчике. Я делаю глоток и чувствую, как во рту оседает неприятный кислый вкус дорожной слякоти. Это — вкус моей жизни. Иногда я представляю такую картинку: я иду по замкнутому кругу, в центре которого обрыв в пропасть. И выбор у меня таков: можно идти по кругу, можно остановиться и ничего не делать, а можно прыгнуть в пропасть. Так вот, пока я иду по кругу, иду по кругу, иду по кругу. *Wheels Of Confusion! «There's never been a winner, try your hardest, you'll still be a loser...»*¹

— А, вот вы где! Опять отдыхаете?

Подняв взгляд из колодца пластикового стаканчика, вижу пе-

---

¹ Никогда не было победителя,
Старайся изо всех сил —
Всё равно останешься проигравшим...

ред собой злое лицо Валентины Николаевны. Ей за сорок лет. Русые кудрявые волосы немного не достают до плеч, очки в роговой оправе, белёсые глазки.

— У меня это первый перерыв сегодня, — заикаюсь было я, но она меня сразу же обрывает:

— В нашей компании мы все как одна большая команда. Большая дружная команда единомышленников. Только вы всё никак не вольётесь в наш коллектив. Мало того, что вы позволяете себе опаздывать на работу, как сегодня, так ещё, видимо, считаете, что можете отдыхать, когда вам вздумается. Я вот, например, отрабатываю каждую секундочку своего рабочего дня. И, если я где-то не доработала, то дорабатываю в своё личное время. Чтобы не подвести коллектив. Потому что самое главное, это — чувство локтя!

Ах ты, лживая лицемерная сучка! От твоего локтя у меня уже давно бок болит! Ты, бездушное порождение корпоративных стандартов! Подчинённые для тебя либо исправные биороботы, либо строптивые рабы, но никак не живые люди.

— С сегодняшнего дня вы будете отмечать не только прибытие на работу, но и каждый свой перерыв. У вас, между прочим, очень дорогой час по оплате. Поэтому время перерывов вы будете вычитать из рабочего и отрабатывать. Вам всё понятно?

Мне так хочется ругаться матом, что чешется горло.

— Я отдыхаю ровно столько, сколько нужно, чтобы согреться, — сдерживая гнев, преувеличенно спокойным голосом отвечаю я. — На улице вообще-то зима.

— Вы можете уйти в любой момент, вас никто не держит. Найти вам замену будет несложно. Думаю, даже вы понимаете, какое сейчас время и сколько людей с радостью согласятся на эту работу.

— Если я уйду сейчас, мне заплатят за отработанные дни? — устало спрашиваю я.

— Об этом не может быть и речи! Вам надо снизить своё самомнение.

Я молчу.

— Повторяю, вас никто не держит! Вы все поняли? — белёсые глазки яростно сверкают из-за стёкол очков.

— Понял.

— Возвращайтесь к работе. И не забывайте теперь отмечать время своих перерывов. Я буду следить за вами. И контролировать вас.

Я возвращаюсь к работе. На улице похолодало. Чтобы не замёрзли ноги, я отбиваю ими ритм и вполголоса пою:

— Глупую начальницу в грязь топчу! Поганую начальницу в грязь топчу! Тупорылую начальницу в грязь топчу!

Когда надоедает речитатив про начальницу, перехожу к песням, слова которых удаётся вспомнить. Их, к моему удивлению, оказывается не так уж и много: то тут, то там в памяти чернеют зловещие провалы, из-за которых песни остаются недопетыми. Рабочее время тянется медленно. Перерывы пролетают незаметно. Я заново в листок с графиком границы перерывов, специально избегая круглых чисел, чтобы Валентине Николаевне веселее потом было пересчитывать.

К вечеру становится невыносимо скучно и тяжело. Считаю, сколько за минуту легковых машин проезжает в одну сторону. В другую. Потом грузовых машин и автобусов. Пытаюсь складывать номера машин, но сбиваюсь. Болит спина. Темнеет. Замерзают руки, даже несмотря на то, что поверх перчаток уже надеты варежки. Рисую воображением прямо перед собой Надю, вижу, как она обнимает меня и шепчет что-то нежно. Ветер бросает в сетчатые глаза горсть пушистого снега. В нескольких метрах замирает бродячая собака и начинает громко лаять. Темнота качается, словно море. Прохожие торопятся мимо. Реальность торопится мимо. Неужели это моя жизнь?! Смотрю на часы: рабочий день закончился. Снимаю с себя куклу, но тяжесть на плечах остаётся. В завораживающем свете фонарей вечер становится иллюзорным. Ткань происходящего истончается. С небес вальсируют снежинки. Тают на моём лице. Затаскиваю куклу в торговый центр. Подхожу к автомату и покупаю кофе. Невидимые волны продолжают качать меня, обволакивают, тянут за собой. Надя и высокий брюнет идут к выходу из торгового центра, держась за руки. Кофе переливается через край сдавленного пластикового стаканчика. Я выбрасываю стаканчик в мусорное ведро. «The winner takes it all, the loser standing small». Надежда ушла с другим. Ха-ха-ха. Я иду к выходу на противоположную улицу. Надежда, мне с тобой не по пути. Из размытых очертаний вечера и падающего снега медленно появляется размалёванный рекламой бок автобуса. Внутри тепло и плохо пахнет. Сажусь в середине салона. Сзади кто-то маячит в полумраке. Кондукторша берёт из моих рук деньги и отрывает билет. Пристально разглядывает его, потом смотрит на меня. Она улыбается. Протягивает билет мне и говорит: «Счастливый билет». Я складываю числа на билете и киваю ей: «Да». Счастливый билет. Кондукторша исчезает. Тот, кто сидит сзади, громко чихает. Потом кашляет. Потом начинает что-то бормотать — ничего не разобрать. Мне хочется оглянуться, но я подавляю это желание. Размазанные, словно на плохой фотографии, краски улиц проплывают в окне. Двери автобуса открываются и закрываются, впуская людей. Через проход напротив меня теперь сидит женщина

с маленькой девочкой. Некто, расположившийся за моей спиной, начинает тихо поскуливать и плакать. Потом внезапно громко смеётся. Женщина поворачивает голову и с ужасом вглядывается в моё лицо. Мне хочется объяснить ей, что это не я, но я подавляю это желание. Сзади слышен невнятный шёпот. Заходят всё новые и новые люди. Проход между местами заполнен человеческими телами. Душно. Запах пота, мочи и перегара. Нечем дышать. Хочется кричать. Хочется растолкать всех и кинуться к выходу. Но я подавляю эти желания. Восприятие происходящего переливается через края моего сознания. Меня больше нет. Есть вонючий автобус и инерция, несущая происходящее через вечерний город и кружащийся снег. Одетые в громоздкую зимнюю одежду тела толкаются, борются за освобождающиеся места, коля друг друга локтями и словами кондукторша словно змея скользит протискивается извивается между человеческой массой плохо плохо уберите сумку! больше с тобой не поеду в такой-то давке раньше я всегда уезжала на полчаса позже не ломайте двери да уберите же сумку! оплачиваем за проезд мужчина вы мне все ноги оттоптали какое число сегодня? **МЕНЯ СЕЙЧАС СТОШНИТ!!!** что у вас там за проезд да-да я к вам обращаюсь оплачиваем или выходим моя остановка **МОЯ?!!**

остановка.

уроки камасутры движения к выходу.

автобус сблёвывает меня на снег.

ВСЁ ЭТО НЕРЕАЛЬНО!

ВСЁ ЭТО НЕРЕАЛЬНО!

ВСЁ ЭТО НЕРЕАЛЬНО!

Меня толкают сзади. Поворачиваюсь. Из переполненного автобуса продолжают вываливаться люди — я всем мешаю, загородив дорогу. В снежных круговоротах появляются и исчезают усталые бледные лица.

Я плотнее стягиваю шарф на шее и спускаюсь по ступенькам в парк. В парке темно: нет ни одного фонаря. Пустынно. Я иду мимо запорошенных снегом скамеек, детских площадок. Слева — спуск к небольшому пруду, ледяная горка. Справа за деревьями чернеет здание ночного клуба. Клуб давно не работает. Дорога усеяна пересыпавшимися из мусорных урн пивными бутылками, измятыми сигаретными пачками, обёртками от шоколадок. Кое-где виднеются использованные шприцы. Темнота и падающий снег. Всего в нескольких десятках метров, за темнотой и падающим снегом — мой дом. Свет от его окон не пробивается через пелену снега и темноты. Темнота и падающий снег. Чёрно-белое кино. Мне кажется, я слышу шаги сзади. Кто-то тёмный вечно следует за мной,

кто-то безымянный. Медленно-медленно поворачиваюсь в качающемся море из снежинок и темноты. Кто-то тёмный притаился за спиной, кто-то чужой.

Яркая вспышка — и мир вокруг застывает, озарённый. А потом я падаю вниз, на пушистую от снега дорогу. Человек, ударивший меня, снимает с руки кастет и убирает его в потрёпанную кожанку. У человека сильно трясутся руки, просто ходят ходуном, пока он судорожными движениями сдирает с меня куртку. Я почти не различаю его лица, только злые, чуть косящие, чёрные глаза. Такие чёрные, словно состоят из одних зрачков. Человек надевает мою куртку поверх своей кожаной, застёгивает, залезает в карман и достаёт оттуда... автобусный билет. Вертит билет в руках, подносит близко-близко к глазам и через несколько секунд удовлетворённо смеётся:

— Счастливый билет!

Комкает билет пальцами, засовывает комочек в рот и глотает. Наклоняется ко мне. Ощупав мои карманы, находит ключи от квартиры и сотовый телефон. Перекладывает всё в бывшую некогда моей куртку. Замирает, задумавшись. Затем, потрепав меня по щеке, качает головой и хмыкает:

— Не повезло тебе, фраерок.

Распрямляется и настороженно осматривается по сторонам. Вжав голову в плечи, быстрым шагом движется в сторону автобусной остановки. Но, отойдя на несколько метров, разворачивается, бежит обратно и, хватая пригоршни снега руками, пытается засыпать меня. Сразу же задыхается от рваных импульсивных усилий. Теперь его трясёт всего, с ног до головы. Выругавшись, он яростно отмахивается рукой и убегает, исчезая в снежной темноте, словно его никогда и не было в действительности.

Я гляжу на своё тело, наполовину засыпанное снегом. И где же мне найти столько любви к жизни, чтобы вернуться и продлить своё никчёмное, нелепое существование? Носить свою длинную неблагозвучную фамилию, родства с которой я никогда не ощущал в душе? Отзывать на имя, данное мне при рождении и никак не отражающее моей внутренней сущности? Мучиться часами в зверинцах общественного транспорта? Выполнять неинтересную, бесполезную, унижительную и глупую работу, только чтобы добыть денег на еду и жильё? Смотреть, как девушка уходит с другим и ужасаться, обнаружив в своём сердце не только ревность, но и зависть, чувство, которое всегда презирал? Ощущать, как гниёт внутри огромная куча бессмысленных воспоминаний? Уставать до тошноты от общения с людьми и искать одиночества, а обретя его, страдать от него и перебирать всё, что поможет избавиться

ся от него? Беспомощно барахтаться в безверии, безнадёжности и злобе? Идти по замкнутому кругу, в центре которого — обрыв в бездну. Попытаться понять и осмыслить происходящее, но находить за каждой открытой дверью лишь фантомы и знакомую круговую дорогу. Идти по кругу, опять по кругу, всегда по кругу, в котором и пути нет иного, кроме как в центр, туда, где обрыв в бездну.

Что же держит меня от прыжка в бездну? Что держало меня все эти годы от прыжка в бездну? Что? Что?! Что сильнее боли, одиночества, страха, усталости и разочарования?!

Я должен понять здесь и сейчас! Иначе будет слишком поздно... Я должен понять!!!

И было мне воспоминание. Однажды в детстве я болел так долго и ужасно, что позабыл, как выглядит свет белый за пределами жилища. Слипались дни в тяжёлой потной дрёме, пустынно-серые от скуки и томленья, и я уже не верил, что увижу солнце. Но, поборов болезнь каким-то чудом и лишь чуть-чуть окрепнув, бежал на улицу, ступеней не считая, а там уже была Весна! Я шёл, замороженный, не в силах надышаться: всё вокруг благоухало и цвело, и пело, и пел я сам, без слов слагая в сердце гимны и имя позабыв своё, и потеряв границы, и слившись с самой жизнью в песне, я понял, что люблю, а жизнь — и есть любовь, как мог забыть я это?!

— Как мог забыть я это?!

Жертвенное Возвышение

Притча

Высоко в горах, ближе к небу, чем к земле, не прячась от мира, но и не ища его страстей, расположилась тихая и кроткая Долина. Широкой и справной дороги меж Долиной и душным, дымящим где-то далеко внизу, неистовым, кирпичнонефтегазозлатоликим Городом не было. В Долину вели извилистые горные тропки, по которым цивилизация пробиралась с огромным трудом, тяжело дыша, обливаясь едким потом, отдуваясь и отплёвываясь, вся исцарапанная терновником и исхудавшая до таких степеней, что оставалась одна лишь тень её, жалкая, но зловещая.

Люди, населявшие Долину, жили просто и размеренно, были веселы и добросердечны. Уклад их бытия почти не менялся годами, и сложно было их представить свирепыми воинами, гениальными учёными или тонкими мыслителями. Но не было среди них также убийц, воров и мошенников. Всяк жил своим трудом, возделывая землю, ухаживая за животными и занимаясь ремеслом, близким сердцу и уму. Никто никогда не голодал и не бедствовал. Скука и тоска редко посещали селян, умевших радоваться жизни и принимать каждый миг её как подарок.

Городского обитателя такая идиллия привела бы в уныние: ничего-то в укромно-сокровенной, окольцованной горами Долине не происходило, не случалось никаких новостей, назойливый ритм постоянного волнения и спешки не проступал в человеческих лицах и движениях, а из всех событий были лишь сели да свадьбы. Казалось, само Время здесь остановилось, присело отдохнуть в тени деревьев, да так и уснуло, убаюканное тишиной и спокойствием.

Земля в Долине была плодородной, окрестные леса, покрывавшие склоны гор, полны ягод и грибов. Вдоль подножий гор тянулись яблоневые сады. Поблизости протекала речка. От стремительных её вод веяло свежестью и прохладой. Как и положено

горной реке, была она холодной, говорливой и мелкой — едва доставала до пояса в самых глубоких местах — но каменистые берега её выглядели древними и величественными, словно знали все тайны, хранимые с сотворения мира.

Селяне устраивали на реке небольшие запруды, сооружая их из камней рано утром и разбирая ближе к вечеру. Вода в запрудах постепенно прогревалась и к полудню становилась тёплой. Берег был окружён деревьями, и после купания люди, обогревшись и обсохнув на горячих от солнца камнях, расстилали в уютной тени покрывала, чтобы пообедать.

В праздники за длинными столами собирались все жители Долины. До поздней ночи не утихали разговоры, громкий смех и песни. Звёзды в небесах, птицы и звери в окрестных лесах внимали задорным и беззаботным, а подчас грустным и задумчивым голосам гитар, гармошек, скрипок и флейт. Столы заставлены были блюдами с разнообразными закусками и угощениями. Хмельных напитков — вин, сидра и медовухи — было вдосталь, но редко кто напивался до потери разума и достоинства: стыдно было позорить свою семью.

Мирно жили долинские семьи, оберегая любовь и уют в своих домах, храня добрые отношения с соседями, радушно привечая странников, забредших в Долину, и гостей из Города. Впрочем, незнакомцы нечасто заглядывали в Долину, а жители Долины редко посещали Город, ибо приводил он их в замешательство и ужас.

Случалось, правда, что молодые люди, томимые жаждой приключений, алчущие познания и острых ощущений, покидали селение и пропадали в мрачных лабиринтах Города. Мало кто из них возвращался обратно, а кто возвращался, были больны и духом, и телом.

Один лишь Сказочник, не терявший надежды разыскать когда-нибудь братьев своих, исчезнувших в Городе много лет назад, постоянно путешествовал через горы. Удивлялись долинские жители его спокойствию и выдержке. Казалось, тёмные чары страшного Города не исказили ни чёрточки в светлом лице Сказочника, а сам он остался таким же весёлым и открытым, каким был всегда. Повествуя о своих походах вниз, Сказочник много шутил и сильно преувеличивал ужасы Города, передавая их в комичном и нелепом виде. Селяне смеялись от души, и только Майя, прекрасная жена Сказочника, замечала сутуло притаившуюся в глубине любимых глаз скорбь, невысказанную, неизбывную, поникшеголовую гостью.

Был Сказочник высок ростом и худощав. Несмотря на седину, рано проступившую в волосах, обладал он немалой физической силой. Частые странствия по горам укрепили его тело, придав ему выносливость и гибкость. Кожа, приютившая мириады солнечных

лучей, приобрела стойкий бронзовый оттенок. Когда Сказочник смеялся, на его лице (особенно возле глаз) появлялись добрые счастливые морщинки.

Люди любили Сказочника за отзывчивость и честность: помогал он бескорыстно нуждавшимся в помощи, но никогда не врал и не юлил, не старался никому угодить, преследуя выгоду, не кривил душой. Городской обыватель только презрительно усмехнулся бы такому бесхитростному неумению «жить», но селяне понимали и ценили редкий дар Сказочника следовать прямому пути. Душой Долины был Сказочник.

С детства он сочинял стихи и песни, сказки и удивительные истории, полные волшебства и необычных приключений. Умел он их рассказывать так, что слушатели — и стар, и млад — сидели с широко открытыми глазами и ртами, переживая за героев, будто были то они сами, охая и ахая, вскрикивая и хватаясь за голову, плача и смеясь. И были среди историй Сказочника и грустные, и весёлые, и с радостными концовками, и с печальными, и длинные — за ночь не расскажешь, и короткие. Трогали душу истории Сказочника и запоминались. Селяне пересказывали их своим детям и внукам, каждый в меру своих способностей, добавляя что-то от себя, забывая детали, изменяя имена и события, передавая характеры персонажей подозрительно похожими на свои. Но даже в сильно переиначенных историях сохранялись Добро и Свет — главные их герои.

Предки Сказочника одними из первых когда-то очень давно, в незапамятные времена, поселились в Долине. Бог знает, откуда пришли эти люди в заповедный край. Имена их и деяния растворились в глубоком прошлом, став частью преданий, которые Сказочник рассказывал своим детям, пока они росли.

Майя с удовольствием слушала истории мужа, хотя и знала все наизусть. Ей нравилось следить радостными лучезарными глазами за мимикой и жестами любимого, ловя его нежный взгляд и отвечая ласковой улыбкой и лёгким поворотом головы.

Время не властно было над красотой и очарованием Майи. Всегда оставалась она стройной и изящной. Природная грация не покидала поступи её и движений. Внешняя и внутренняя красота сочетались в ней, образуя гармонию, и было лицо её светлым, мурым и спокойным.

Майя любила рисовать. На её картинах пейзажи Долины вспыхивали со всей необузданной силой и красочностью так, будто не картины то были, а окна, сквозь которые виднелись величественные горные хребты, лохматые белые облака, каменистые берега реки, сверкающей в солнечных лучах. Рисуя портреты, Майя стремилась запечатлеть, скорее, душу человека, нежели его лик.

Оттого лица на холсте получались добрее и радостнее, и люди, глядя на них, улыбались, становясь точь-в-точь такими, какими их написала Майя. Излюбленной темой Майи были цветы. С особым тщанием передавая грациозную беззащитность стеблей, нежную прелесть бутонов, Майя преумножала красоту мира, и думалось ей, что предназначение это достойно настоящего художника.

Сказочник любил Майю всем сердцем, и она любила его столь же сильно. Жили они душа в душу и расставались только тогда, когда уходил Сказочник в Город на поиски младших братьев своих, Леонарда и Максимилиана.

Много времени минуло с тех пор, как оставили братья Долину. Никого не удивило исчезновение их, ибо были братья, в отличие от Сказочника, с детства беспокойными, порывистыми и непредсказуемыми.

Родились Леонард и Максимилиан в один день, с разницей в полчаса. И был Максимилиан силен телом и красив, а Леонард силен умом и духом. Бежал Максимилиан на речку таскать камни огромные и купаться, а Леонард шёл следом, задумчивый и погружённый в себя, словно ворочал валуны мыслей странных и плыл в потоке раздумий. Забирался Максимилиан высоко в горы и глядел восторженно на Долину, крохотную сверху — поднеси ладонку под неё — уместится, а Леонард стоял рядом, созерцая красоту и величие мира. Ходил всегда босиком и легко одетым Максимилиан, потому как непогоды не боялся и вынослив был, а Леонард и вовсе не заботился о том, что на нём одето, ибо был отрешённым и жил внутри себя. И стремился брат Леонард к познанию: сказки и предания старинные знал наизусть, книги, что были в Долине, перечитал, учился всему, что увлекало его, жадно и иступлённо. Освоил брат Максимилиан ремёсла все, какие только ведомы были долинным жителям, умел руками делать всё и с той же силой, с коей Леонард познания, жаждал новых ощущений. В совершенстве владел музыкальными инструментами Леонард и мог, закрыв глаза, извлекать из них прекрасные, волшебные мелодии: то плачущие и пронзительные, то звонкие и ликующие. Любил танцевать и петь Максимилиан, и не было равных ему в красоте и выразительности исполнения.

Неразлучными были братья, всегда следовали друг за другом. Любопытные, непоседливые, хотели они охватить жизнь во всей её полноте, узнать все стороны её — и хорошие, и плохие — и тесно стало им в Долине. Скукой показался им покой дома, тоской повеяло от привычного глазу очарования. Не сказав никому не слова, не попрощавшись и не оставив никаких посланий близким, покинули братья родной край. И много лет ничего не знали о них

селяне, даже Сказочник, не прекращавший искать их в душном раскалённом Городе.

Но однажды случилось то, чего никто и не ждал уже: Леонард и Максимилиан возвратились в Долину. Чтобы возвестить о последних днях её.

В ночь накануне возвращения Леонарда и Максимилиана привиделся Сказочнику странный сон. Снилось ему, что встретил он братьев своих, и повели они его за собой, взяв за руки. Шли молча. Братья привели Сказочника к большому камню — возвышению около подножия гор с узкой площадкой наверху, где уместиться могло разве что трое. Поднялись все вместе братья на возвышение, встали, не расцепляя рук, выпрямились. И стояли братья, глядя на восток, туда, где пролегал самый широкий спуск в Долину с гор, за которыми был Город. И узрели братья, как выкатился из-за гор огромный поток огня, до небес касающийся языками, и кинулся стремительно к трём жалким, крохотным фигуркам, стоящим на возвышении. И объяло пламя всё вокруг, и увидел Сказочник, что стоит уже совсем один на возвышении, и не сжимает никто ладоней распростёртых его. Понял Сказочник, что погибель неизбежна, и смирил ужас в сердце своём. И сказал он Погибели: «Приму и тебя как Дар». И почувствовал тогда Сказочник, как невидимая сила поднимает его из пламени, всё выше и выше, выше и выше... и проснулся.

В предрассветной тишине обнял он нежно, так, чтобы не разбудить, любимую жену свою, и посмотрел на неё с грустью.

Всё утро чувствовал себя Сказочник разбитым и уставшим, словно тяжким трудом был сон, а не отдыхом. Непонятная тревога терзала душу его. Мысли путались, дела не ладились, валилось всё из рук.

Майя чувствовала душевное смятение мужа, но не спешила с расспросами. Смотрела на Сказочника ласково и долго, без слов говоря: «Любимый, я рядом, я с тобой».

В полдень гуляли они, держась за руки, по яблоневым садам. Солнце скрылось за облаками, и зной отступил. Ветер нёс прохладу и облегчение от полуденного жара. Вершины гор утопали в густых молочно-белых клубках. Притаилась во всём вокруг какая-то томная, загадочная Недосказанность, замерло, застенчиво опустив глаза долу, Ожидание.

Яблоневые сады раскинулись вдоль подножий гор. Долинные жители любили прохаживаться по длинным, прямым, усыпанным упавшими яблоками аллеям, тянувшимся между аккуратно высаженными рядами яблонь. Сладкий медовый аромат окутывал сады.

Сказочник вёл Майю, и сам того не ведая, к месту, пригрезившемуся ему во сне, — восточной стороне Долины, туда, где была широкая тропа, выходящая через горы в Город. Трепетные тре-

ли колокольцев раздавались рядом с влюблёнными: то брело за ними несколько коров. Майя поднимала с земли яблочки и давала коровам, с улыбкой глядя на жующих животных. Сказочник беззаботно рассказывал что-то, но грусть не покидала его, и была в лёгкости, с которой смеялся он, мудрость обречённого.

Когда аллея, по которой шли Сказочник и Майя, вывела их к подножию гор, посмотрела Майя на мужа ласково, но с трогательным волнением, и спросила:

— Что тревожит душу твою, любимый?

Простёр Сказочник руку и указал перстом на огромный страшный камень, навалившийся на землю в нескольких шагах от них:

— Жертвенное Возвышение. Видел я его сегодня во сне.

Сказочник поведал Майе сон. И сказал затем:

— Трое должны взойти на Возвышение, чтобы защитить Долину, когда придёт с востока Зло, гласит древнее предание. И если найдётся трое смелых, готовых пожертвовать собой, трое, что не дрогнут сердцем перед неминуемой гибелью, будет Долина спасена.

Майя рассмотрела пристально уродливый камень, заметив восемь ступеней неправильной формы, ведущих наверх, и спросила:

— А что станет с теми, кто отважится?

— Если будет их трое, спасутся и они, — произнёс Сказочник неуверенно.

Майя нахмурилась.

— Пообещай мне, — она взглянула сурово на мужа. — Пообещай, что ты не будешь одним из тех троих, что взойдут туда!

Сказочник растерянно улыбнулся и обнял жену.

— Любимая, но это всего лишь полузабытое предание и сон, чьи очертания уже померкли в моей памяти — не более, — сказал он и сам не поверил сказанному, почувствовав во рту горечь неправды.

— Никакие сны и предания не отнимут тебя у меня! Обещай же! Обещай! Обещай... — воскликнула Майя, и голос её дрогнул. Она прижалась к мужу, обхватив руками его шею, и уткнулась головой в его плечо.

— Я обещаю, что всегда буду любить тебя, Майя, — прошептал Сказочник.

Ближе к вечеру, когда Сказочник мастерил раму для картины жены, а Майя готовила ужин, донеслись до них с улицы громкие взволнованные голоса.

Отложив дела, супруги вышли на крыльцо и увидели несколько человек, торопливо приближающихся к их дому.

— Что случилось? — обратился к ним Сказочник.

— Твои братья вернулись, — донеслось в ответ. — Идём же скорее! Плохие вести принесли с собой Леонард и Максимилиан.

«Теперь трое нас», — подумалось Сказочнику, и радость от скорой встречи с любимыми братьями, захлестнувшая сердце его, омрачилась ужасным предчувствием. Замер Сказочник на мгновение, словно окаменев, потеряв взгляд из глаз, сиротливо опустевших. Глядели на него пришедшие и не узнавали: осунулся и постарел Сказочник за миг на полвека, печаль возлегла на лицо его.

— Где ты, любимый? В каких далях бродит душа твоя? — спросила Майя и взяла мужа за руку. — Разве не рад ты возвращению Леонарда и Максимилиана?

Очнулся тогда Сказочник, нежно сжал руку жены и сказал:

— Рад! Столько лет я ждал этой встречи...

Майя поглядела на мужа задумчиво и промолчала, только крепче сжала руку его.

И последовали вместе Сказочник и Майя за пришедшими — рука в руку. На широкой поляне увидели они столпотворение. Многие долинские жители уже были там. В добрых простых лицах селян застыли растерянность и испуг. Взгляды, казалось, кротко молили о чём-то. Люди расступались, пропуская Сказочника и Майю в середину круга, где изрекали громкими охрипшими головами страшные пророчества Леонард и Максимилиан.

С трудом узнал в двух оборванных бродягах Сказочник братьев своих. Был брат Максимилиан болезненно худ и тонок, лоскутами висели остатки одежды на истощённом теле его. Один скелет, казалось, сохранился от брата Леонарда и ветками торчали ребра его под кожей из-под лохмотьев грязных. Жалкие косматые ключья остались от некогда пышных кудрей Максимилиана. Свалялись волосы на голове Леонарда, и лысина проглядывала между комьями. И были глаза Максимилиана дикими и безумными, а взор Леонарда блуждал потерянно, ни на ком не останавливаясь.

— ...уже пробираются они через горы и завтра будут здесь, чтобы истребить безжалостно всех жителей Долины от мала до велика, сжечь дома и уничтожить всё, что напоминало бы о поселении, — раздался хриплый крик Максимилиана.

— А когда исчезнет сама память о Долине и её жителях, будут проложены через горы огромные туннели для поездов и машин, а на земле долинной построят роскошные отели и особняки для богатых, парки с развлечениями, питейные, игральные и публичные дома, — сипло проскрежетал Леонард.

Тут заметили они Сказочника и Майю среди окружавших их людей, и, вмиг обессилели оба, словно только и терпели, дожидаясь этого мгновения. Покачнулся и припал на одно колено, уперев ладонь в землю, Максимилиан. И сказал Сказочнику:

— Как хорошо дома! Дышится так свободно...

— ...словно кольчугу тяжёлую снял, — закончил за него Леонард и упал.

Сказочник бросился к Леонарду, бережно поднял его с земли и понёс на руках домой. Майя же помогла идти ослабевшему Максимилиану, придерживая его за плечи.

Встревоженные и опечаленные, смотрели им вслед долинные жители. И многие из них, вернувшись в дома свои, стали собирать вещи в дальнюю дорогу.

Прилегли отдохнуть Леонард и Максимилиан в одной комнате, попросив оставить их одних. Чрез стены доносились их громкие и нервные голоса. По напряжённому раздражению, искрящему в интонациях, нетрудно было догадаться, что братья ссорятся.

Сам не свой был Сказочник: не так представлял он встречу с любимыми братьями. И улыбался он Майе, но настолько жалко и печально, что у неё замирало сердце. «Мы были так счастливы», — подумала Майя и сказала мужу:

— Я люблю тебя, мой Сказочник!

Сказочник нежно посмотрел на жену, ласково прикоснулся ладонями к её щекам и сказал:

— А я тебя люблю, Воробушек! Очень-очень люблю! Всей душой!

Майя прильнула губами к губам мужа. Их поцелуй на несколько трепетных чудесных мгновений отодвинул тьму, надвигающуюся на Долину.

Ужинали поздно. Леонард и Максимилиан отмыли грязь с тел своих и сидели за столом в чистых красивых одеждах, что принесла им Майя, но были мрачны и неразговорчивы. Растерянно и с досадой смотрел Сказочник, как жадно набросились братья на вино, почти не притронувшись к еде.

После ужина все вышли на веранду. В сгущающихся сумерках закурили Леонард и Максимилиан самокрутки. Майя расположилась немного в стороне, в кресле-качалке, подальше от дыма. Сказочник поглядывал на братьев с тоской. Братья курили нервно, резкими судорожными движениями вонзая самокрутки в губы. Огоньки от затяжек выхватывали из темноты очертания их злых и напряжённых лиц.

И попросил тогда Сказочник братьев рассказать, что же случилось с ними в Городе и какая опасность грозит Долине.

— Расскажешь, брат Леонард? — раздался насмешливый хрип Максимилиана. — Всегда силен в делах я был, в словах — ты.

— Слово — тоже деяние, брат Максимилиан, но требует оно ума и тонкости, а потому не всем подвластно, — также насмешливо просипел в ответ Леонард. — Я расскажу.

И вот что рассказал он:

«Много лет назад покинули мы Долину. Кажется мне теперь каждый год, проведённый вдали от дома, утомительным и долгим, словно столетие. О, лукавое и капризное Время, искусный лицедей восприятия... Много, очень много лет назад, два брата шли по железнодорожным путям, что пролегают с той стороны гор и ведут в таинственный Город. Было нам и страшно, и весело одновременно, кровь кипела от предвкушения неизвестного. И задышался я от волнения при мысли, сколько новых книг и необыкновенных знаний ждёт меня в колыбели цивилизации, а у Максимилиана сладко кружилась голова и по телу разливалась жгучая истома, когда думал он о неизведанных ещё наслаждениях, которые сулил Город. Казались мы себе сильными и мудрыми, готовыми к любым испытаниям и трудностям. Но кто сам ищет искушений — уже раб их в сердце своём.

Город встретил нас раскалёнными, словно камни среди горящих углей, улицами. Пот катился с нас ручьями, застилая глаза. Из-за жуткой духоты и выхлопных газов от сотен машин, а также прогорклого дыма жарящегося несвежего мяса из множества грязных харчевен, и кислого запаха пива, назойливо преследовавшего нас около бесчисленных уличных ларей, и смрада давно невымытых человеческих тел, и перегара от огромного количества всякого человеческого сброда — нищих, пьяниц, проституток — нам было тяжело дышать... Но даже эти отвратительные зловония представлялись нам символами могущества и силы Города, гигантского котла с варящейся в нём человечиною.

Не только люди страдали от палящего зноя. Всюду на пути нам попадались раздавленные машинами голуби. Птицы, сонные, разомлевшие от неимоверного жара, не успевали реагировать на приближающуюся опасность и гибли. От них оставался лишь растёртый по асфальту след из раздавленных внутренностей и перьев.

Несколько первых дней мы провели на улице, ночуя в городских парках. Денег у нас не было, а найти работу оказалось непросто. Ночью в городе было на удивление холодно! Когда наши съестные припасы растаяли вместе с нашими силами и надеждами, удача наконец-то немного улыбнулась нам, и Максимилиан смог устроиться рабочим на завод, а я — уборщиком в библиотеку. Максимилиану дали комнату в общежитии, и мы поселились в ней вдвоём. Запах жареной селедки, проникавший в нашу комнату от соседей, всегда незримо присутствовал третьим лишним. Нищета пропитала жизнь сальной безысходностью. Будущее казалось настолько безнадежным, что думать о нём не хотелось. И спасали меня от отчаяния только книги, которые я читал ночи напролёт, а Максимилиана — физические упражнения, которым посвящал он весь свой досуг.

Впрочем, благодаря нашим способностям, а также упорному труду, мы недолго оставались рабочим и уборщиком: Максимилиан стал мастером, а я библиотекарем. Мы сняли комнаты на окраине Города. Надо ли говорить, что комнаты находились в одном доме, более того — располагались по соседству? После работы мы встречались, чтобы поделиться впечатлениями и выпить пива, немного — для расслабления. К тому времени я увлёкся запретными и тайными знаниями, побывал в нескольких сектах и начал заниматься магией. Максимилиан осваивал различные системы рукопашного боя и изучал возможности человеческого тела.

Когда меня позвали работать в Главную библиотеку Города, а Максимилиану дали руководящую должность в офисе, мы сняли квартиры поближе к центру, в одном доме, но уже на разных этажах, ибо к тому времени очень устали от постоянного общения друг с другом. Теперь, изредка встречаясь, мы пили крепкие алкогольные напитки и курили. Нам было скучно друг с другом.

Обратившись к ростовщику, я занял денег и открыл небольшой книжный магазин. Удача сопутствовала мне: вскоре я смог выплатить долг, и благосостояние моё стало расти. Работа за гроши в библиотеке была забыта, как страшный сон. Мои магические способности достигли опасных высот, и иногда, покидая тело, я уже не знал, смогу ли вернуться обратно.

Максимилиан ушёл с завода и организовал охранное бюро. Тёмными делами занималась его контора, и дурная слава ходила о ней по Городу. Максимилиан много пил, в драках безнаказанно калечил людей, ибо обладал чудовищной физической силой, а из-за того, что облечённые властью не раз обращались к нему за разного рода «делikatными» услугами, закон всегда оказывался на его стороне.

Странно, но чем быстрее и полнее претворялись в жизнь наши желания и мечты, тем ужасней становилась пустота в наших сердцах. Тоска, тоска, вселенская, горькая, невыносимая, пронзила дни.

Новые знания уже не приносили радости, но только множили моё непонимание мира, и приобретение их стало возмутительно бессмысленным. Всё тяжелее было мириться с обыденностью, серостью реальности. Я жаждал недостижимых горизонтов, неисчерпаемых глубин, неизведанных миров. Хотелось дотянуться рукою до Солнца, пробежаться по Млечному Пути, жонглировать планетами. Я страстно желал поправить слабость и ограниченность человеческого восприятия.

И обратил я своё любопытство вовнутрь себя, и стал исследовать действие различных трав, грибов, ядов и изменяющих сознание веществ. Чего только не испробовал я тогда! Были травы,

вызывающие безудержный смех — улыбка не покидала уст моих, и мнилось, что не я это улыбаюсь, а само лицо моё и даже... сама моя улыбка. И грибы, порождающие галлюцинации, — и видел я слова, вылетающие из моего рта разноцветными буквами и много других странных и замысловатых грёз. Некоторые вещества лишали сна и аппетита, вызывая на время необыкновенный прилив сил и бодрости, некоторые — делали меня безудержно словоохотливым и общительным, некоторые — приводили в беспричинный ужас, заставляя разум сочинять нелепые, но неотступно-навязчивые страхи, некоторые — обостряли вкусовые ощущения, и еда становилась удивительно вкусной, раскрывая множество глубоких и тонких оттенков. Время то замедлялось до невозможности, то ускорялось тысячекратно. Иногда уже совершённые действия и совершаемые происходили одновременно: например, я приподнимался на постели, тянулся за стоящим на столе стаканом с водой, пил из него, ставил обратно на стол и снова ложился — и всё это вершилось в моём сознании в один и тот же миг, словно это делали несколько человек, каждый из которых — я. Удовольствие, которое я получал от всех этих необычных путешествий в глубь себя, сложно было сравнить с чем-либо другим. Я и не заметил, как оно стало управлять всеми моими помыслами, превратившись в единственный смысл жизни, поработив меня. Очень скоро я растерял всех друзей и подруг, растратил все сбережения, продал книжный магазин и снова переехал на окраину Города, в мрачную и тесную комнатуху, пропахшую жареной сельдью. Но мне уже было всё равно: реальность больше не имела значения, уступив место иллюзиям и снам. Я исхудал и ослабел, тело моё перестало заботить меня. Иногда мне даже казалось, что его и вовсе нет, а есть лишь ещё один фантом, чуть более достоверный и навязчивый, нежели остальные, и от того особенно досадный.

Максимилиан, ужаснувшийся, так же как и я, приоткрывшейся за всем сущим пустотой, попытался заслониться от неё беспробудным пьянством, чревоугодием и развратом. Пил он до упаду, до полной потери разума. Обьедался дорогими деликатесами до рвоты. Женщины в постели его менялись так часто, что он перестал запоминать их имена и лица. Перед его мутным хмельным взором дни и ночи слились в суматошном карнавальном экстазе. Он потерял ощущение действительности. Но чувство разочарования не отпускало сердца его, и Максимилиан пил ещё сильнее, чтобы забыться, потеряться, чтобы осталось одно тело — ненасытное, жадное, неистовое. Ежедневно тратил он огромные суммы денег и вскоре пошёл по миру. Лишившись охранного бюро, вынужден был он перебраться в городские трущобы, где совсем опустился.

Однажды в каком-то захудалом, дрянном баре устроил он пьяный дебош и в драке забил несколько человек насмерть.

Очнулся он уже в тюрьме.

Там мы и встретились снова, ибо я попал в неё чуть раньше за кражу.

Никто в тюрьме не знал, что мы братья: Максимилиан назвался другим именем и умолчал про то, что родом он из Долины. Сам он толком не понимал, почему поступил подобным образом: словно какая-то неведомая сила управляла его действиями. И кажется мне иногда, что всё, что происходит с нами, вплоть до наших деяний и даже мыслей, предрешено заранее. В такие минуты совсем теряюсь я, ибо в чём же тогда проявляется наша воля и сущность?

Кормили в тюрьме плохо, относились к заключённым — ещё хуже. Ежедневные побои и изнурительные работы окончательно подорвали наше здоровье, и остались от нас только тени Леонарда и Максимилиана. Поддерживала жизнь в двух жалких доходах мечта о доме, мечта вернуться когда-нибудь в Долину.

Дом! Сколько слёз пролил я, мечтая ещё хотя бы раз взглянуть на эти горы и деревья, пройти по яблоневым садам, услышать родные голоса, вдохнуть этот воздух! Никогда и ничего за всю жизнь не жаждал я так сильно, как вернуться домой, даже чтобы просто умереть здесь.

Знаю, что страстно желал брат мой Максимилиан того же.

Но, как и случалось всегда с нами, исполнилась наша мечта совсем не так, как хотели мы.

Однажды вызвали меня к начальнику тюрьмы. Тот посмотрел на меня пристальным тяжёлым взглядом и сказал: «Мне нужен проводник. В Долину. Никого, кроме тебя, из тех мест мы не нашли, а значит — ты и поведёшь». Понял я по его тону, что возражать и упорствовать бессмысленно. Молча кивнул я и понуро опустил голову.

Чуть позже, встретив Максимилиана, услышал я от него, что надзиратели отбирают заключённых для какого-то важного и страшного дела на воле, притом, ищут самых отъявленных негодяев и душегубов, тех, чьи сроки бессрочны, злодеяния ужасны, а души черны, как бездонная пропасть. Тогда передал я брату, к чему принудил меня начальник тюрьмы. Брат, выслушав меня, опечалился.

Спустя несколько дней разбудили меня рано утром и повели на тюремный двор. Там уже были выстроены заключённые — больше трёх десятков — и стояло несколько надзирателей с собаками. Среди заключённых заметил я и Максимилиана.

Говоривший что-то узникам суровым и презрительным голосом, начальник тюрьмы повернулся ко мне и, указав на меня рукой, произнёс: «А вот и проводник. Беречь. Стеречь».

В тот же час наш отряд покинул тюремные пределы и двинулся в сторону гор. Во главе хорошо вооружённых надзирателей, сопровождающих отряд, был сухощавый пучеглазый капитан с вытянутым глупым лицом и седеющими вихрами. Он не отпускал меня от себя ни на минуту и не разрешал ни с кем, кроме него, говорить. На все мои вопросы относительно миссии отряда он бормотал какую-то несуразную путаную чушь, понять из которой хоть что-то было решительно невозможно.

Ночь застигла нас уже в горах. Отряд расположился на привал. Надзиратели выдали заключённым сухой паёк и воду.

После ужина велено было всем спать. Назначив караульных и приставив одного специально ко мне, капитан тоже лёг спать.

Я же заснуть не мог. Раздирали меня противоречивые чувства. Дрожь волнения охватывала всё существо моё, когда я думал, что скоро вновь увижу родные края. Но ужасался я тому, что веду Погибель в единственное место, которое искренне люблю, и собираюсь погасить последний луч света, ещё сверкающий в чёрной пустоте моего сердца. Да, я понимал, что и без моей помощи найдут путь в Долину, так как не является он тайной, и взяли меня в проводники исключительно для удобства и быстроты передвижения отряда. Но совесть, которую мнил я давно усопшей, неожиданно больно ужалила меня. Я сел на камушек, закрыл лицо руками и тихо заплакал.

Не знаю, долго ли я сидел в таком положении, но очнулся я от того, что кто-то сильно сжал моё плечо. Убрав руки от лица, я увидел перед собой брата Максимилиана. Удивлённо посмотрел я на него, оглянулся по сторонам и заметил в стороне тело моего стража, неестественно скорчившееся на земле. Приложил палец к губам Максимилиан и показал жестами, что должны мы торопиться.

Осторожно прокравшись во тьме мимо караульных, мы покинули спящий отряд. Пробирались мы по горам без остановок и передышек, так быстро, как только могли.

Когда мы спускались с гор, брат Максимилиан поведал, что отряд, сформированный из отпетых уголовников, должен был убить всех жителей Долины и сжечь поселение. На подходах к Долине заключённым пообещали выдать холодное оружие. Награда за выполненную работу — свобода и награбленное. Тех, кто попытается скрыться в горах или откажется от выполнения задания, будут расстреливать сопровождающие отряд конвоиры. Максимилиан добавил, что, по слухам, бродившим среди отряда, на месте поселения городские власти давно собираются построить дорогой курорт, сулящий баснословные прибыли.

Последний отрезок пути проделали мы бегом: непонятно откуда взялись в нас силы. Ворвавшись в Долину, стали стучать мы

во все дома и созывать людей, чтобы сообщить им об ужасной опасности, надвигающейся с востока».

Леонард замолчал, и тишина, воцарившаяся после его слов, была печальна и безутешна. Почувствовал Сказочник, как покидает Долину Гармония. Почувствовала Майя, как грядёт в Долину Разрушение.

— Мы должны защитить Долину! — отчаянно воскликнула она и вскочила с кресла. — Надо собрать всех, кто готов с оружием в руках встретить убийц! Всех мужчин Долины, да даже и женщин, тех, чьи сердца не дрогнут!..

— Нет в Долине оружия, — тихо произнёс Сказочник.

— Есть топоры, ножи, вилы! Ведь у головорезов, что идут сюда, огнестрельного оружия тоже нет! А значит, силы равны!

В темноте раздался хриплый смех Максимилиана.

— Не воины жители Долины, — также тихо сказал Сказочник. — Не смогут они оказать сопротивление тем, кто спустится с гор.

— Агнцы беззащитные — жители Долины, — прошептал Максимилиан, — звери хищные подступают, чтобы растерзать их. Могут овцы дать бой волкам? То не бой будет, а избиение.

— Значит, нет выхода другого, кроме как покинуть дома наши, в которых жили предки и дети росли? — крикнула Майя. — Бросить землю, которую возделывали поколение за поколением с такой любовью и терпением? Бежать постыдно и трусливо, оставив родной край на поругание алчным негодьям и убийцам?

Теперь засмеялся Леонард, зло и цинично.

— Единственное разумное решение, — прохрипел он.

— Но есть неразумное, — раздался спокойный голос Сказочника. — Брат Леонард, много старых преданий знал ты когда-то. Помнишь ли то, в котором говорится о трёх смелых и Жертвенном Возвышении?

Не сразу ответил Леонард. Но когда заговорил он, не было уже в голосе его злобы и усмешки:

— Помню. В детстве любил я предание это больше остальных и мечтал стать одним из тех трёх, которые саму смерть попрали храбростью и верой.

— И я помню! — вдруг вскричал Максимилиан. — И я мечтал!

— Во всём повторяешь ты меня, брат Максимилиан, — прошипел Леонард раздражённо.

— А может быть, наоборот — это ты всегда неотступно следуешь за мной? — возмущённо выговорил Максимилиан в ответ.

Но тут встал Сказочник между ними и, положив руку на плечо Леонарду, посмотрел в лицо ему и спросил:

— Брат Леонард, взойдёшь ты со мною завтра на Жертвенное Возвышение?

— Нет! — в ужасе вскрикнула Майя.

— Да, — ответил Леонард.

Сказочник повернулся к Максимилиану и, положив другую руку на плечо ему, спросил:

— А ты, брат Максимилиан?

— Нет!! — ещё громче закричала Майя.

— Да, — ответил Максимилиан.

— Нет! Нет! Нет! — Майя, зажмурившись и обхватив голову руками, резко качала ею из стороны в сторону, отказываясь верить в происходящее. — Это же самоубийство, глупое и бессмысленное...

Сказочник подошёл к жене и обнял её.

— Любимая, ты же всегда верила в меня! — сказал он и добро улыбнулся в темноте. — Поверь и сейчас: всё будет хорошо!

— Хорошо?! — тихо и напряжённо переспросила Майя. — Да ты издеваешься? Только смерть и разрушения впереди!

Она вырвалась из объятий Сказочника и, стремительно спустившись по ступеням с веранды на землю, почти бегом бросилась прочь.

— Майя!.. — простонал ей вслед Сказочник. Он тяжело вздохнул. — Надо верить... Верить... Подожди!..

И устремился он вслед за ней, но когда догнал, она резко повернулась и вытянула перед собой руки с ладонями открытыми. Замер Сказочник, с печалью глядя на выросшую стену.

— Я должна побыть одна, — произнесла Майя.

И столько боли пульсировало в её голосе, что Сказочник вскрикнул и порывисто потянулся к ней, но Майя твёрдо и решительно сказала:

— Нет.

И снова замер Сказочник, беспомощно глядя, как Майя растворяется в темноте.

— Я люблю тебя, Воробушек... — грустно прошептал он, зная, что Майя уже не услышит его.

Когда вернулся Сказочник на веранду, не было там никого.

Только ночь, черноокая, задумчивая, необычно темна и глубока, пристально вглядывалась в его замершую фигурку и таинственно колыхалась.

Сказочник опустил в кресло-качалку и закрыл глаза.

— Я не поддамся тебе, отчаяние! Да не впаду в тебя, грусть! Не дрогну перед тобой, страх! Я... сильный! Я... смелый! Я выстою! — надрывно прошептал он.

Ночь ласково погладила его по волосам и усмехнулась.

Рано утром задремавшего Сказочника разбудило прикосновение чьей-то мокрой и холодной руки. Открыв глаза, увидел он

Майю. Стекала вода с её волос и одежд, и дрожала Майя так сильно, что зубы её громко стучали.

— Всё кончено, Сказочник, — проговорила она, запинаясь от дрожи. — При смерти твои братья...

Покачнулась Майя, и Сказочник, подхватив её, поднял на руки и отнёс в дом. Сняв с неё мокрую одежду, Сказочник вытер Майю насухо и, положив в кровать, укрыл тёплым одеялом.

— На берегу реки братьев найдёшь! — прошептала Майя, взяв Сказочника за руку. — Позови соседей, чтобы помогли тебе перенести их в дом.

Сказочник нежно сжал руку жены.

— Нет больше трёх, — шепнула Майя и посмотрела на Сказочника. — Не будет жертвы...

Сказочник быстро отвёл глаза от взгляда жены и, поцеловав её, бросился к дверям.

Когда он и несколько мужчин из соседних домов, добежали до реки, то сразу увидели в некотором отдалении Леонарда и Максимилиана, лежащих рядом на берегу.

Камни вокруг них потемнели от крови. Братья ещё дышали, но были без сознания. Люди помогли Сказочнику осторожно донести братьев до дома.

Майя встретила их в дверях. Она уже не дрожала, и взор её был ясным и сосредоточенным. Подождав, пока Сказочник и помогавшие ему мужчины переоденут братьев в сухую одежду, она перевязала раны Леонарда и Максимилиана.

— Что произошло на берегу реки, любимая? — спросил Сказочник чуть погодя.

Майя вздохнула.

— До рассвета бродила я вдоль берега реки, пытаюсь справиться со страхом и болью в сердце своём, когда услышала истошные вопли Леонарда и Максимилиана. Бежала я так быстро, как только могла, но ещё издали увидела, как поднял над головой большой камень Леонард и закричал жутко: «Ты тюрьма моя! Ненавижу тебя!» И ударил камнем Максимилиана по голове. Покачнулся Максимилиан — любой другой от удара такого упал бы замертво — но он устоял на ногах и, схватив Леонарда, потащил его в речку, где начал бить головой о камни и душить, крича в ярости: «Ты разрушитель мой! Ненавижу!» К тому моменту, когда добежала я до них, оба уже лежали в воде, обессилив. По одному вытащила я их на берег, где они остались лежать уже без сознания.

Майя замолчала, а Сказочник сокрушённо вздохнул:

— Что же вы наделали, братья... Вместе могли мы отворотить беду...

— А теперь остался ты один, Сказочник! — воскликнула Майя.
— Но есть ещё жители Долины, — задумчиво молвил Сказочник. — Неужели не найдётся среди них двое смелых?..

И пошёл Сказочник по домам долинных жителей в надежде найти двоих смельчаков, но робели от его слов мужчины, краснели и отводили глаза, а женщины громко кричали и гнали его вон. Все поспешно готовились к бегству из Долины, и многие дома уже пустовали. Никто больше не хотел слушать Сказочника, и само имя его — Сказочник — шептали теперь в спину ему с горькой усмешкой и обидой, словно именно он виноват был во всеобщем горе.

Придя домой, Сказочник прислонился к дверному косяку, растерянно посмотрел на жену и сказал:

— Не нашёл я ни одного человека...

Майя подошла к нему, обняла и, поглаживая по волосам, проговорила:

— Родной мой, всё, что мог, сделал ты! Никаких надежд нет больше для Долины. Должны мы смириться с судьбой и бежать. Все уходят выше в горы. Уже отправила с соседями на телеге я Леонарда и Максимилиана. Не знаю, смогут ли пережить они поездку... Но здесь верная гибель их настигнет. Так же как и любого, кто дерзнёт остаться!

Сказочник посмотрел печально на Майю и прошептал:

— Прости!..

— За что?! — в ужасе отпрянула она от него, уже зная, что скажет он.

— Я пойду к Жертвенному Возвышению один.

— Не пойдёшь! Ни за что не отпущу я тебя!

— Я должен, любимая.

— Во имя чего?! Во имя кого?! — закричала Майя, задыхаясь. — Все ушли, здесь некого больше защищать! Никто не решился встать с тобой плечом к плечу! Ради кого ты собрался жертвовать собой?

— Ради тебя, любовь моя, ради детей наших, ради души своей и ради Долины, — устало пробормотал Сказочник в ответ.

— Но ты мне дороже всех Долин, что есть на свете! — воскликнула в сердцах Майя. — И детям ты нужен живым! И разве не говорил ты, что, по преданию, должно быть трое на Жертвенном Возвышении, чтобы спасти Долину и спастись самим? Что принесёт страшная и напрасная жертва твоя, кроме горя?

— Гони страх из сердца и, бродя не зная, лезь в тёмную воду — свободу, сильнее самой смерти, зерно, умирая, даёт миру новые всходы, — вспомнил Сказочник слова старой песни и грустно улыбнулся жене. — Верю я в то, что жертва не может быть напрасной.

Майя молча посмотрела на Сказочника так, что сердце его сжалось. Слёзы текли по щекам её, но даже не знала она, что плачет. Столько отчаянной любви, обиды, непонимания и осуждения смешалось во взгляде Майи, что Сказочник опустил голову, чувствуя, что ещё мгновение — и не устоит он.

— Не искушай меня, любимая, — прошептал Сказочник, не поднимая очей.

— Не буду, любимый, но и жертву твою не приму, — сказала Майя, и, когда поднял взор свой Сказочник, то увидел в глазах жены только боль, заслонившую все остальные чувства.

— Прости!.. — молвила Майя, быстро поцеловала Сказочника в губы и покинула дом. Звук её удаляющихся шагов ещё какое-то время доносился в распахнутые окна с улицы, пока не стих где-то вдали.

Сказочник закрыл глаза и долго-долго стоял в пустом доме своём, в опустевшей Долине, один-одинёшенек.

Полдень приближался, и стрёкот цикад на улице становился всё громче и монотоннее, возвещая огнедышащий зной. Ни ветерка не колыхало листвы деревьев.

Сказочник открыл глаза, провёл рукой по лицу своему, словно для того, чтобы ощутить, что он ещё здесь, и неожиданно улыбнулся.

Помывшись и одевшись во всё белое, прошёлся он по всем комнатам дома, прикасаясь к вещам и чуть улыбаясь. Был взор его светел и спокоен, а движения — лёгкими. Лишь иногда грусть прокрадывалась в уголки его рта и изливалась из груди коротким вздохом.

Вышел Сказочник на улицу, и жара окатила его со всех сторон. Безмолвно наблюдали за ним окна осиротевших домов.

И двинулся Сказочник неспешно, выпрямив спину, расправив плечи, по пустынным улицам.

Дойдя до яблоневых садов, вдохнул он полной грудью чудесный сладкий аромат, поднял с земли яблочко и огляделся вокруг. Но некому было подать яблока и не слышалось ниоткуда ласковой трели колокольцев. Тогда Сказочник бережно опустил яблоко обратно на землю.

Вскоре достиг он восточных пределов Долины и остановился возле огромного уродливого камня. Потрогав камень рукой, задержал Сказочник дыхание и шагнул на первую ступеньку. Покачнувшись, еле удержавшись на ногах, и глянул вверх. И показалось ему, что оставшиеся семь ступеней ведут так высоко, так безумно высоко, что никогда и ни за что не преодолеть ему этого ужасного расстояния.

И услышал он рядом, будто наяву, насмешливый голос:

— Глупость одна — то, что ты делаешь. Не нужна никому жертва твоя, и лишена она всякого разумного смысла.

— Нет бессмысленных жертв! И разумом человеческим не из-

мерить подвига душевного, — сказал в ответ Сказочник и шагнул на третью ступеньку. Уже твёрже стоял он на ногах.

— Смелость твоя — это упрямство дурака, ослепшего от веры в сказки. Но время сказок ушло, Сказочник! Вспомни, никто не поверил тебе! Никто! Ни один не пошёл за тобой по этим ступеням, ведущим к гибели! Ни один! — зашептал страстно и убедительно голос. — Жизнь, великую и прекрасную, бесценную, неповторимую, предпочли они пустому подвигу твоему! Жизнь выбрали живые, ибо она — это единственное, что по-настоящему ведомо человеку!

— Я люблю жизнь! — искренне воскликнул Сказочник. — Из благодарности за неё поднимаюсь я сейчас по этим ступеням.

И шагнул он сразу на ступень шестую.

— Сколько в тебе величия! Сколько гордости! — ехидно усмехнулся голос. — Жаль, что не захватил ты на Возвышение большого зеркала! Но скажи, хвастливый мученик: любясь величественным подвигом своим, думал ли ты о том страшном и сокрушительном горе, что принесёшь самым близким тебе людям? Боль, боль и разочарование — вот твой дар любящим тебя, беспощадный!

Замер Сказочник на ступени шестой и содрогнулся душой. Повисли руки его безвольно, поникли плечи. Опустил голову он, не в силах поднять глаз на оставшиеся ступени. Капнула на камень, разбившись и бесследно исчезнув, одинокая слезинка.

— Сам не ведаю, что делаю, — потрясённо произнес Сказочник, но вдруг почувствовал, как кто-то взял его за руку.

— С кем это ты говоришь, Сказочник? — услышал он рядом такой родной и любимый голос.

Резко вскинув голову, взглянул он с изумлением на Майю. Она же посмотрела на него весело и тепло, но с отчаянной решимостью.

— Пойдём! — воскликнула она и потянула Сказочника за собою вверх.

И шагнули они на Жертвенное Возвышение вместе.

Там, на ровной узкой площадке, обнял Сказочник жену и крепко прижал к себе.

— Мой храбрый Воробушек, — прошептал он, с любовью глядя ей в глаза.

— Мой храбрый Сказочник! — шепнула Майя, обвила шею мужа руками и поцеловала в губы его.

Когда, держа друг друга за руки, повернулись они лицами к востоку и посмотрели бесстрашно на спускающихся по склону горы, был ровно полдень.

И лишь одно место рядом с ними на Жертвенном Возвышении пустовало...

Так, во имя души твоей, где же ТЫ?!

Содержание

Ты помнишь обо мне. <i>Повесть</i>	3
Во тьме. <i>Рассказ</i>	72
Свеча. <i>Рассказ</i>	78
Страх. <i>Рассказ</i>	85
Шериф. <i>Рассказ</i>	94
Счастливый билет. <i>Рассказ</i>	97
Жертвенное Возвышение. <i>Притча</i>	109

Литературно-художественное издание

Алексей Андреевич Сыромятников

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Повесть. Рассказы. Притча

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Дизайн обложки — *Софья Сыромятникова*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 28.03.2012. Формат издания 60х90/₁₆.
Объём 8,0 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 550 экз.

Отпечатано в типографии издательства ООО «Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 310, телефон (846) 267-36-82